

ХЬЮ ЛОФТИНГ

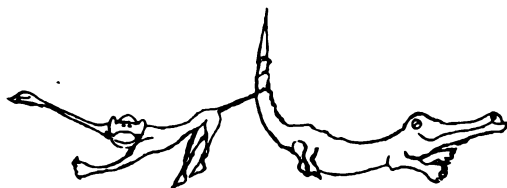
ИСТОРИЯ ДОКТОРА ДУЦТЛА

ХЬЮ ЛОФТИНГ

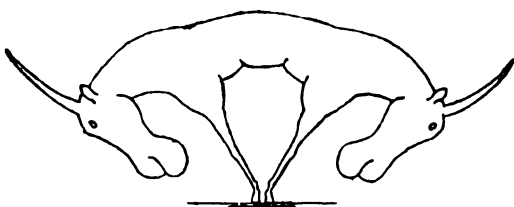

ХЬЮ ЛОФТИНГ

ИСТОРИЯ ДОКТОРА ДУЛИТЛА

ПОЧТОВАЯ СЛУЖБА ДОКТОРА ДУЛИТЛА

МОСКВА
«РУДОМИНО»
1992

ББК 84.4. Англ.

Перевод с английского
Ю.В.Муравьевой, Т.П.Филаткиной,
М.И.Фрейдкина

Рисунки автора

Л $\frac{48040101000-4}{476(02)-92}$ Без объявл.
ISBN 5-7380-0015-3

© Ю.В.Муравьева. История Доктора Дуамтла.
Перевод, 1992
© Т.П.Филаткина, М.И.Фрейдкин. Почтовая
служба Доктора Дуамтла. Перевод, 1992
© И.К.Борисова. Оформление, 1992

Вы все, конечно, помните стихи Корнея Ивановича Чуковского о добром докторе Айболите. Читали, наверное, и его прозаические сказки — «Доктор Айболит», «Огонь и вода», «Приключения белой мышки». А знаете ли вы, кто такой доктор Айболит, откуда он родом?

Его настоящее, подлинное имя — Доктор Дулитл, а появился он на свет благодаря английскому писателю Хью Лофтингу. Вместе с ним родились и персонажи-животные: собака Джип, утка Даб-Даб, поросенок Габ-Габ, обезьянка Чи-Чи и другие любимые питомцы Доктора Дулитла.

Увлекательные приключения этой дружной компании Хью Лофтинг описал в нескольких романах для детей. Его герои путешествовали по Африке, посетили остров Паукообразных Обезьян, однажды им даже довелось побывать на Луне. И всюду Доктор находит новых друзей, лечит больных, помогает людям и животным, мирит врагов, заслуживая их благодарность и любовь.

Наверное, вам будет интересно немного узнать об авторе этих книг, о писателе Хью Лофтинге.

Он родился в Англии в 1886 году. С самого раннего детства Хью любил животных. А то, что у его матери была собственная ферма, позволяло ему даже иметь свой маленький зоопарк. В юности Лофтинг и не думал, что станет писателем. Он получил техническое образование, обучаясь сперва в США, а потом в Англии. Профессия железнодорожного инженера заносила его в разные концы планеты — он работал в Африке и в Южной Америке — как раз в тех местах, где позже путешествовал его Доктор Дулитл.

И все-таки он чувствовал влечение к писательскому труду и, вернувшись из дальних странствий, оставил работу инженера и начал сочинять для журналов веселые, смешные истории.

А потом началась первая мировая война, и Лофтинг оказался на фронте. Как ни странно, там-то и появился на свет Доктор Дулитл. Тоскуя по своим маленьким детям, Колину и Елизабет, Лофтинг — из письма в письмо — рассказывал им историю приключений своего героя, такого доброго, отзывчивого и миролюбивого.

Первая книга — «История Доктора Дулитла» была опубликована в 1922 году и имела огромный успех у детей Англии и Америки. Так инженер Лофтинг стал писателем Лофтингом.

Кстати, писателем стал и его сын, Колин. В одном из своих рассказов, посвященных отцу, он вспоминает, как однажды отец приехал в ковбойский лагерь, где Колин, тогда пятнадцатилетний паренек, помогал пасти коров. Хью Лофтинг стал читать свои истории про Доктора Дулитла, а сын очень боялся, что ковбои, эти суровые, закаленные люди, будут смеяться над отцом.

«Я с собой захватил рукопись новой книги, — сказал отец после обеда. — Хочешь послушать?»

Этого-то я и боялся. Вообще я любил слушать чтение отца. Я даже гордился тем, что первым слышу его новые рассказы, что отец задает мне вопросы о прочитанном. Но сейчас это было ни к чему.

Отец не просто читал. Он читал с большим выражением, и я мысленно представлял себе рожи ковбоев, когда они услышат захватывающий разговор Доктора Дулитла со слоном или львом.

— Может быть, ты мне считаешь попозже, вечером. И знаешь, читай как можно тише».

Но события повернулись не так, как предполагал Колин:

«Не знаю, сколько минут прошло, прежде чем я собрался с духом поднять глаза, но когда я посмотрел вокруг, я увидел головы ковбоев, кивавшие в такт чтению отца. Кое-кто, как очарованный, уставился глазами в пространство. Когда первая смена вернулась в палатку, ковбои второй смены поднялись с мест и направились к выходу. Банджо Джонсон подошел к отцу и заглянул ему через плечо.

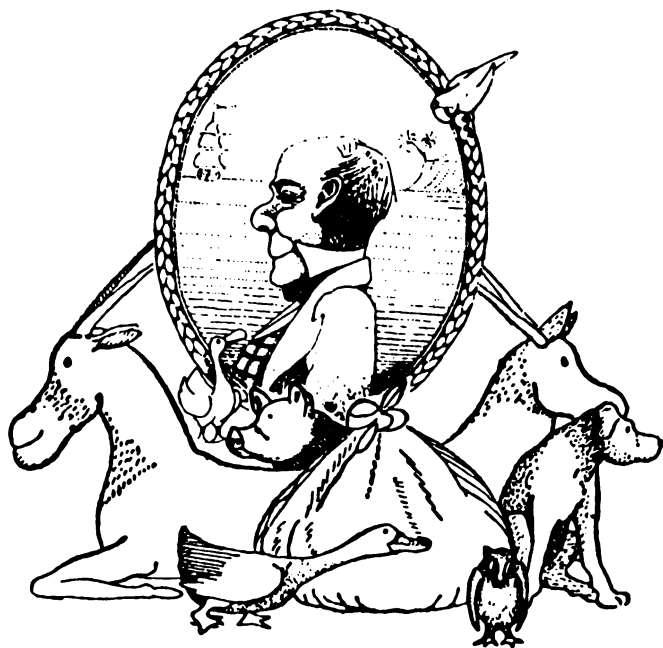
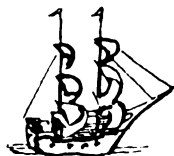
— Я не хотел вам мешать, — сказал он, когда отец, перестав читать, повернулся к нему. — Я хотел только посмотреть, докуда вы дошли. Мне нужно идти на дежурство, так, может быть, вы завтра дадите мне этот рассказ, я его сам дочитаю.

— Конечно, — сказал отец. — Я на тридцать пятой странице».

А еще Колин рассказывает здесь о том, как его отец, не испугавшись вооруженных ножами бродяг, бросился спасать лошадей, над которыми те издевались. Вот таким человеком был Хью Лофтинг — не правда ли, он напоминает своего героя?

В этой книге вы познакомитесь с двумя произведениями о Докторе Дулитле и его зверях. Но новые увлекательные встречи еще впереди. Наше издательство готовит для вас еще шесть романов об этом добром и деятельном герое.

ИСТОРИЯ
**ДОКТОРА
ДУЦТЛА**

Hugh Lofting
The Story of Doctor Dolittle
1920

ГЛАВА I

ПАДЛБИ-НА-БОЛОТЕ

ОДНАЖДЫ, много лет тому назад, когда наши дедушки были совсем юными, жил на свете доктор и звали его Дулитл, Джон Дулитл, Д. М. «Д. М.» значит, что он был самый настоящий доктор и знал целую кучу всяких полезных вещей.

Жил он в маленьком городке, который назывался Падлби-на-болоте.

Жители — молодые и старые — знали его в лицо. И стоило ему в своем высоком цилиндре появиться на улице, как все говорили: «Вот идет Доктор, он очень умный». Отовсюду немедленно сбегались собаки и дети и толпой следовали за ним, и даже жившие на колокольне вороны кивали ему и каркали.

Домик Доктора стоял на окраине города и был просто крошечный. Зато его окружал большущий сад, на лужайке росли плакучие ивы и свешивались на каменные скамейки. Его сестра, Сара Дулитл, вела все хозяйство, но за садом Доктор ухаживал сам.

Он ужасно любил зверей и, конечно, держал у себя целую компанию. В пруду, на самом краю сада, жила золотая рыбка, в кладовой — кролики, в пианино — белая мышь, в бельеовом чулане — белка, а в погребе — еж. А еще у Доктора приютилась корова с телянком, старая хромота лошадка — ей стукнуло уже двадцать пять, — цыплята, голуби, два ягненка и много-много всяких других. Но самыми любимыми друзьями Доктора были утка Даб-Даб, собака Джип, поросенок Габ-Габ, попугай Полинезия и филин Гу-Гу.

Домик Доктора стоял на окраине города и
был просто крошечный.

Его сестра всегда ворчала на зверей и жаловалась, что они пачкают в доме. Как-то раз одна пожилая леди, страдающая ревматизмом, пришла на прием к Доктору и присела на диван. На диване как раз спал еж... С тех пор она больше не приходила и ездила каждую субботу к другому доктору в Оксенторп, хоть это в целых десяти милях от Падлби.

Тогда Сара Дулитл сказала брату:

— Джон, неужели ты думаешь, что больные придут к тебе лечиться, ведь тут все просто кишит разной живностью! Какой же ты доктор, если в твоём кабинете полным-полно мышей и ежей! Посуди сам, твои звери попросту выгнали троих, эта леди — четвертая. И знаешь, я сама слышала, как судья Дженкинс и пастор божились, что не ступят сюда ни ногой, как бы худо им ни пришлось. С каждым днем у нас все меньше и меньше денег. Если так пойдет и дальше, порядочные люди откажутся иметь с тобой дело.

— Но я люблю животных гораздо больше, чем порядочных людей, — признался Доктор.

— Ты просто смешон, Джон Дулитл, — заявила Сара и хлопнула дверью.

Шло время, в доме Доктора появились новые звери, а люди приходили к нему все реже и реже. В конце концов у Доктора не осталось ни одного пациента, кроме Продавца Кошачьей Еды — он-то ничего не имел против зверей. Но Продавец Кошачьей Еды тоже не был особенно богатым, да и болел он всего раз в год, на Рождество. Обычно он платил Дулитлу шестипенсовик за пузырек с лекарством. А дело в том, что даже тогда, много лет назад, никто не мог прожить на шесть пенсов в год. И кто знает, как повернулась бы наша история, если

бы в копилке у Доктора не звенели сбереженные монетки. И его дом продолжал наполняться гостями, и всех их нужно было кормить; конечно, сбережения в копилке таяли и таяли. Пришлось продать пианино, и мышь переселилась в ящик комода, но и этим деньгам пришел конец, и Доктор продал выходной коричневый костюм. Так он становился все беднее и беднее.

Теперь, когда он шел по улице в своем высоком цилиндре, люди глядели на него и перешептывались: «Вот идет Джон Дулитл, доктор медицины. Когда-то он был самым знаменитым врачом в Западной Англии. Посмотрите — теперь у него нет денег и он носит дырявые носки!»

Но собаки, кошки и дети по-прежнему выбегали из подворотен и провожали Доктора через весь город, совсем как в те времена, когда он был богатым.

ГЛАВА 2

ЯЗЫК ЗВЕРЕЙ

ОДНАЖДЫ у Продавца Кошачьей Еды заболел живот, и он пришел к Доктору, и вот они сидели на кухне и беседовали.

— А почему бы вам не бросить всю эту ерунду и не заделаться звериным доктором? — спросил Продавец Кошачьей Еды.

Попугай Полинезия — собственно, это была попугайха, — устроившись на подоконнике, смотрела на дождь и напевала под нос моряцкую песню. Вдруг она замолчала и прислушалась.

— Ну, сами посудите, — продолжал Продавец Кошачьей Еды, — ведь вам про зверье все известно, и сравнивать нечего с этими — ветеринарами. А книжка, что вы про кошек сочинили, — да ей цены нет! Я сам-то ни читать, ни писать не умею, хоть и написал бы парочку книжек с радостью. Зато моя жена, Теодозия, она-то грамотей. Вот она и прочитала мне вашу книгу — чудесная, ничего не скажешь, просто чудесная. Может, вы на самом деле — Кот? Иначе откуда бы вам знать, как у них мысли устроены? Послушайте, Дулитл, вы же можете отлично заработать, честное слово! Знаете, я буду отсылать к вам всех старушек с больными собаками и кошками. А если они не очень будут болеть — что ж, придется кой-чего подсыпать в мясо, которое я продаю, это уж точно поможет.

— Ох, нет! — быстро отозвался Доктор. — Это невозможно. Это неправильно.

— Господи, да я не имел в виду, что они взаправду заболеют, — сказал Продавец Кошачьей Еды. — Просто будут немножко понурые, вот и все.

Хотя, может, вы и правы, может, это не совсем честно по отношению к ним. Не беда, Дулитл, они все равно заболеют, потому что хозяйки разрешают им обедаться. Да к тому же все окрестные фермеры, у кого лошадь охромела или ягненок слабенький, — все придут. Мой вам совет — становитесь-ка звериным доктором.

Когда Продавец Кошачьей Еды ушел, Полинезия слетела с подоконника и, усевшись на столе перед Доктором, заявила:

— Этот человек дело говорит. Именно так тебе и следует поступить — стать звериным доктором. У глупых людей не хватает мозгов понять, что ты — лучший в мире доктор, ну и брось их, займись зверями, они быстро сообразят, что к чему. Звериным доктором — вот кем тебе надо быть!

— Таких звериных докторов хоть пруд пруди, — пробормотал Джон Дулитл, выставляя цветочные горшки на улицу, под дождь.

— Таких — да не таких, — рассердилась Полинезия. — Они все никуда не годятся. Слушай внимательно, Доктор, я тебе кое-что расскажу. Ты знаешь, что животные умеют разговаривать?

— Что касается попугаев — да, — ответил Доктор.

— О, мы, попугаи, говорим на двух языках — на человеческом и на птичьем, — гордо сообщила Полинезия. — Если я скажу: «Полли хочет печенья», ты поймешь меня. А как насчет этого: «Кр-р-ра-ка-уй-а-чак-чак»?

— Боже мой! — закричал Доктор. — Что это значит?

— На птичьем языке это значит: «Каша еще горячая?»

— Ну и ну! Не может быть! — схватился за голову Доктор. — Ты никогда раньше так не разговаривала...

— А зачем? — поинтересовалась Полинезия, стряхивая с левого крыла крошки от печенья. — Ты бы все равно не понял.

— Расскажи еще, — попросил Доктор, очень взволнованный. Он кинулся к ящику кухонного стола и достал оттуда тетрадку и карандаш. — Только не очень быстро, я буду записывать. Интересно, как интересно, просто невозможно поверить! Давай начнем с птичьего алфавита, и не торопись.

Вот так Доктор узнал, что у зверей есть свой собственный язык и они могут разговаривать друг с другом. Весь день, пока шел дождь, Полинезия сидела на кухонном столе и диктовала птичьи слова, а Доктор записывал их в тетрадку.

Когда пришло время пить чай, в кухню вошел Джим, и попугайка шепнула Доктору:

— Посмотри, он обращается к тебе.

— А по-моему, он чешет ухо, — сказал Доктор.

— Неужели обязательно пользоваться ртом? — воскликнула Полинезия, и ее брови изумленно поползли вверх. — Животные говорят ушами, лапами, хвостами — да чем угодно. Иногда им просто не хочется шуметь. Как же ты не видишь, что он вздергивает половинку носа!

— Ну и как это понимать?

— «Ты не заметил, что дождь уже кончился?» — вот что он спрашивает. Собаки довольно часто задают вопросы носами.

Через некоторое время Доктор с помощью попугая так хорошо выучил звериный язык, что не только мог говорить, но и почти все понимал. Тогда-то он и бросил свою старую работу навсегда.

Стоило Продавцу Кошачьей Еды разнести слух, что Джон Дулитл собирается стать ветеринаром, старушки так и хлынули в Падлби со своими мопсами и пуделями, съевшими слишком много торта, и фермеры приходили издалека — показать больных коров и овец.

Однажды к нему привели рабочую лошадь. Бедняжка была ужасно рада наконец встретить человека, понимающего ее язык.

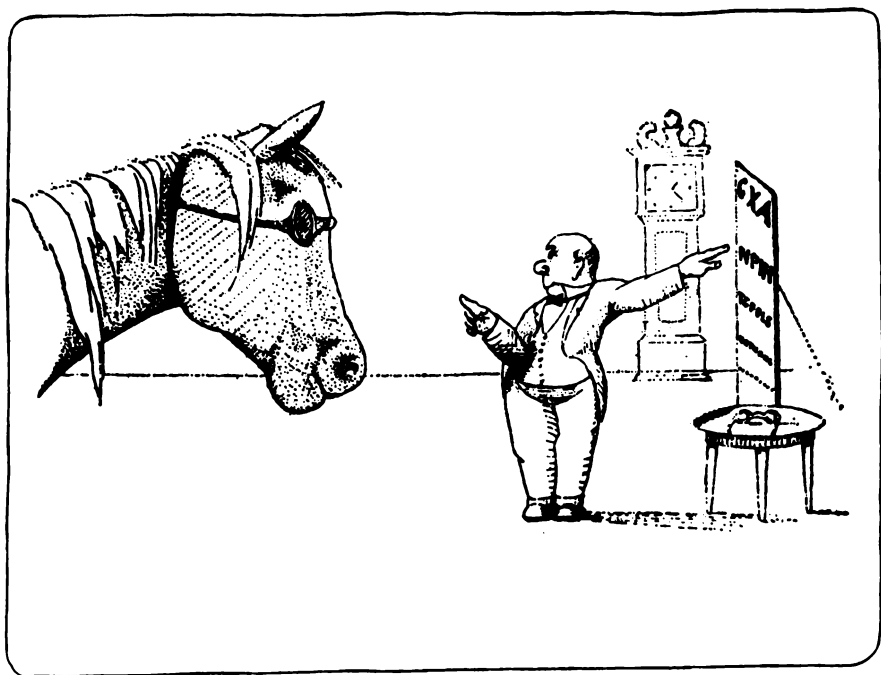
— Представляете, Доктор, — пожаловалась лошадь, — тот ветеринар совсем ничего не соображает. Вот уже шесть недель он лечит меня от к о с т н о г о ш п а т а . А все, что мне нужно, это очки. Я почти ослепла на один глаз. Почему бы лошадям не носить очки, как людям? Но этот болван из-за холма ни разу не взглянул мне в глаза! Он давал мне громадные пилюли. Я пробовала объяснить ему, но, разумеется, он не понял ни слова. Господи, все, что мне нужно, это очки.

— Конечно-конечно, — заторопился Доктор, — сейчас я тебе что-нибудь подберу.

— Мне очень нравятся ваши, я тоже хочу такие, только зеленые, — попросила лошадь, — они спасут мои глаза от солнца, когда я потащу плуг через поле в пятьдесят акров.

— Ну, разумеется, — согласился Доктор, — тебе подойдут именно зеленые очки.

— Вся беда в том, — сказала лошадь, когда он вышел проводить ее, — вся беда в том, что любой идиот может преспокойно заниматься лечением зверей, — они ведь не будут жаловаться. А на самом деле это еще труднее, чем с людьми. Сын моего фермера воображает, что он великий знаток лошадей. Если бы вы его видели: такой жирный — глаз почти не видно, а мозгов — не больше, чем у

Лошадь видела мир так же ясно, как раньше.

колорадского жука. Так вот он на прошлой неделе попытался поставить мне горчичники!

— И куда он их поставил? — поинтересовался Доктор.

— О, на меня — никуда! — засмеялась лошадь. — Он только попытался. Я так лягнула его, что он улетел в утиный пруд.

— Ну-ну, — сказал Доктор.

— Как правило, я очень спокойная, — продолжала лошадь, — и с людьми терпеливая, никаких скандалов. Но меня допек ветеринар неправильным лекарством, и когда этот придурок тоже полез не в свое дело, я не выдержала.

— Ты не сильно поранила мальчика? — спросил Доктор.

— Да нет, — отозвалась лошадь, — я наподдала ему в самое подходящее место. Теперь за ним присматривает мой коновал. Скажите лучше, когда очки будут готовы.

— На следующей неделе. — Доктор немного подумал. — Приходи во вторник. До свидания!

И Джон Дулитл раздобыл отличные большие зеленые очки, и лошадь перестала слепнуть на один глаз и видела мир так же ясно, как раньше.

Скоро все привыкли к тому, что в окрестностях Падлби многие животные носят очки, а слепых лошадей теперь не было и в помине.

Со всеми зверями, попадавшими к Доктору, происходило то же самое. Обнаружив, что Доктор понимает их язык, они сразу объясняли, где у них болит и как они себя чувствуют, — конечно, лечить их стало проще простого. Возвращаясь по домам, они рассказывали друзьям и близким, что в маленьком домике посреди большого сада живет доктор,

настоящий доктор. И если кто-нибудь заболел — не только лошадь, корова или собака, но и всякая мелкая полевая тварь — мышь, водяная крыса, землеройка, барсук — он немедленно направлялся к домику на окраине города, и большой сад всегда был переполнен разной живностью, и все толпились у входа, пытаясь пробраться внутрь. Зверей было так много, что Доктору пришлось придумать специальные входы-выходы — для каждого вида отдельные. Он написал: «ЛОШАДИ» на передней двери, «КОРОВЫ» — на боковой и «ОВЦЫ» — на двери кухни. Каждый вид имел свой отдельный вход, даже для мышей Доктор соорудил крохотный туннель, ведущий прямо в погреб. Там они и ждали, сидя терпеливыми рядами, ждали, когда очередь придет и до них.

Через несколько лет обитатели полей на много миль вокруг прослышали о Джоне Дулитле, докторе медицины. А перелетные птицы сообщили заморским животным об удивительном целителе из Падлби-на-болоте, который понимает язык зверей и готов помочь им в любой беде. Раньше его знали все люди на Западном побережье, а теперь он прославился на весь мир. Он был очень счастлив и очень доволен жизнью.

Однажды Доктор приводил в порядок свои записи, а Полинезия, как обычно, сидела на подоконнике и смотрела, как ветер расшвыривает листья в саду. Внезапно она громко рассмеялась.

— Что случилось, Полинезия? — Доктор взглянул на нее поверх тетрадки.

— Я просто думала, — ответила она, продолжая наблюдать за листьями.

— О чем же ты думала?

— Я думала о людях, — пояснила Полинезия. — Меня от них тошнит. Им кажется, что они такие замечательные. Наш мир существует тысячи лет, а эти двуногие удосужились понять только одно: если собака виляет хвостом, она рада. Правда, забавно? Ты — самый первый человек, говорящий, как мы. Иногда они меня ужасно раздражают, знаешь, когда эдак задирают нос и обсуждают поведение немых животных. Н е м ы х! Пф! Как-то я познакомилась с одним ара, так он мог пожелать тебе доброго утра семью разными способами и при этом ни разу не открыть рта. Он говорил на всех языках и, разумеется, на греческом. Его купил седобородый профессор. Так вот, он там не остался. И знаешь почему? Потому что греческий этого профессора оставлял желать лучшего, а он еще имел наглость его преподавать. Подумать только — преподавать плохой греческий! Да, интересно, как он поживает, — в географии, например, он разбирался так, как люди и мечтать не могут. О Господи, люди! Если они, чего доброго, когда-нибудь научатся летать вроде обычной трясогузки — пиши пропало: трескотни будет до скончания века.

— Ты очень мудрая птица, — задумчиво произнес Доктор. — А сколько тебе лет? Я слышал, что попугаи и слоны иногда доживают до глубокой-глубокой старости.

— К сожалению, я не совсем уверена, — ответила Полинезия, — то ли сто восемьдесят три, то ли сто восемьдесят два. Но я помню совершенно отчетливо, что, когда я впервые приехала из Африки, Король Чарльз все еще прятался на дубе, я его видела. Он казался ужасно испуганным.

ГЛАВА 3

НОВЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ

И вот Джон Дулитл снова начал зарабатывать деньги, его сестра Сара купила красивое платье и была совершенно счастлива.

Некоторые из приходивших зверей так плохо себя чувствовали, что от слабости не могли двигаться и оставались у Доктора на несколько дней. Когда им становилось лучше, Доктор рассаживал их в шезлонгах по всей лужайке. И, конечно, довольно часто, уже совсем поправившись, зверюшки не хотели уходить — так привыкали они к дому и его хозяину. У него не хватало духа отказать просившим разрешения остаться, и их становилось все больше и больше.

Однажды вечером Доктор сидел на садовой изгороди и курил трубку, а мимо брел итальянский шарманщик с обезьяной на веревке. Доктор сразу заметил, что ошейник впивается ей в шею, что она грязная и очень несчастная. Доктор отнял обезьяну у шарманщика, а взамен дал ему шиллинг и велел скорее уходить.

Шарманщик страшно разозлился, он вовсе не собирался расставаться с обезьяной. Тогда Доктор погрозил ему кулаком и пообещал разбить нос, а надо сказать, что Джон Дулитл был хотя и невысокого роста, но довольно сильный. Итальянец ушел, громко и грубо ругаясь, а обезьяна осталась у Доктора Дулитла, и ее новое жилище оказалось куда лучше прежнего. Звери дали ей имя Чи-Чи — это самое обычное слово в обезьяньем языке, и значит оно «имбирь».

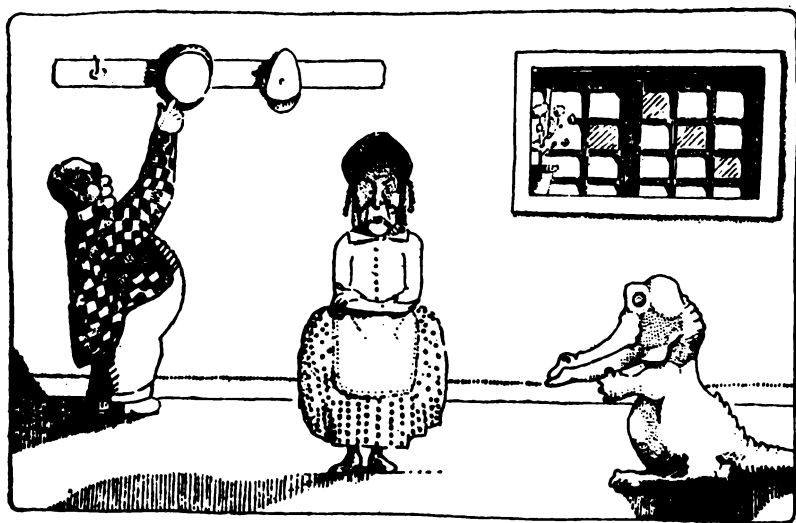
В другой раз случилось вот что. В Падлби приехал цирк, а у циркового крокодила ужасно болел зуб. Темной ночью он убежал и пробрался в сад к Доктору. Доктор поговорил с ним по-крокодилски, пригласил в дом и вылечил зуб. А крокодил, разглядев, что за симпатяга этот дом со всеми своими входами-выходами и помещениями для разных животных, тоже захотел здесь жить. Он попросился ночевать в рыбьином пруду на краю сада и поклялся не есть рыбу, а когда за ним пришли циркачи, он притворился таким диким и свирепым, что они в страхе убежали прочь. На самом же деле он был ласковый и кроткий, как котенок.

Но старушки из-за этого крокодила боялись нести к Дулитлу своих болонок, да и фермеры не очень-то верили, что ужасная зверюга не тронет больных ягнят и телят, и тоже остерегались. Пришлось Доктору просить крокодила вернуться в цирк. Но он заплакал такими огромными слезами, так отчаянно взмолился, что Доктор не стал настаивать. Тогда Сара Дулитл пришла и заявила:

— Джон, ты должен выгнать эту рептилию. Ты же видишь — и фермеры, и старушки боятся обращаться к тебе, а ведь мы только-только встали на ноги. Я чувствую, скоро произойдет катастрофа. Джон, это последняя капля. Я не буду вести твое хозяйство, если ты не прогонишь этого аллигатора!

— Это не аллигатор, — объяснил Доктор, — это крокодил.

— Мне не важно, как он называется, — заупрямилась Сара. — Это гадость, которая вечно валяется под кроватью. Я не желаю иметь его в доме.

— Что ж, — пробормотал Доктор, — иди и
выходи замуж.

— Понимаешь, Сара, — продолжал Доктор, — он обещал мне никогда больше не кусаться. Он ненавидит цирк, а у меня пока не хватает денег отправить его на родину, в Африку. Он помнит о своем обещании и, в общем, замечательно себя ведет. Ну, пожалуйста, не надо так нервничать.

— Говорю тебе, не хочу я его видеть! — закричала Сара. — Он ест линолеум. Если ты не выгонишь его сию же секунду, я... я — уйду и выйду замуж!

— Что ж, — пробормотал Доктор, — иди и выходи замуж. Ничего не поделаешь.

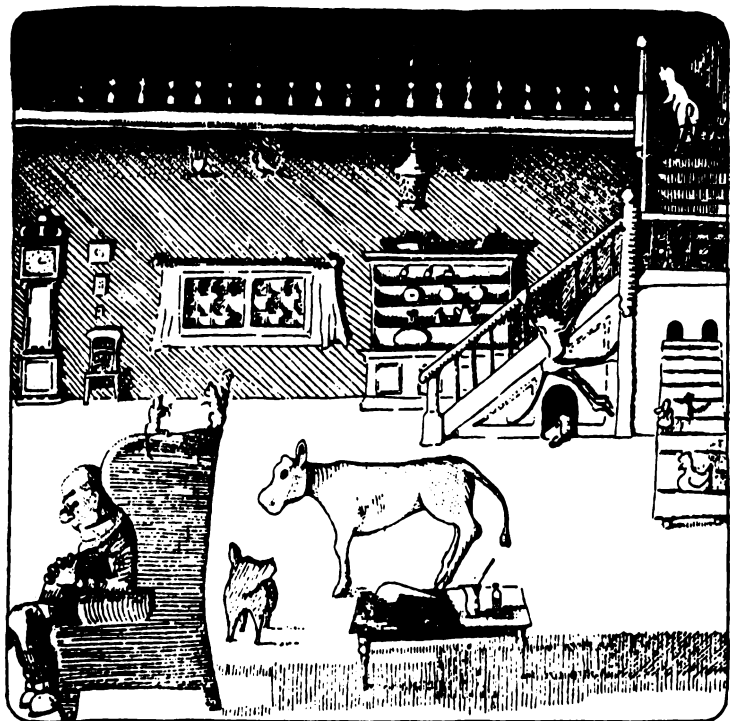
Он снял с вешалки шляпу и отправился гулять в сад.

Сара Дулитл запаковала вещи и уехала, а Доктор остался со своей громадной звериной семьей. И очень скоро действительно стал беднее, чем когда-либо прежде. Ведь все эти рты хотели есть, хозяйство начало потихоньку разваливаться, и некому было привести его в порядок, мясник требовал уплатить по счету, — словом, дела шли хуже некуда. Но Доктор ничуть не тревожился.

— От денег одни неудобства, — частенько говорил он. — Только представьте себе, какой замечательной могла бы быть жизнь, — и зачем только их придумали? А мы — нам и дела до них никакого нет!

Но постепенно звери забеспокоились и как-то вечером, когда Доктор задремал прямо в кресле у кухонного огня, шепотом принялись обсуждать ситуацию. Филин Гу-Гу — а он отлично разбирался в арифметике — сообщил, что денег у них хватит ровно на неделю, да и то если питаться только раз в день. И тогда Полинезия сказала:

— В таком случае, мы должны сами выполнять всю работу по дому. Хотя бы это. Ведь в конце

Как-то вечером, когда Доктор задремал прямо
в кресле...

концов именно из-за нас старый Доктор превратился в брошенного одинокого бедняка.

И договорились: Чи-Чи займется стряпней, штопкой и всякой мелкой починкой, Джип будет подметать пол, утка — вытирать пыль и стелить постели, филин приведет в порядок счета, а поросяенок присмотрит за садом. Полинезию назначили домоправительницей, ведь она была самой опытной, а заодно поручили ей и стирку белья.

Конечно, поначалу пришлось нелегко — попробуй-ка обойдись без таких рук, как у человека или у Чи-Чи! Но постепенно они приспособились. Особенно забавно было наблюдать, как Джип подметает пол вместо веника собственным хвостом, завернутым в тряпку. В конце концов они так наловчились, что Доктору пришлось признать: никогда еще его жилище не было таким убранным и чисто вымытым. И все бы шло превосходно, только денег не было ни пенса, поэтому решили — сразу за калиткой построить ларек и продавать проходящим мимо людям редиску и розы. Вырученных денег не хватало, чтобы оплатить счета, но Доктор не придавал этому ровно никакого значения. Даже услышав, что рыбник отказался давать рыбу в долг, он беспечно заметил:

— Какая ерунда! Куры несут яйца, у коровы достаточно молока — значит, мы всегда сможем приготовить омлет и сладкий творог. А в саду полным-полно овощей. До зимы далеко, не надо нервничать. Вот в чем было дело с Сарой — она нервничала. Интересно, как у нее дела? Чудесная женщина, в некотором роде, разумеется.

Но снег в том году выпал даже раньше, чем обычно, и, хотя старая хромая лошадь притащила из ближнего леса огромную вязанку дров, так что

тепла, по крайней мере, можно было не жалеть, многие звери по-настоящему голодали. Ведь те немногие овощи, что еще оставались в саду, были теперь похоронены под глубоким снегом.

ГЛАВА 4

ПОСЛАНИЕ ИЗ АФРИКИ

ЗИМА наступила очень холодная. Однажды декабрьским вечером, когда все уселись вокруг кухонного очага и, наслаждаясь теплом, слушали, как доктор читает свою новую книгу, написанную на зверином языке, филин Гу-Гу вдруг встрепнулся:

— Т-с-с! Что это за шум?

Все затаили дыхание и услышали звук чьих-то торопливых шагов. Дверь распахнулась, и, запыхавшись, вбежала Чи-Чи.

— Доктор! — закричала она. — Я только что получила письмо из Африки, от моей двоюродной сестры. Там у обезьян какая-то страшная болезнь. Ужасно заразная, они умирают сотнями! Они слышали о вас и умоляют приехать и помочь!

— Кто принес это письмо? — спросил Доктор, отложив книгу и снимая очки.

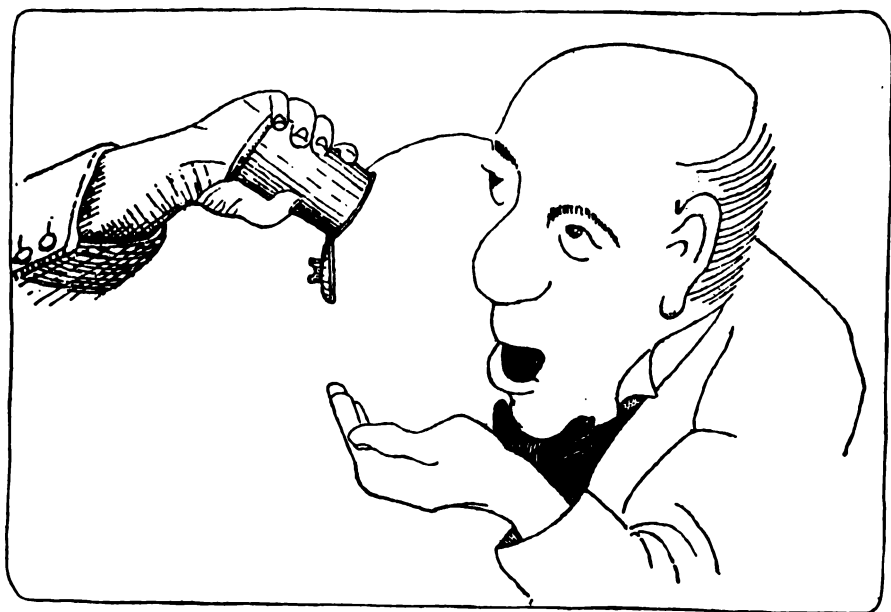
— Ласточка, — ответила Чи-Чи. — Она сидит на водосточном желобе.

— Скорее позови ее сюда, — заволновался Доктор. — Она, наверное, умирает от холода — ведь ласточки улетели на юг шесть недель назад!

И Чи-Чи принесла с улицы дрожащий комочек перьев. Сначала ласточке было немного не по себе, но скоро она согрелась и, устроившись на каминной полке, принялась рассказывать.

А когда она закончила, Доктор сказал:

— Что ж, я с удовольствием съездил бы в Африку, особенно в такую паршивую погоду, но боюсь, у нас не хватит на билеты. Чи-Чи, достань, пожалуйста, копилку.

В копилке было пусто. Ни единого пенни.

Обезьяна проворно забралась на верхнюю полку. В копилке было пусто. Ни единого пенни.

— Почему-то мне казалось, что здесь оставался двухпенсовик, — расстроился Доктор.

— Ну да, оставался, — проворчал филин, — но вы же купили погремушку барсучьему детенышу, когда у него резались зубы.

— Правда? — удивился Доктор. — Вот так всегда — одно беспокойство от этих денег. О Господи! Ну да как-нибудь. Надо добраться до моря — я попробую достать там корабль. У меня есть знакомый моряк, его ребенок, помнится, болел корью. Да-да, а потом он поправился, я вылечил его. Может быть, этот человек одолжит нам корабль.

На следующий день рано утром Джон Дулитл отправился к морю. Вернулся он очень довольный: все было в порядке, моряк действительно разрешил ему взять корабль, чтобы плыть в Африку.

Крокодил, Чи-Чи и Полинезия ужасно обрадовались и запели веселую песню — ведь они возвращались на родину. А Доктор сказал:

— Со мной сможете поехать только вы трое, а еще Джип, утка Даб-Даб, поросенок Габ-Габ и филин Гу-Гу. Всем остальным: соням, водяным крысам, летучим мышам придется вернуться и жить, где они жили раньше, ну, во всяком случае, пока мы не приедем обратно. Ничего страшного, все равно зимой они по большей части спят, да и Африка может им повредить.

Полинезия, опытный мореплаватель, взялась учить Доктора разным морским премудростям.

— Надо как следует запастись сушеным хлебом, — советовала она. — Это называется «морские сухари». И не забудь солонину в бочках — и, конечно, якорь.

— Мне кажется, на этом корабле есть свой якорь,
— заметил Доктор.

— Вполне вероятно, — не стала спорить Полинезия, — потому что это очень важно. Понимаешь, без якоря ты не можешь остановиться. А еще тебе нужен колокол.

— Это еще зачем? — удивился Доктор.

— Ну как же — чтобы не перепутать время. Ты бьешь в него каждые полчаса и тогда точно знаешь, сколько времени. Да, захвати веревок — и побольше. Обязательно. Без них в плавании не обойтись.

Звери принялись размышлять. Они понятия не имели, где раздобыть денег, чтобы запастись всем необходимым.

— Ох, черт подери! — закричал Джон Дулитл.
— Опять деньги! Скорей бы попасть в Африку — там-то уж нам не придется с ними связываться. Пойду к бакалейщику — может, он согласится подождать с оплатой до моего возвращения. Нет. Пошлю-ка я к нему моряка.

Моряк быстро уговорил бакалейщика и вернулся, нагруженный припасами и снаряжением.

Звери собрались в дорогу. Они перекрыли воду, чтоб она не замерзла и не разорвала трубы, заколотили ставни, заперли двери и отдали ключи старой лошади, жившей в хлеву. Убедившись, что наваленного на повети сена ей с лихвой хватит на зиму, они перетащили свой багаж к берегу моря. Корабль ждал их, готовый пуститься в путь.

Конечно, их провожал Продавец Кошачьей Еды. Он подарил Доктору огромный пудинг с нутряным салом — до него дошел слух, что таких пудингов за границей не найти, не бывает их там, и точка.

Едва забравшись на корабль, поросенок Габ-Габ заволновался. Пробило четыре, и он искал кровать,

чтобы вздремнуть немного, — так уж он привык. Полинезия отвела его вниз и показала развешанные по стенам одна над другой кровати — точь-в-точь как книжные полки.

— Ой-ой! Это не кровать! — завопил Габ-Габ. — Это полка!

— На кораблях всегда такие кровати, — сообщила ему попугайха. — Залезай и спи себе спокойно. Это вовсе не полка. Это называется «койка».

— Что-то мне расхотелось спать, — объявил Габ-Габ. — Я ужасно волнуюсь. Хочу наверх, посмотреть, как мы поплывем!

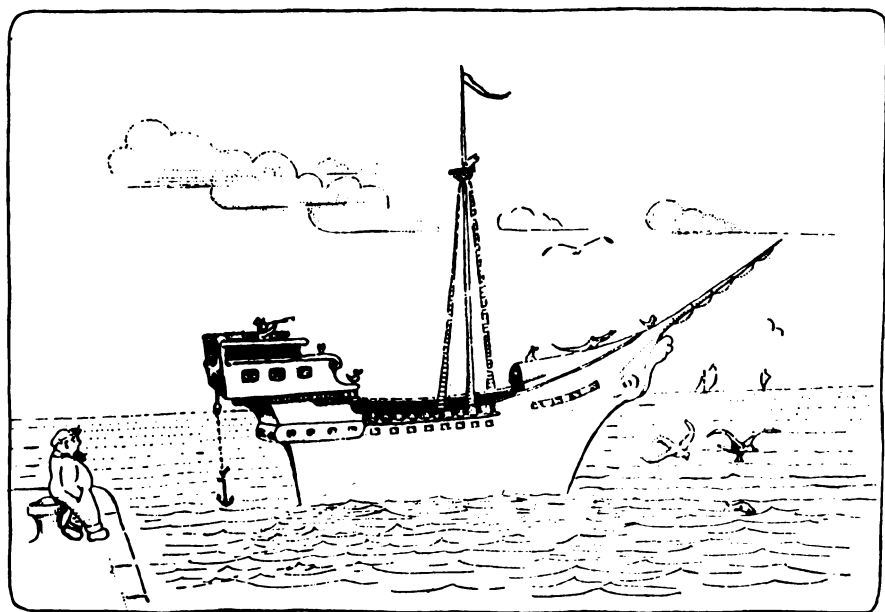
— Очень натурально, — отметила Полинезия, — ведь это твоё первое путешествие. Не отчаивайся — скоро привыкнешь.

Она повернулась и заковыляла обратно по корабельным ступенькам, тихонько напевая такую вот песню:

Красное море и Черное море,
Оранжевая река.
Знаю, как волны режут на просторе,
Когда вода глубока.
Нил голубой и Дунай голубой,
Белого моря холодный прибой —
Сыт я по горло проклятой водой!
Дженни, я скоро увижусь с тобой,
Я тороплюсь домой!

Все было совсем-совсем готово, когда Доктор засобирался обратно на берег, — оказалось, он забыл спросить у моряка, как добраться до Африки. Но ласточка остановила его. Она сказала, что много раз бывала в тех краях и с удовольствием покажет им дорогу.

Джон Дулитл скомандовал Чи-Чи поднять якорь, и плавание началось.

... И путешествие началось.

ГЛАВА 5

ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

И вот уже шесть недель они плыли по бурлящему морю, и ласточка, летевшая впереди, показывала дорогу. По ночам она брала в клюв крохотный фонарик — чтобы корабль в темноте не сбился с пути, — и люди с проходящих судов наверняка принимали этот свет за падающую звезду.

Они плыли все дальше и дальше на юг, становилось все теплее и теплее. Чи-Чи, Полинезия и крокодил так радовались горячему солнцу, что места себе не находили. Заливаясь беспричинным хохотом, они носились по палубе, то и дело, замерев, зорко вглядывались в даль — не показалась ли Африка.

А вот поросенок, собака и филин Гу-Гу ужасно мучались из-за жаркой погоды. Их хватало только на то, чтобы, высунув языки и развалившись на корме в тени большой бочки, прихлебывать лимонад.

Утка Даб-Даб придумала другой способ спасения от жары: каждый раз, когда ее макушка слишком уж сильно нагревалась, она ныряла под корабль с одной стороны и выскакивала из воды — с другой. По вторникам и пятницам Даб-Даб выныривала, прихватив с собой селедку, и в эти дни все на борту ели только селедку, чтобы немного сэкономить припасенную говядину.

У самого экватора они заметили летучих рыб, спешивших изо всех сил. Рыбы хотели поскорее узнать, кому принадлежит корабль, и, услышав, что это плывет Доктор Дулитл, очень обрадовались,

ведь их послали африканские обезьяны, почти потерявшие надежду. Полинезия спросила, далеко ли до Африки. Оказалось, до побережья оставалось всего пятьдесят пять миль.

В другой раз корабль окружили дельфины. Они танцевали на волнах и хором спрашивали, не здесь ли находится знаменитый Джон Дулитл. Получив ответ, дельфины не успокоились, им захотелось сделать для Доктора что-нибудь приятное.

— Вот, кстати, — обрадовалась Полинезия. — У нас как раз кончился лук.

— Недалеко отсюда есть остров! — закричали дельфины. — Там растет высокий и сочный дикий лук! Плывите все прямо и прямо, а мы скоро вернемся!

И они умчались, но через несколько минут уже торопились обратно, волоча по волнам большие сетки, сплетенные из водорослей и туго набитые луком.

А на следующий день, на закате, Доктор сказал:

— Дай-ка мне подзорную трубу, Чи-Чи. Вот, кажется, и приплыли. Еще чуть-чуть, и мы увидим африканский берег.

Через полчаса от усердия у всех заболели глаза, и они решили, что впереди виднеется земля. Впрочем, внезапно стало до того темно, что ничего нельзя было утверждать с полной определенностью. Начался чудовищный шторм, с громом и молниями. Завыл ветер, потоки дождя обрушились на корабль, а волны вздымались такие высокие, что переклестывали через борт.

И вдруг раздался оглушительный хруст. Судно остановилось и накренилось набок.

— Что случилось? — заволновался Доктор, поднявшись на палубу.

— Не могу сказать наверняка, — отозвалась Полинезия, — но, кажется, мы потерпели кораблекрушение. Позови-ка утку, надо проверить.

Даб-Даб прыгнула в волны и, вынырнув, сообщила, что они наскочили на риф, в днище — огромная дыра, туда прямо-таки хлещет водища, и корабль быстро тонет.

— Но нам необходимо попасть в Африку! — помрачнел Доктор. — Боже мой, Боже мой, что же делать? Придется добираться вплавь.

Но Чи-Чи и Габ-Габ совсем не умели держаться на воде.

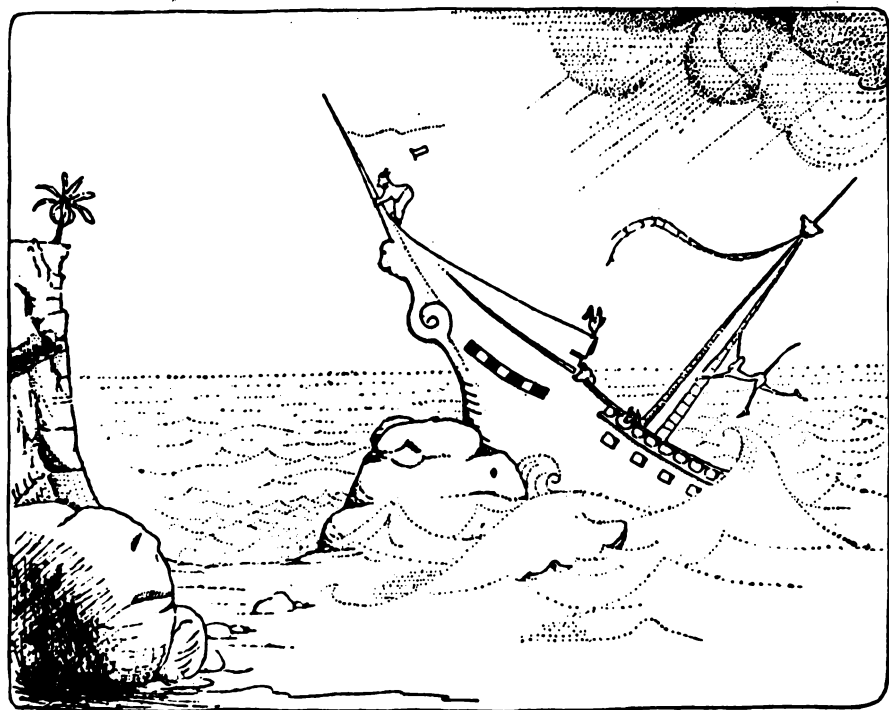
— Достать веревку! — скомандовала Полинезия. — Я же предупреждала, что она пригодится. Где эта утка? Иди-ка сюда, Даб-Даб. Хватай тот конец, лети на берег и привяжи его к пальме. Другой конец мы прикрепим здесь. А теперь, неумехи, цепляйтесь и ползите потихоньку, пока не доберетесь до суши.

И вот, кто по воздуху, кто вплавь — все достигли берега в целости и сохранности. А Габ-Габ и Чи-Чи, которые перебирались по веревке, захватили с собой чемодан Доктора и его сумку.

Но корабль пришел в полную негодность, ведь у него была дыра в днище. Свирепое море вдребезги расколотило его о прибрежные утесы и унесло обломки прочь.

Укрывшись в славной сухой пещере, высоко над бушующими волнами, они переждали бурю. А утром, когда снова выглянуло солнце, все спустились на песчаную отмель, чтобы немного обсушиться.

— Старая добрая Африка! — вздохнула Полинезия. — Хорошо, что я вернулась. И до чего удачно — завтра как раз годовщина моего отъезда, ровно сто шестьдесят девять лет. Кажется, здесь все

— Кажется, мы потерпели кораблекрушение.

по-прежнему. Те же старые пальмы, та же древняя красная земля. Да, что и говорить, дом — это дом.

И звери заметили слезы в ее глазах, слезы радости от встречи с родимой страной.

Доктору очень не хватало цилиндра — его сдуло в море во время шторма. Даб-Даб отправилась на поиски и скоро заметила, как вдали на волнах покачивается что-то похожее на игрушечную лодку. Подлетев поближе, утка обнаружила пропавшую шляпу, а в шляпе — неожиданно белую мышь, дрожащую от страха.

— Ты что здесь делаешь? — набросилась на нее Даб-Даб. — Тебе же было велено оставаться в Падлби!

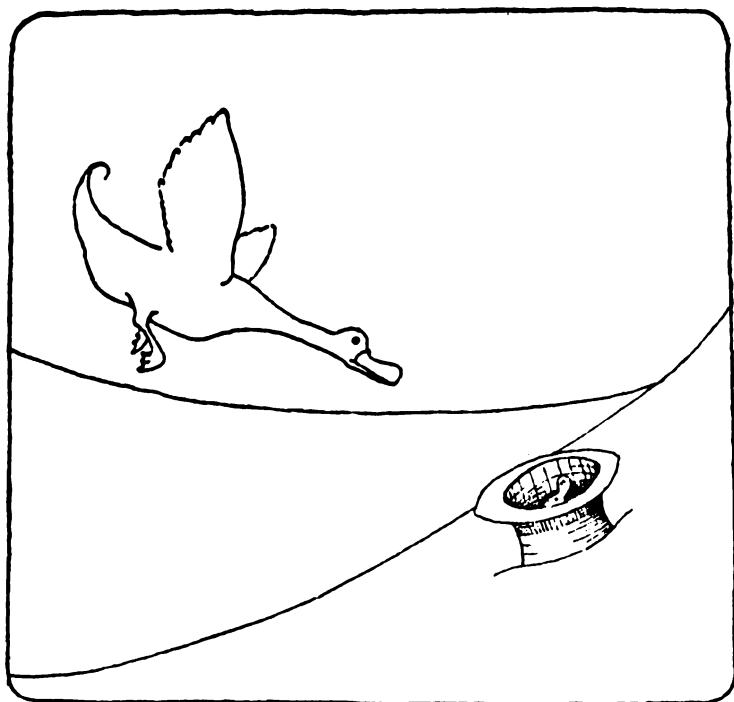
— А я не хотела оставаться, — затараторила мышь, — я решила посмотреть, на что похожа ваша Африка. К тому же у меня здесь родственники. Я спряталась в багаж и попала на корабль вместе с морскими сухарями. А когда корабль затонул, ох, как я испугалась — пловец-то из меня никудышный. Вот и плыла, плыла, пока сил хватало, совсем измучилась, думала — конец. Тут мне и подвернулась шляпа нашего старого Доктора. Конечно, я забралась сюда, уж больно помирать не хотелось.

Утка вытащила из воды шляпу с мышью и отнесла на берег Доктору. Все собрались вокруг мокрого цилиндра, разглядывая нарушительницу, а Полинезия заметила:

— Безбилетный пассажир — вот как это называется.

Чтобы освободить для мыши удобное местечко, пришлось вывалить вещи из чемодана и укладывать их по-новому. Вдруг Чи-Чи предостерегающе подняла палец:

— Тише! Я слышу в джунглях чьи-то шаги.

— Тут мне и подвернулась шляпа нашего
старого Доктора.

Все замолчали и насторожились. Из-за деревьев вышел очень черный человек.

— Что вам здесь надо? — спросил он.

— Я Джон Дулитл, доктор медицины, — объяснил Доктор. — Меня позвали в Африку лечить больных обезьян.

— Вы все должны явиться к Королю, — потребовал негр.

— К какому еще королю? — пытался протестовать Доктор, который не хотел терять напрасно ни одной минуты.

— Королю Джоллиджинки. — Негр был непоколебим. — Вся земля принадлежит ему. Каждый чужестранец обязан предстать перед ним. Следуйте за мной.

Путешественники кое-как собрали вещи и углубились в джунгли, покорно следуя за черным человеком.

ГЛАВА 6

ПОЛИНЕЗИЯ И КОРОЛЬ

ПРОДРАВШИСЬ сквозь густые заросли, они попали на широкую, ровную поляну. Посередине стоял королевский дворец, слепленный из какой-то особенной грязи. Здесь жил Король со своей Королевой Эрминтрудой и сыном Бампо. Принца не оказалось дома — он ловил на реке лосося. А Король с Королевой восседали перед дворцовой дверью, защищенные от солнца зонтом, причём Королева Эрминтруда дремала.

Выслушав объяснения Доктора, Король заявил:

— Вы не имеете права путешествовать по моей земле. Много лет назад один белый человек очутился на этом побережье. Я был очень добр к нему. А он выкопал в моей земле ямы, чтобы достать оттуда золото. Он убил всех слонов, чтобы отнять у них бивни. А потом уплыл — ночью, тайком, даже не поблагодарив меня. И никогда больше я не позволю ноге белого человека ступить на землю Джоллиджинкии.

Он повернулся к стоящим рядом неграм и приказал:

— Заберите медицинского человека и этих животных и заprite в самой крепкой из моих темниц!

Шестеро черных людей схватили Доктора вместе с его друзьями и бросили в каменную тюрьму.

Крошечное оконце под самым потолком было зарешеченным, дверь — крепкой и толстой. Настроение у всех совсем испортилось, а поросенок Габ-Габ даже заплакал. Чи-Чи тут же пригрозила отшлепать его, если отвратительный рев не прекратится, и он быстро успокоился.

Королева Эрминтруда дремала.

— Никто не потерялся? — спросил Доктор, когда его глаза немного привыкли к тусклому свету.

— Вроде бы никто, — ответила утка, но решила все-таки проверить и посчитать.

— А где Полинезия? — спохватился крокодил. — Ее нет.

— Ты уверен? — встревожился Доктор. — Надо искать. Полинезия! Полинезия! Где ты?

— Мне кажется, она удрала, — проворчал крокодил. — Вполне в ее духе. Бросить друзей в беде и потихоньку улизнуть.

— Я не из таких, — с достоинством произнесла попугайха, выбираясь из заднего кармана докторского пальто. — Видите ли, я совсем маленькая и могу свободно пролезть сквозь прутья вон той решетки. Приходилось опасаться, что меня упрячут в отдельную клетку. Я решила не рисковать и, пока Король был занят своей речью, укрылась у Доктора в кармане. И вот я здесь. Ловкий маневр — вот как это называется.

И Полинезия замолчала, приглаживая клювом взлохмаченные перья.

— Боже милостивый! — закричал Дулитл. — Какое счастье, что я не успел на тебя сесть!

— А теперь слушайте, — сказала Полинезия. — Сегодня вечером, когда как следует стемнеет, я протиснусь через прутья решетки и слетаю во дворец. И поверьте мне на слово — я заставляю этого Короля выпустить вас отсюда!

— Ой, да что ты можешь сделать? — Габ-Габ шмыгнул носом и всхлипнул. — Ты же всего-навсего птица...

— Совершенно верно, — согласилась Полинезия. — Но не забывай, пожалуйста, что я — всего-на-

всего птица, говорящая по-человечески. Да и черномазых я знаю как облупленных.

И вот поздно вечером, когда королевские люди спали, освещенные лунным светом, пробивающимся сквозь пальмовую листву, попугайка бесшумно проскользнула между железными прутьями и полетела по направлению к дворцу.

Окно буфетной неделю назад было разбито теннисным мячиком, и Полинезия через дырку в стекле с легкостью проникла внутрь. Она услышала, как в дальней комнате похрапывает Принц Бампо, и стала на цыпочках взбираться по лестнице, пока не добралась и до королевской спальни. Очень осторожно она приоткрыла дверь и заглянула в щелку.

Королевы не было, она ушла к двоюродной сестре на танцы, а Король лежал в постели и крепко спал.

Полинезия, стараясь не стучать когтями, подкралась и залезла под кровать. Потом покашляла — в точности как кашлял обычно Джон Дулитл, ведь она умела передразнивать кого угодно.

Король открыл глаза и сонно пробормотал:

— Это ты, Эрминтруда?

Ему показалось, что Королева наконец вернулась с танцев.

Полинезия снова закашлялась — громко, по-мужски. Король, совершенно проснувшись, сел в постели и спросил:

— Кто это?

— Я, Джон Дулитл, — ответила птица голосом Доктора.

— Что ты делаешь в моей спальне? — завопил Король. — Как ты посмел выйти из тюрьмы? И где ты — я не вижу тебя!

Полинезия засмеялась — раскатисто, весело, ба-совито, точь-в-точь, как Доктор.

— Кто это?

— Прекрати немедленно этот смех, — сказал Король, — и подойди, чтобы я мог тебя видеть.

— Глупый Король! — отозвалась наконец Полинезия. — Неужели ты забыл, что имеешь дело с Джоном Дулитлом, Доктором медицины, самым удивительным человеком на свете? Конечно, ты не видишь меня, ведь сейчас я невидимый. Все в мире подвластно мне. Слушай и запоминай. Сегодня я пришел с предупреждением. Если ты не разрешишь мне и моим животным свободно путешествовать по твоим владениям, я заражу всех вас страшной обезьяньей болезнью. Да, я умею лечить, но умею и насылать хворь. Поднять мизинец — вот и все, что мне нужно для этого. Скорее пошли солдат отпереть дверь тюрьмы! Если не послушаешься, то, прежде чем солнце взойдет над холмами Джоллиджинки, ты заболеешь свинкой!

В ужасе Король задрожал и затрясся.

— Доктор! — закричал он. — Я все сделаю, как ты хочешь, только, пожалуйста, не поднимай мизинец!

Он выпрыгнул из кровати и побежал отдавать приказ солдатам. А Полинезия неслышно прокрадась на первый этаж и через разбитое окошко покинула дворец.

Но припозднившаяся Королева как раз в это время возилась с английским замком черного хода и заметила, что чужой попугай выбирается из дырки в оконном стекле. Она едва дождалась возвращения мужа и, когда он, наконец, улегся в кровать, рассказала об увиденном. Король понял, что его обманули. Он ужасно разъярился и помчался к тюрьме.

Конечно, он опоздал. Дверь была распахнута настежь, темница — пуста. Доктор и все его животные исчезли.

ГЛАВА 7

ОБЕЗЬЯНИЙ МОСТ

ПЕРВЫЙ раз в жизни Королева Эрминтруда испугалась собственного мужа. Он скрежетал зубами от бешенства. Он обзывал всех дураками. Он запустил зубной щеткой в дворцовую кошку. Он метался по поляне в развевающейся ночной рубашке и расталкивал спящих солдат, а добудившись, немедленно послал их в джунгли по следам Доктора Дулитла. Он не оставил в покое и слуг: поварам, садовникам, парикмахеру, учителю Принца Бампо было велено отправляться на подмогу. Даже Королеву, утомившуюся от танцев в тесных неудобных туфлях, он безжалостно выпроводил в темный лес — на поиски.

А в это время Доктор и звери, торопясь изо всех сил, продирались сквозь джунгли в Страну Обезьян. Дорога была не из легких. Мало того, что чемодан и сумка оказались вдруг такими тяжелыми, Габ-Габ на своих коротеньких ножках быстро устал, и Доктору пришлось взять его на руки.

Король Джоллиджинки надеялся, что войско без труда обнаружит беглецов, ведь они шли по незнакомой стране, совсем не зная местности. Но он ошибался: обезьяне Чи-Чи были знакомы все тропы в джунглях, она разбиралась в них даже лучше королевских воинов. Она привела своих друзей в самую чащу, куда еще не ступала нога человека, и спрятала среди огромных валунов в полном стволе старого поваленного дерева.

— Вот здесь мы и переждем опасность, — сказала Чи-Чи. — А когда солдаты уберутся домой спать, продолжим путь.

Они провели в этом укромном месте всю ночь. И всю ночь напролет в лесу — то подальше, то совсем рядом — перекликались королевские солдаты. Они искали добычу и ничего не могли найти: тайник Чи-Чи был надежным убежищем, ни одна живая душа и понятия о нем не имела — ни люди, ни даже обезьяны.

Когда первые солнечные лучи пробились сквозь густую листву, послышался усталый голос Королевы Эрминруды. Она звала солдат домой, немного вздремнуть, потому что не видела в дальнейших поисках никакого смысла.

Как только негры ушли, Чи-Чи помогла Доктору и его зверям вылезти из тайника, и они отправились в дорогу. Дороге этой конца не было видно, все выбились из сил, особенно тяжело пришлось, конечно, поросенку. Время от времени он принимался хныкать, и тогда его угощали кокосовым молоком, самым вкусным молоком на свете.

Вообще еды и питья у них было предостаточно — ведь Полинезия и Чи-Чи отлично знали, где растут диковинные тропические фрукты и овощи, всякие там финики и инжир, и земляные орехи, и имбирь, и бататы. Они готовили лимонад из сока диких апельсинов, а чтобы подсластить его, добавляли мед, подаренный жившими в дуплах пчелами. Казалось, Чи-Чи и Полинезия в этом лесу могут достать все, что угодно! Однажды, когда у Доктора кончился табак и ему страшно захотелось закурить, они умудрились раздобыть для него несколько пахучих растений.

Путешественники сшивали пальмовые листья и ночевали в этих палатках на пышных, мягких матрасах из сушеной травы и даже радовались своей новой бродячей жизни, но все-таки каждый вечер,

останавливаясь на привал, облегченно вздыхали. Доктор обычно разводил костер из сухих веток, они ужинали и рассаживались вокруг огня, слушая морские песни Полинезии и сказания джунглей обезьяны Чи-Чи.

Эти легенды оказались очень интересными. Хотя у обезьян не было исторических книг, пока их не написал Джон Дулитл, они помнили все старинные события так ясно, как будто это случилось вчера. Ведь такие истории передавались из поколения в поколение. Чи-Чи услышала их от своей бабушки. В них говорилось о тех древних-преддревних временах, когда Потоп еще не залил землю, а люди одевались в медвежьи шкуры, жили в каменных пещерах и ели своих баранов сырыми, не помышляя о стряпне, потому что никогда не видели огня.

Чи-Чи рассказывала о гигантских мамонтах и ящерах, длинных, как поезда, которые бродили в горах в те далекие времена, обкусывая верхушки деревьев.

Звери слушали, зачарованные, и, спохватившись, когда Чи-Чи умолкала, замечали, что их костер догорел. Приходилось вскакивать и суетиться, разыскивая хворост, чтобы разжечь новый.

Когда королевская армия притащилась домой, никого не обнаружив в джунглях, Король незамедлительно отослал солдат обратно и велел не возвращаться без Джона Дулитла. Доктор и звери, продвигаясь к Стране Обезьян, чувствовали себя в полной безопасности, а между тем их настигали люди Короля, бегущие по следу. Если бы Чи-Чи знала, она бы снова спрятала своих друзей. Но она ничего не знала.

Однажды Чи-Чи взобралась на высокую скалу и посмотрела вдаль, поверх верхушек деревьев. Спу-

стившись, она радостно объявила, что Страна Обезьян уже близко — ну прямо рукой подать. А уже вечером на деревьях у края болотца им удалось разглядеть двоюродную сестру Чи-Чи и еще много других обезьян, не успевших подхватить страшную заразу. Обезьяны напряженно всматривались в джунгли, поджидая знаменитого доктора, и, увидев, что он наконец появился, подняли невероятный шум. Они хлопали в ладоши, махали листьями, раскачивались на ветках, а потом попрыгали вниз, чтобы встретить его.

Обезьяны захотели сами нести чемодан и сумку, а одна из них, довольно крупная, взялась тащить Габ-Габа, который опять устал. Две умчались вперед, сообщить больным, что великий Доктор прибыл.

А королевские солдаты, услышав гомон обезьяньих приветствий, сразу сообразили что к чему, и заторопились ловить беглецов. Большая обезьяна, нагруженная тяжелым Габ-Габом, не могла поспеть за остальными и, отстав, вдруг заметила, как за деревьями крадется Капитан королевской армии. Она догнала Доктора и поделилась с ним ужасной новостью. Все побежали. Никогда прежде не приходилось им бегать так быстро. Преследующие их люди Короля тоже побежали, а Капитан понесся, как ветер. Неожиданно Доктор споткнулся о чемоданчик и упал в грязь, и Капитан засмеялся от радости, что добыча не уйдет от него. Но у Капитана на коротко остриженной голове росли слишком длинные уши, и, когда он рванулся вперед, чтобы схватить Доктора, одно из них крепко зацепилось за сучок, и вся армия вынуждена была остановиться и освобождать это злополучное ухо. А Доктор тем

Страна обезьян уже близко — просто рукой
подать.

временем выбрался из грязи и снова бросился бежать. Чи-Чи закричала:

— Спокойно! Спокойно! Осталось всего ничего!

Близилась граница королевства Жоллиджинки, впереди виднелась Страна Обезьян, но между ними в высоких каменных берегах мчалась река. Джип свесил голову с края крутого-прекрутого утеса и в ужасе вскрикнул:

— Боже мой! Как же мы переберемся?

— Ой, мамочки! — завизжал Габ-Габ. — Эти люди совсем близко. Посмотрите! Они схватят нас и опять бросят в тюрьму. Я боюсь!

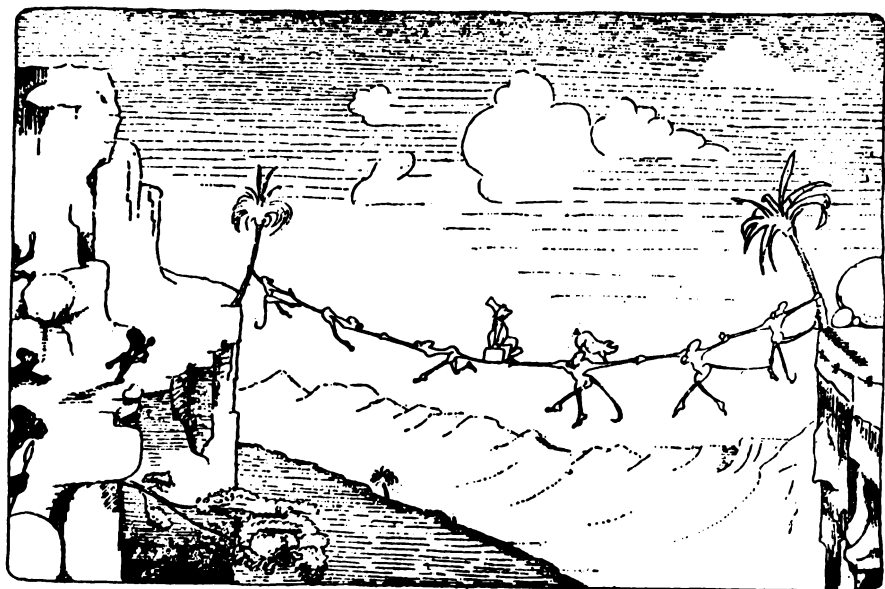
И он зарыдал в полный голос. Тогда большая обезьяна плюхнула его на землю и закричала:

— Эй, ребятки, мост! Быстро. Делаем мост! У нас всего одна минута. Капитан уже на свободе и наяривает, как олень. Живей, живей! Мост! Мост!

Доктор был в совершенной растерянности. Из чего они собираются мастерить мост? Он посмотрел по сторонам, пытаясь понять, где же спрятаны доски. Когда он опять повернулся к обрыву, там, над стремительным потоком, уже висел абсолютно готовый мост. Он был сделан из живых обезьян! Доктор вертел головой всего несколько секунд, но этого обезьянам вполне хватило, чтобы превратиться в мост, — они просто-напросто ухватили друг друга за ноги и руки. И самая большая крикнула Доктору:

— Переходи! Все переходите — и побыстрей!

Габ-Габ, очутившись на узком неустойчивом мостике, немножко запаниковал. У него закружилась голова: ведь внизу зияла бездна. Но он все же одолел опасное препятствие, и все остальные тоже перебрались без приключений.

Джон Дуамта шёл последним.

Джон Дулитл шел последним. В тот самый миг, когда его нога коснулась противоположного берега, королевские воины толпой выбежали на покинутый утес. Они вопили от ярости и кулаками молотили воздух, сообразив, что безнадежно опоздали: Доктор и все его друзья, целые и невредимые, попали в Страну Обезьян, и мост был перетянут на другую сторону.

Чи-Чи обернулась к Доктору:

— Знаешь, сколько великих исследователей, зоологов с седыми бородами неделями прятались в джунглях, прижимаясь животами к земле и воображая, что их никто не замечает? Они надеялись подсмотреть, как мы это делаем. И никогда у них ничего не получалось — еще бы, белые люди! Ты первый, кому мы позволили увидеть знаменитый Обезьяний Мост.

И Доктор был очень доволен.

ГЛАВА 8

ПРЕДВОДИТЕЛЬ ЛЬВОВ

ДЖОН Дулитл был ужасно, чудовищно занят. Болели сотни, тысячи обезьян — гориллы, орангутанги, шимпанзе, бабуины, мартышки — серые, рыжие обезьяны — всех не перечислить. И многие уже умерли.

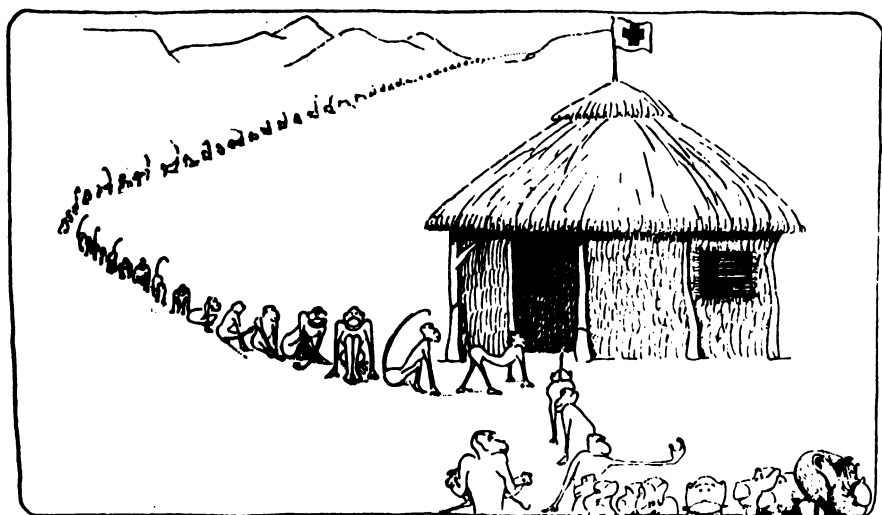
Первым делом Доктор отделил больных от здоровых. Потом попросил Чи-Чи и ее кузину построить ему травяной домик и всем, кто еще держался на ногах, велел явиться на прививку.

Три дня и три ночи к маленькому травяному дому стекались обезьяны джунглей, долин и холмов, и день и ночь напролет Доктор делал прививки. Затем он выстроил еще один дом, огромный, заставленный кроватями, и разместил там всех больных обезьян. Но их оказалось слишком много, гораздо больше, чем здоровых, и ухаживать за ними было некому. Пришлось разослать другим животным — львам, леопардам и антилопам — письма с мольбой о помощи.

Предводитель Львов был великий гордец. Он соизволил-таки заглянуть в хижину, плотно набитую кроватями, но держался сердито и высокомерно.

— Вы осмелились обратиться ко мне, сэр? — свирепо спросил он. — Вы осмелились просить меня, Царя Зверей, навестить свалку вонючих обезьян. Фу! Я бы не стал даже закусывать этой дрянью.

Хотя вид у льва был устрашающий, Доктор постарался взять себя в руки.

День и ночь напролет Доктор делал прививки.

— А их и не надо есть, — смиренно объяснил он. — К тому же сегодня утром они все принимали ванну и теперь совсем не грязные. А вот вашу шубу действительно не мешает почистить. Теперь слушайте, это важно. Может наступить такой день, что заболеют и львы. И если вы откажетесь помогать другим сейчас, то потом, если, не дай Бог, случится беда, никто не придет вам на помощь. Знаете, так часто бывает с гордыми народами.

— Львы никогда не попадают в беду. Запомните это. Они, наоборот, приносят несчастья окружающим, — заявил Предводитель и, задрав нос, удалился в джунгли. Он чувствовал себя бесконечно мудрым и находчивым.

Прослышав о его поступке, леопарды тоже возгордились и отказали Доктору. И даже антилопы, хотя природная робость не позволяла им открыто грубить Дулитлу, нашли способ увильнуть. Они ковыряли копытами землю, глупо хихикали и признались наконец, что никогда прежде не работали сиделками.

Бедный Доктор с ума сходил от тревоги: тысячи больных обезьян тихо лежали в кроватях, а у него просто рук не хватало всем помочь.

Когда Предводитель Львов приблизился к своему логову, навстречу ему выскочила Королева Львица, вся растрепанная.

— Наш сын ничего не ест! — всхлипывала она. — Я не знаю, что делать. С прошлой ночи — ни кусочка!

Она плакала и дрожала, потому что была настоящая хорошая мать, хоть и львица. Предводитель вошел в берлогу и посмотрел на детей. Два чудесных маленьких львенка лежали на полу, и один из них выглядел довольно унылым.

Лев, все еще переполненный гордостью, рассказал жене о своей беседе с Дулитлом. Она тут же перестала плакать и так разъярилась, что вытолкала его из пещеры.

— Ты никогда не отличался сообразительностью, — негодовала она. — Все, поголовно все, отсюда и до Индийского океана, только и говорят что об этом удивительном человеке — какой он добрый, какой он замечательный врач. И — Боже мой! — ведь он единственный из людей, кто понимает звериный язык. И теперь, именно теперь, когда наш ребенок заболел, тебе понадобилось зачем-то пойти и обидеть его! Ты болван. Только полному идиоту может прийти в голову нахамить хорошему врачу. Ты... — и она вцепилась мужу в гриву. — Немедленно вернись к великому белому человеку! — вопила львица. — Извинись перед ним. Захвати с собой всех этих тупоголовых львов, и кретинских леопардов, и антилоп. Слушайтесь Доктора беспрекословно, работайте, как негры. Может быть, тогда он простит нас и посмотрит детеныша. А сейчас убирайся! Быстрее, говорю я тебе! Ты не имеешь права называться отцом.

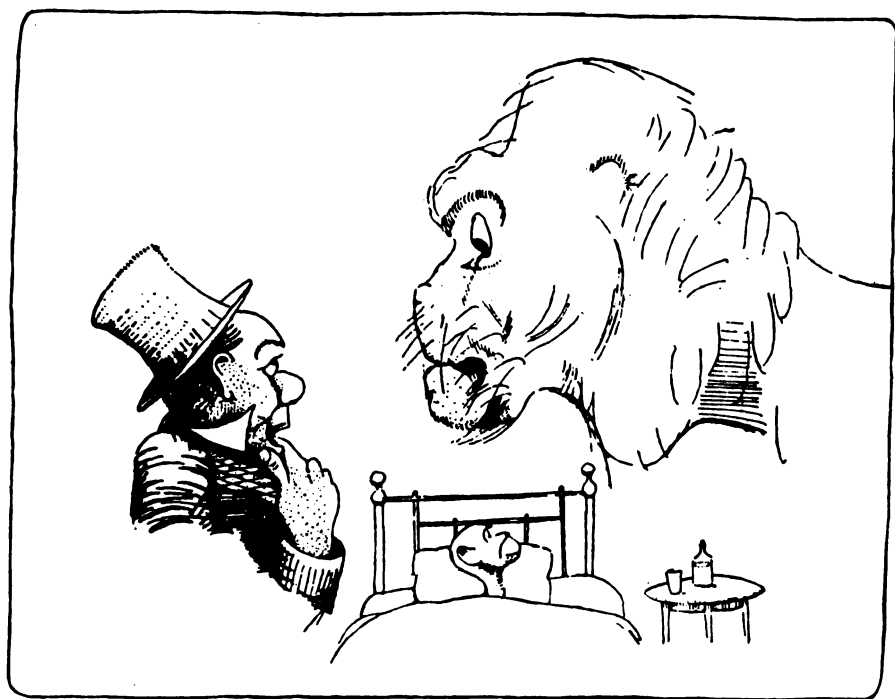
И она постучала в соседнюю берлогу, где тоже жила львица с детьми, и рассказала ей обо всем.

Предводитель Львов отправился обратно к Доктору.

— Я случайно проходил здесь неподалеку и решил заглянуть. Ну что, нашли помощников? — спросил он, старательно отводя глаза.

— Нет, не нашел, — печально ответил Доктор. — Я ужасно волнуюсь.

— М-да, такие уж сейчас времена, никто не хочет работать, — продолжал лев, немного помолчав. — И в каком-то смысле их упрекать не приходится.

— Вы осмелились обратиться ко мне, сэр?

Ну что ж... Я вижу, у вас проблемы. Пожалуй, я не прочь сделать вам одолжение, поработаю немного, знаете, в меру сил... Тем более, вы говорите, мыть этих тварей уже не придется. Другим охотникам я тоже предложил принять участие, леопарды появятся с минуты на минуту. И, кстати, чуть не забыл. У нас дома ребенок заболел. Не думаю, что это серьезно, но жена беспокоится. Не могли бы вы вечером зайти? Разумеется, если вам по дороге.

Доктор был счастлив. Львы, леопарды, антилопы, жирафы, зебры — все лесные, горные и равнинные звери работали теперь вместе с ним. Их оказалось даже многовато, и некоторых пришлось отослать восвояси. Остались только самые смышленные.

Обезьяны начали поправляться. К концу недели заставленный кроватями дом наполовину опустел. А к концу второй недели выздоровела последняя обезьяна.

Работа была сделана, и Джон Дулитл почувствовал себя таким усталым, что немедленно лег в постель и проспал три дня подряд, ни разу не перевернувшись.

ГЛАВА 9

СОВЕЩАНИЕ

ТРИ дня не отходила Чи-Чи от двери, отгоняя любопытных. Никто не смел мешать Доктору. А проснувшись, Джон Дулитл объявил, что возвращается в Англию.

Обезьяны очень удивились: они-то решили, что Доктор останется здесь навсегда, — и когда наступила ночь, потихоньку собрались в джунглях на совет.

И Главный Шимпанзе поднялся и спросил:

— Почему уезжает этот добрый человек? Неужели с нами он несчастлив?

И никто не сумел ответить ему.

И поднялась Великая Горилла и сказала:

— Я думаю, мы должны попросить его остаться. Может быть, надо выстроить для него новый большой дом, и сделать кровать пошире, и дать ему в услужение столько обезьян, сколько он пожелает, и Доктор наверняка не захочет уезжать из Африки.

Тогда встала Чи-Чи и объяснила:

— Друзья мои, боюсь, бесполезно это — просить Доктора остаться. Он задолжал в Падлби и говорит, что непременно должен вернуться и уплатить эти деньги.

— А что такое деньги? — растерялись обезьяны.

И Чи-Чи рассказала им, что в Стране Белых Людей ничего не получишь, ничего не сделаешь и вряд ли вообще сможешь выжить, если у тебя нет денег.

Обезьяны помолчали, а потом раздался чей-то голос:

— А есть и пить бесплатно тоже нельзя?

Чи-Чи покачала головой. Ей самой приходилось кланчить у детей монетки, когда приказывал шарманщик, ее хозяин.

И тогда Главный Шимпанзе обратился к Старейшему Орангутангу:

— О брат мой, определенно, эти люди странные существа. Кому же доставляет удовольствие жить в подобной стране? Господи, какое убожество.

Чи-Чи опять заговорила:

— Дело в том, что у нас не было корабля, чтобы добраться до вас по морю, и денег, чтобы купить еды на дорогу, тоже не было. И вот мы взяли сухарей у одного человека и пообещали заплатить за них, когда приедем назад. А моряк одолжил нам свой корабль, только он разбился о скалы — уже здесь, почти у самого берега. И теперь Доктор считает, что просто обязан достать где-то корабль для моряка, — ведь кроме этого суденышка, у бедняги ничего в жизни и нет.

Обезьяны сидели на траве очень тихо и очень крепко размышляли.

Наконец поднялся Самый Большой Бабуин и произнес:

— Я считаю, мы не имеем права отпустить этого замечательного человека из нашей страны без хорошего подарка. Пусть он заберет его с собой и помнит, как мы все благодарны ему за великую помощь.

И из густой листвы высокого дерева высунулась крошечная рыжая обезьянка:

— Я согласна!

И тут же поднялся страшный шум. Все вопили:

— Да! Да! Мы должны подарить ему какой-нибудь потрясающий подарок! Чего Белые Люди и в глаза не видели!

И они начали пихаться и спорить.

— Пятьдесят мешков кокосовых орехов! — кричали одни.

— Нет, сто связок бананов! — упрямылись другие. — Пусть он хотя бы сэкономит на фруктах в этой ужасной Стране, Где Приходится Платить За Еду.

Но Чи-Чи остановила их, растолковав, что, во-первых, такие подарки слишком тяжелы для дальнейшего плавания, а во-вторых, половина наверняка протухнет, и ее придется выбросить.

— Если вы действительно хотите порадовать его, — продолжала Чи-Чи, — подарите ему зверя. Не тревожьтесь, Доктор будет с ним очень хорошо обращаться. Только этот зверь должен быть редкий и для людских зоопарков небывалый.

— Что такое зоопарки? — в один голос спросили обезьяны.

Чи-Чи вздохнула.

— Понимаете, у себя в стране Белые Люди сажают животных в клетки, чтобы приходить и разглядывать их, когда хочется.

— Эти Люди ведут себя, как неразумные дети — такие же глупые и охочие до забав. Б-р-р! То, что она имеет в виду, смахивает на тюрьму, — перешептывались потрясенные обезьяны.

Немного успокоившись, они принялись выяснять, каких же редких зверей еще не видывал Белый Человек.

— Есть ли у них игуана? — задал свой вопрос Вождь Мартышек.

Но Чи-Чи ответила:

— Да, есть одна в лондонском зоопарке.

— А окапи?

— Да. В Бельгии, в огромном городе, который

называется Антверпен, пять лет назад я познакомилась с моим шарманщиком. И там я видела окапи, — грустно призналась Чи-Чи.

— А тyani-толкай у них есть? — поинтересовался кто-то.

И тогда Чи-Чи улыбнулась.

— Нет, — воскликнула она. — Нет! Белый Человек никогда не видел тyani-толкая. Давайте подарим его Доктору.

ГЛАВА 10

САМЫЙ РЕДКИЙ ЗВЕРЬ

СЕЙЧАС тьяни-толкаи вымерли. Это значит, их больше не существует. Но в те стародавние времена, когда был жив Доктор Дулитл, они еще водились в глубине африканских джунглей, но встречались очень-очень редко.

Хвоста у них совсем не было, зато с каждой стороны росла голова и на каждой голове — острые рога. Они отличались невероятной пугливостью, и никто не мог их поймать. Обычно негры ловят добычу, подкрадываясь сзади, но с тьяни-толкаем этот номер не проходил. Откуда бы ни подбирался охотник, он неизменно сталкивался с удивительным зверем лицом к лицу. К тому же тьяни-толкая невозможно было застать спящим: половина его всегда бодрствовала и зорко глядела вокруг. Вот почему никому не удалось изловить его и посадить в клетку зоопарка. Многие великие охотники и умудренные опытом владельцы зверинцев годами, невзирая на дождь и засуху, бродили по джунглям в поисках тьяни-толкаев, но не сумели раздобыть ни одного. Даже тогда, много лет назад, он был единственным на земле существом с двумя головами.

Итак, обезьяны отправились в лес на охоту за этим существом. Не одну и не две мили прошагали они, прежде чем разглядели на речной отмели странные следы и поняли, что тьяни-толкай наверняка где-то рядом. Они двинулись вдоль берега и скоро обнаружили укромное местечко, заросшее высокой и густой травой, и догадались, что он там.

Тогда они взялись за руки и окружили высокую траву со всех сторон. Тьяни-толкай услышал их шаги

и попытался прорваться сквозь обезьянье кольцо. Он очень старался, но сил не хватило. Смирившись с тем, что удрать не получится, он уселся на землю и стал ждать.

Обезьяны спросили, не хочет ли он уехать вместе с Доктором Дулитлом в Страну Белых Людей, где его никто никогда не видел. Тяни-толкай замотал сразу двумя головами и ответил:

— Совершенно не хочу!

Обезьяны объяснили, что его не отдадут в зоопарк, а просто будут им любоваться, что Доктор — ужасно хороший и добрый, но совсем без денег, а Белые Люди обязательно заплатят за удовольствие познакомиться с двухголовым животным, и тогда Доктор разбогатеет и сможет купить моряку новый корабль.

— Нет! Ни за что! — Тяни-толкай чуть не плакал. — Вы же знаете, какой я стеснительный. Я ненавижу, когда на меня смотрят!

Три дня обезьяны уговаривали его, и к концу третьего дня он согласился пойти и проверить, что за человек этот Доктор. И вот они все вместе пустились в обратный путь и, добравшись до маленького травяного домика, постучали в дверь.

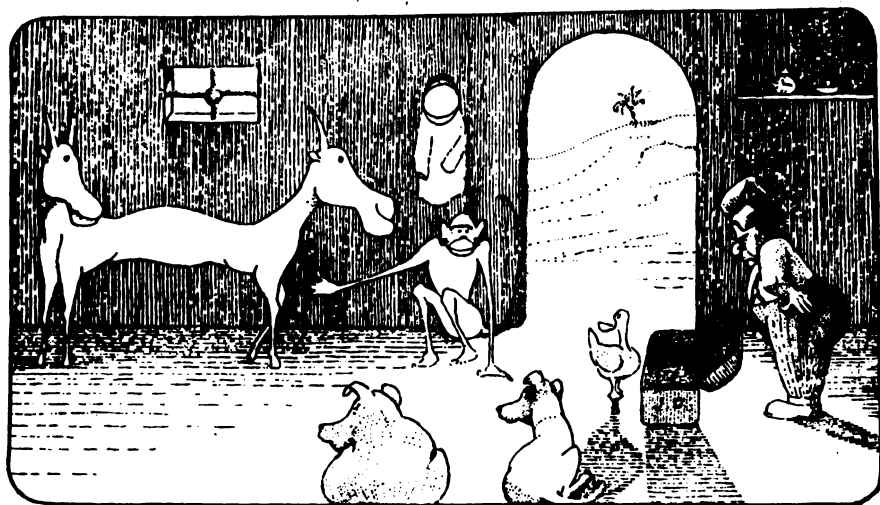
— Войдите, — отозвалась утка, собиравшая чемодан.

Чи-Чи торжественно ввела тяни-толкая в комнату.

— Что бы это могло быть? — полюбопытствовал Доктор, уставившись на странного гостя.

— Господи помилуй! — всплеснула крыльями утка. — Как это ему пришло в голову — так выглядеть?

— А ты уверена, что это голова? — усомнился Джип.

— Что бы это могло быть? —
полюбопытствовала Доктор.

— Смотрите, Доктор, — Чи-Чи не обратила на шутников никакого внимания. — Это настоящий тьяни-толкай, самый редкий зверь африканских джунглей. Другого такого зверя во всем мире не сыщешь. Забирайте его с собой, Доктор, и вы разбогатеете: люди любые деньги заплатят, только бы на него взглянуть.

— Но мне не нужны деньги, — растерянno пробормотал Доктор.

— А вот и нужны! — отрезала утка Даб-Даб. — Неужели вы забыли, как мы голодали, как считали каждый пенс, чтобы наскрести денег и заплатить мяснику из Падлби? А как вы собираетесь возвращать моряку корабль? Или вы думаете, корабли раздают бесплатно?

— Вообще-то я собирался сам его построить, — признался Джон Дулитл.

— Будьте же благоразумны, Доктор, — взмолилась Даб-Даб. — Ну где, где раздобудете вы все эти гвозди и деревяшки? И на что мы будем жить? Нам попросту грозит нищета, понимаете? Чи-Чи совершенно права: единственный выход — взять забавную зверюшку с собой.

— Что-то в этом есть, — кивнул Доктор. — Пожалуй, его бы все полюбили. Только вот вправду ли м-м-м... как он там называется... согласен поехать за границу?

— Да-да, с радостью, — быстро отозвался тьяни-толкай. Он с первого взгляда понял, что на Доктора вполне можно положиться. — Вы так славno ко всем относитесь. Да и обезьяны сказали, что я один могу вызволить вас из беды. Но, пожалуйста, дайте слово немедленно отпустить меня обратно, если я не приживусь в этой Стране Белых Людей.

— Ну, разумеется, о чем речь! — успокоил его Джон Дулитл. — А кстати, можно узнать, не относишься ли ты к семейству оленей?

— Ну да, — охотно ответил тьяни-толкай. — Абиссинские газели и азиатские серны по материнской линии. А вот пра-прадедушка моего отца был последним из единорогов.

— Удивительно, — покачал головой Дулитл, вытащил из почти запакованного чемодана книгу и принялся листать ее. — Посмотрим, посмотрим, не упоминает ли Бюффон...

— Если я не ошибаюсь, ты говоришь только одним ртом. А вторая голова — умеет? — поинтересовалась Даб-Даб.

— Ой, ну а как же! — засмеялся тьяни-толкай. — Просто по большей части я ее использую для жевания. Так и получается, что одновременно я могу есть и беседовать, и никто не упрекнет меня в невоспитанности. Вообще у моих соплеменников прекрасные манеры.

И вот вещи собраны, и сборы закончены, и обезьяны устроили для Доктора прощальный праздник. Не нашлось в джунглях зверя, не захотевшего с ним проститься, и каждый нес с собой ананас, или манго, или мед — получилась целая куча разной вкусоности.

Когда все наелись и напились вволю, Доктор поднялся и сказал:

— Друзья! Не слишком хорошо я умею произносить длинные послеобеденные речи, тем более, что сейчас мой желудок переполнен фруктами и медом. Но мне хочется сказать: покидая вашу чудесную землю, я очень печалюсь. Меня ждут неотложные дела в Стране Белых Людей, вот почему приходится уезжать. Очень прошу вас, не забывайте прого-

нять мух с вашей пищи и не смейте спать на земле, если приближаются дожди. И м-м-м... я надеюсь, вы всегда будете счастливы.

Закончив, Джон Дулитл сел на свое место, а обезьяны захлопали в ладоши и хлопали долго-предолго и так говорили друг другу:

— Давайте навсегда запомним, что он сидел и ел вместе с нами, под этими деревьями. Потому что воистину он — Превосходнейший из Людей!

И Великая Горилла, имевшая в своих мохнатых лапах силу семи лошадей, прикатила к столу чудовищного размера валун и объявила:

— Этот камень будет лежать на этом месте во все времена.

Даже сейчас там, в самом сердце африканских джунглей, камень сторожит знаменитое место, и обезьяны-матери, прыгая по веткам деревьев, всегда задерживаются здесь и, показывая вниз, шепчут своим детям:

— Ш-ш-ш... Вон там, посмотрите, Добрый Белый Человек сидел и ел пищу вместе с нами в Год Ужасной Болезни!

Когда праздник закончился, Джон Дулитл и его звери отправились в обратный путь, к побережью. И обезьяны, взвалив на плечи чемодан и сумки, проводили их до самой границы своей страны.

ГЛАВА 11

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

НА речном берегу путешественники остановились и стали прощаться. Это заняло немало времени, потому что тысячи обезьян непременно хотели пожать руку Джону Дулитлу.

Когда Доктор и его звери остались наконец одни, Полинезия сказала:

— Мы должны ступать очень мягко и разговаривать очень тихо. Ведь земля, по которой мы идем, — Джоллиджинкия. Стоит Королю услышать наши шаги, он тут же пришлет солдат. Уверена, он до сих пор злится, что я обхитрил его.

— Однако вот что интересно, — задумчиво пробормотал Доктор, — как же мы будем добираться домой? Впрочем, вполне вероятно, где-нибудь на отмели лежит себе никому не нужный корабль, и нам удастся им воспользоваться.

Между тем в ужасно густой чаще Чи-Чи решила забежать немного вперед и поискать кокосовых орехов. А все прочие, оказавшись без провожатого на неведомой лесной тропинке, немедленно заблудились. Они кидались из стороны в сторону, но не могли выйти на дорогу к морскому побережью.

Чи-Чи, нигде не обнаружив своих друзей, страшно огорчилась. Она залезала на самые высокие деревья и, цепляясь за верхние ветви, отчаянно высматривала высокий докторский цилиндр. Она размахивала лапами и кричала, окликая каждого по имени. Все было напрасно. Поотставшая компания словно сквозь землю провалилась.

И действительно, они по-настоящему сбились с пути. Прежняя их дорожка осталась далеко позади,

а лес был такой непролазный, что кусты, лианы и разные другие ползучие растения попросту не давали им двигаться. Доктору пришлось достать перочинный ножик и прорубать проходы в джунглях.

Они брели по влажным, заболоченным низинам, путаясь в щупальцах огромных выюнов. Они все исцарапались об острые шипы и дважды чуть не потеряли в зарослях медицинский чемоданчик. Не было конца этим несчастьям, и выхода на пропавшую тропинку тоже не было.

Так они мыкались много дней подряд, одежда их совсем изорвалась, а лица покрылись грязью, — и в конце концов, по чудовищной случайности, вышли прямо в королевский сад. Немедленно появились черные воины и схватили их. Правда, Полинезия ухитрилась незаметно взлететь на дерево и притаилась среди больших листьев. А Джон Дулитл и все остальные предстали перед Королем.

— Ха-ха! — веселился Король. — Вот я вас и поймал! На этот раз не спасетесь, и не надейтесь. Отведите их обратно в тюрьму и закройте двери на двойной замок. Этот Белый Человек до конца своих дней будет скрести пол на моей кухне!

Несчастных отвели в темницу и заперли, и Доктору было велено уже на рассвете приступать к чистке пола.

Все тоскливо вздыхали.

— Какая-то чепуха, — произнес Доктор. — Мне необходимо попасть в Падлби. Если я не вернусь вовремя, бедный моряк подумает, что я украл его корабль... Может быть, петли разболтались?

Но дверь оказалась вполне прочной и надежно запертой. Исчезла последняя надежда на спасение.

И Габ-Габ заплакал.

А Полинезия все еще сидела на дереве в дворцовом саду. Она не проронила ни звука и только шурилась. Это был очень плохой знак. Такое молчаливое прищуривание означало, что творится несправедливость, и она размышляет, как навести порядок. Люди, причинившие неприятности Полинезии или ее друзьям, всегда жалели об этом, но, как правило, слишком поздно.

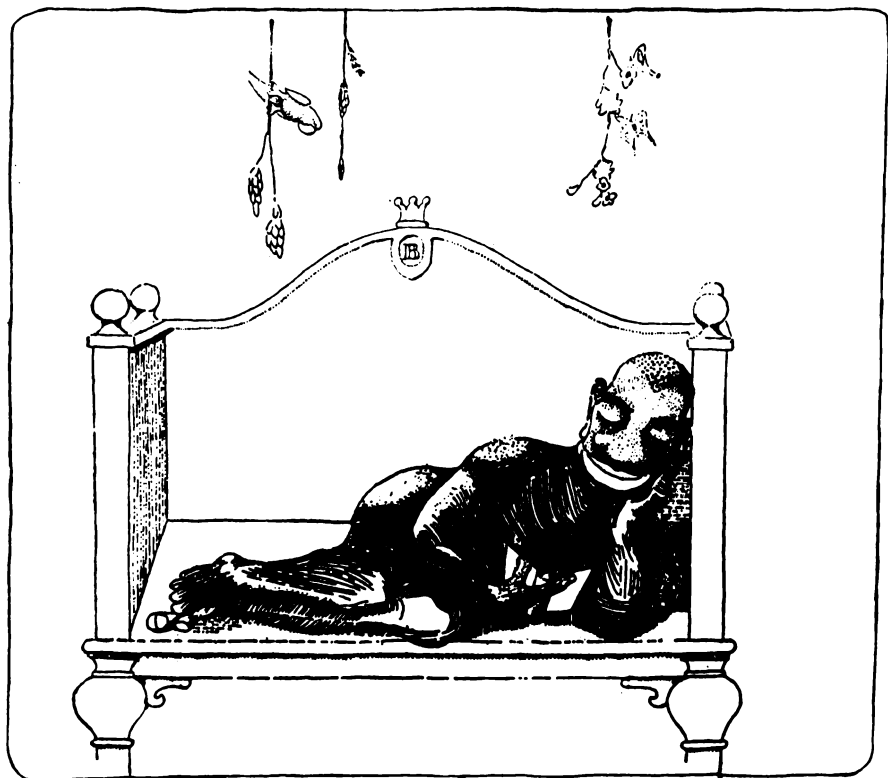
И вдруг она краем глаза заметила, что на дальней пальме раскачивается Чи-Чи, продолжающая поиски Доктора. Когда обезьяна тоже увидела свою исчезнувшую спутницу, она тут же перебралась на ее дерево и засыпала попугаиху вопросами.

— Доктор и все остальные схвачены и посажены в тюрьму, — шепотом объясняла Полинезия. — Мы заблудились в джунглях и по ошибке наткнулись на этот сад.

— А почему же ты не показала им дорогу, пока я искала орехи? — гневно зашипела Чи-Чи и пустилась бранить ее за то, что она позволил Дулитлу сбиться с пути.

— Видишь ли, — с достоинством оправдывалась Полинезия, — во всем виноват этот бестолковый поросенок. Он так и норовит удрать с тропинки и накопать себе имбиря. Мне приходилось постоянно ловить его и возвращать на место. Естественно, кончилось тем, что я перепутала право и лево и свернула не в ту сторону. Тихо! Смотри! В сад идет Принц. Не шевелись, сделай одолжение. Нельзя, чтобы он нас обнаружил.

Бампо, сын Короля Джоллиджинки, открыл садовую калитку и побрел по траве, заунывно мурлыкая под нос печальную песню. Под мышкой он тащил толстенную книгу. Поравнявшись с каменной скамейкой — точь-в-точь под деревом, на

Принц улегся на сидение и принялся читать сказки.

котором прятались Чи-Чи и Полинезия, — Принц улегся на сиденье и принялся читать сказки. Обезьяна и попугай наблюдали за ним, затаив дыхание.

Через некоторое время Бампо отложил книгу и утомленно вздохнул.

— Ах, если бы я был Белым Принцем, — протянул он, мечтательно глядя вдаль.

И тогда Полинезия произнесла слабеньким, то-неньким, совсем детским голоском:

— Бампо, Бампо, как знать — вдруг кто-нибудь поможет тебе стать Белым Принцем?

Королевский сын соскочил со скамьи и огляделся.

— Что я слышу? — закричал он. — Сладкая музыка, волшебный серебряный голос звучит в моих ушах. Как странно!

— О достойный Принц! — вкрадчиво продолжала Полинезия. — Сам не ведая того, ты коснулся истины. Это Трипситинка, Королева фей, говорит с тобой. Я укрылась в розовом бутоне.

Полинезия сидела тихо-тихо, и Бампо не видел ее.

— Умоляю, поведай мне, чудесная Королева, — воскликнул Принц, в восторге заламывая руки, — кто способен изменить цвет моей кожи!

— В темнице, принадлежащей твоему отцу, — рассказывала Полинезия, — содержится могущественный кудесник, имя его — Джон Дулитл. Многое ведомо ему во врачевании и колдовстве, и великие подвиги совершил он. Твой царственный отец обрек его на жалкое существование, уже долгие часы томится он в каменной тюрьме. Иди к нему, о храбрый Бампо, тайком проберись на закате солнца. И поверь, ты превратишься в самого Белого из всех Белых Принцев, и мужество твое будет вознагра-

раждено. Но довольно. Мне пора возвращаться в Сказочную страну. Прощай!

— Прощай! — отозвался Бампо. — Тысяча благодарностей, милая Трипситинка!

Он опустился на скамью и остался сидеть там, поджидая, пока не зайдет солнце, и счастливая улыбка не сходила с его лица.

ГЛАВА 12

МЕДИЦИНА И ВОЛШЕБСТВО

УБЕДИВШИСЬ, что поблизости никого нет, и все же соблюдая величайшую осторожность, Полинезия выскользнула из своего тайника и полетела к тюрьме.

Габ-Габ в это время, пропихнув розовый пяточек между прутьями решетки, с тоской внюхивался в запахи, доносившиеся из дворцовой кухни. Попугайха велела ему немедленно вызвать к окошку Доктора для важного разговора. Джон Дулитл как раз прилег вздремнуть, и Габ-Габ, вздыхая, отправился будить его.

— Слушай, — зашептала Полинезия, когда перед ним возникло лицо Доктора. — Сегодня вечером тебя навестит Принц Бампо и попросит перекрасить ему кожу в белый цвет. Только сперва возьми с него слово, что в награду он отопрет тюремную дверь и раздобудет судно, чтоб вы могли переплыть море.

— Славно-славно, — покачал головой Доктор, — но, к сожалению, не так-то просто превратить черного человека в белого. Ты, наверное, думаешь, это все равно что покрасить старые брюки. Нет, ужасно, невообразимо трудно. Может быть, ты слышал — легче леопарду изменить узор на шкуре, чем кожу — эфиопу.

— Ничего я не знаю! — фыркнула Полинезия. — Но тебе придется сделать этого копченого белым. А уж как — думай. И крепко думай. Ведь у тебя осталась куча лекарств. Он для тебя в лепешку разобьется, если ты согласишься. Пойми, это единственный шанс выбраться отсюда.

— Ну-ну, не сердись! — замахал руками Дулитл.
— Не исключено, что это действительно возможно.
Надо попытаться.

И Доктор заторопился к своему чемоданчику, бормоча вполголоса:

— Едкий хлор на животном пигменте, вероятно, цинковая мазь в качестве временной меры — жирным слоем...

И вот поздно вечером в тюрьму к Доктору проник Принц Бампо и так обратился к нему:

— Здравствуй, Белый Человек, перед тобой ужасно несчастливый принц. Много лет назад отправился я на поиски Спящей Красавицы, о которой прочитал в книге. Долго путешествовал я по свету и наконец нашел мою прекрасную леди, и поцеловал ее очень нежно, чтобы разбудить, — ибо так было указано в книге. Она и вправду проснулась, но, разглядев мое лицо, закричала: «Ах, он черный!» И убежала прочь, и не вышла за меня замуж, и, наверно, снова улеглась спать где-нибудь неподалеку. Убитый горем, воротился я в родное королевство. И вот сегодня случайно узнал о тебе, удивительном чудодее, и твоих могущественных зельях. Я прошу у тебя помощи. Если я стану белокожим и смогу вернуться к Спящей Красавице, то подарю тебе полкоролевства и впридачу — все, что пожелаешь.

— Принц, — произнес Джон Дулитл, задумчиво рассматривая пузырьки с лекарствами, — предположим, я наколдую тебе замечательные белокурые волосы — это не сделает тебя счастливым?

— Нет, — ответил Бампо. — Ничто другое не удовлетворит меня. Я должен стать Белым Принцем.

— Видишь ли, дружок, — упорствовал Доктор, — работа по окраске принцев — одна из трудней-

ших в волшебном деле. Впрочем, тебе ведь достаточно лица, верно?

— Вполне, — кивнул Бампо. — Потому что тогда я буду носить, как и все белые принцы, сверкающую броню и стальные рукавицы и скакать на коне.

— Но лицо должно быть целиком белое? — спросил Доктор.

— Да, целиком, — твердо сказал Бампо. — И, конечно, мне хотелось бы иметь голубые глаза, но, видимо, это слишком сложно.

— Еще бы! — быстро согласился Доктор. — Ну что ж, посмотрим, на что я гожусь. Только запасись терпением — с некоторыми снадобьями, знаешь, иногда случаются неожиданности. Вероятно, будем пробовать дважды, а то и трижды. Надеюсь, у тебя прочная кожа. Подойди-ка поближе к свету. Ох, чуть не забыл: сначала тебе придется сходить на берег и приготовить судно со всеми припасами — оно понадобится мне, чтобы пересечь море. И никому ни слова, вот что важно. И когда я закончу колдовство, ты выпустишь нас из тюрьмы. Поклянись короной Джоллиджинкии!

Бампо поклялся и убежал на побережье искать корабль. Вернувшись, он объявил, что все готово, и Доктор попросил у Даб-Даб тазик, смешал в нем разные лекарства и велел Принцу окунуть туда лицо.

Принц послушно наклонился, погрузил лицо по самые уши в загадочную жидкость и долго не шевелился.

Джон Дулитл начал беспокоиться, потом он всерьез разволновался. Он переминался с ноги на ногу и с тревогой глядел на пошедшие в дело бутылочки, в двадцатый раз перечитывая надписи

на ярлыках. Сильный, резкий запах наполнил тюрьму — словно горела оберточная бумага.

Наконец Принц поднял голову над тазом и перевел дыхание. У всех вырвался вопль изумления. Лицо Принца стало снежно-белым, и даже глаза его, прежде темные, как глина, приобрели мужественный серый цвет. Доктор подал ему зеркальце, и, увидев свое отражение, Бампо запел радостную песню и пустился в пляс. Но Доктор попросил его не шуметь, второпях собрал чемодан и направился к двери.

Напрасно Бампо молил оставить ему зеркало, единственное в Джоллиджинкии, — Джон Дулитл был неумолим. Объяснив, что вещь необходима ему самому, потому что без нее невозможно бриться, Доктор засунул зеркало в карман. Бампо смирился и, достав связку медных ключей, отпер огромный двойной замок.

Доктор и его звери со всех ног помчались к морю, а Принц, прислонившись к тюремной стене, блаженно улыбался им вслед, и его широкое лицо сияло в свете луны, как полированная слоновая кость.

Примостившись на прибрежных валунах поблизости от корабля, Полинезия и Чи-Чи дожидались Доктора.

— До чего неудобно получилось, — виновато сказал он. — Боюсь, мое лекарство весьма недолговечно. Скорее всего, бедняга Бампо почернеет уже к утру, вот, собственно, почему мне пришлось забрать у него зеркало. А вот потом, может быть, он снова станет белым. Именно может быть — ведь я никогда прежде не пользовался этой смесью. Честно говоря, я и сам удивлен — потрясающий результат, просто в голове не укладывается. Ну да что там — все равно надо было действовать. Не мог

же я по гроб жизни скрести королевскую кухню — там жуткая грязь, я разглядел из тюремного окошка. Ох, несчастный Бампо!

— Разумеется, он сообразит, что за шутку с ним сыграли, — улыбнулась Полинезия.

— Они не имели права нас запирать! — Даб-Даб раздраженно распушила хвост. — Мы им никакого зла не причинили. И поделом ему, если он почернеет. Чем чернее, тем лучше.

— Но ведь он-то тут ни при чем, — попытался урезонить ее Дулитл. — Это его отец запер нас. Бампо совсем не виноват. Непокойно у меня на душе, хоть возвращайся и проси у него прощения... Ну да ладно, доберусь до Падлби, pošлю ему леденцов. Будем надеяться, в конце концов он все-таки станет белокожим.

— Спящая Красавица все равно его не полюбит, нечего и рассчитывать! — не сдавалась утка. Он стал еще хуже. Хотя вряд ли — уродство это уродство, от цвета не зависит. Вот так.

— Ну-ну, успокойся, — Доктор выглядел расстроенным. — Зато у мальчика доброе сердце. Он, конечно, романтик, но очень славный. И вообще, как говорится, — «с лица воду не пить»...

— А я не верю, что бедный дурачок нашел и поцеловал Спящую Красавицу, — заявил Джип. — Наверняка, это жирная фермерша прилегла всхрапнуть под яблонькой. Представляю, как она испугалась! Интересно, кого он на этот раз осчастливит. Б-р-р, глупое до чего занятие — целоваться...

И вот тяни-толкай, белая мышь, Габ-Габ, Джип и филин Гу-Гу вместе с Доктором поднялись на корабль. А Чи-Чи, Полинезия и крокодил остались на берегу, потому что Африка, страна, где они родились, была их настоящим домом.

Доктор подошел к борту и посмотрел вдаль. Он вспомнил, что не знает обратной дороги, и спросить тоже не у кого. Море, печально блестящее в лунном свете, казалось особенно большим. Доктор подумал, что они, скорее всего, сойдутся с пути, стоит лишь потерять из виду берег.

И в эту самую минуту из мертвой тишины ночи родился странный звук, похожий на чей-то невидимый шепот в высоком небе. Звери прислушались.

Звук нарастал и, казалось, приближался. Он напоминал не то свист осеннего ветра в засохшей тополиной листве, не то сильный дождь, барабнящий по крыше.

И Джип, подрагивая чутким носом и вытянув хвост в струнку, победно объявил:

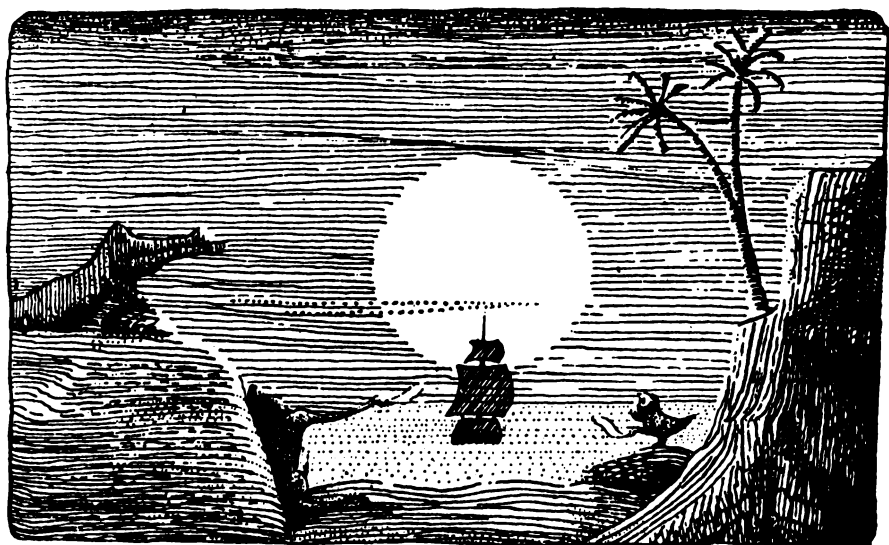
— Птицы, миллионы птиц, летят очень быстро — вот что это такое!

Тогда все посмотрели вверх.

Тысячи и тысячи птиц проносились поперек желтого диска луны, словно полчища крохотных муравьев. Воздух уже заполнился ими, а они все летели и летели, бесчисленные, молчаливые, и на мгновение заслонили луну. Море грозно потемнело, как будто напозла штормовая туча.

И вот птицы спустились ниже, заскользили над самой водой, над пустынным берегом, и в ночном небе ярко засверкала освобожденная луна. Они по-прежнему хранили молчание — ни щебета, ни вскрика, ни песни — только мощно, оглушительно шелестели крылья.

Вдруг они начали садиться — на прибрежный песок, на корабельные снасти — повсюду, где находилось место. Только деревьев они избегали. И Доктор разглядел их синие крылья, белые грудки и

И корабль отчалил от африканского берега.

короткие пушистые лапки. Скоро все расселись, и неожиданно наступила тишина.

Освещенный спокойным лунным светом, Джон Дулитл заговорил:

— Кто бы мог подумать, что прошло столько времени! Хорошо, если мы попадем домой хотя бы к лету. Ведь это ласточки возвращаются. Милые, заботливые ласточки, большое вам спасибо, что решили подождать нас. Теперь-то уж мы не заблудимся, бояться нечего. Поднять якорь, поставить паруса!

И корабль отчалил от африканского берега, на котором остались Чи-Чи, Полинезия и крокодил. Никогда никого не любили они так сильно, как Доктора Дулитла из Падлби-на-болоте, и теперь расставались с ним навсегда.

Много-много раз прокричали они слова прощания, а потом долго еще сидели на прибрежных утесах, горько плакали и махали вслед кораблю, пока он не скрылся из глаз.

ГЛАВА 13

КРАСНЫЕ ПАРУСА И СИНИЕ КРЫЛЬЯ

ПО дороге домой корабль Доктора огибал по берегу Барбарии. Здесь выходила к морю Великая Пустыня, дикое унылое место — песок да камни, камни да песок. И здесь жили многочисленные Барбарийские пираты.

Обычно они поджидали, пока проплывающее судно не разобьется о скалы. А иногда, завидев парус, и сами выходили в море на быстроходных кораблях и преследовали его, а догнав, забирали с борта все, что можно было унести. Людей они тоже уводили, топили опустевшее судно и, горланя развеселые песни, отправлялись домой, в Барбарию, гордые совершенным злодейством. Потом они заставляли пленников писать письма друзьям и просить денег. Если деньги не появлялись, пираты, не задумываясь, швыряли людей в бурные волны.

Как-то солнечным днем Доктор и Даб-Даб, заботясь о собственном здоровье, прогуливались взад-вперед по палубе. Ласковый попутный ветер гнал их по прозрачной воде, настроение было превосходное. И вдруг зоркие глаза Даб-Даба заметили на горизонте за кормой парус чужого корабля. Красный парус.

— Не нравится мне, как он выглядит, — насторожилась утка. — Боюсь, не случилось бы беды!

Джип, дремавший на солнышке, глухо заворчал.

— Чую жареную говядину, — пробормотал он.

— Румяный ростбиф с темной подливкой.

— Господи боже мой! — Доктор вытаращил

глаза. — Что происходит с собакой? Джип принюхивается и разговаривает во сне?

— Ничего удивительного, — пожала плечами Даб-Даб. — Все собаки так делают.

— Но в таком случае, что он нюхает? — спросил Доктор. — У нас на борту, насколько мне известно, никакого мяса нет.

— Нет, — согласилась утка. — Должно быть, это на том корабле готовят ростбиф.

— Да он в десяти милях отсюда! — не поверил Джон Дулитл. — Не может Джип почуять такой далекий запах.

— Разумеется, может, — улыбнулась Даб-Даб. — Спросите его, если хотите.

Джип вздрогнул во сне и зарычал, сердито сморщив губу и оскалив яркие белые зубы.

— Чую плохих людей, — захлебывался он. — В жизни не нюхал ничего более противного. Чую драку — шестеро подонков против одного смельчака. Надо помочь ему! В-ваф! В-В-В-АФ!

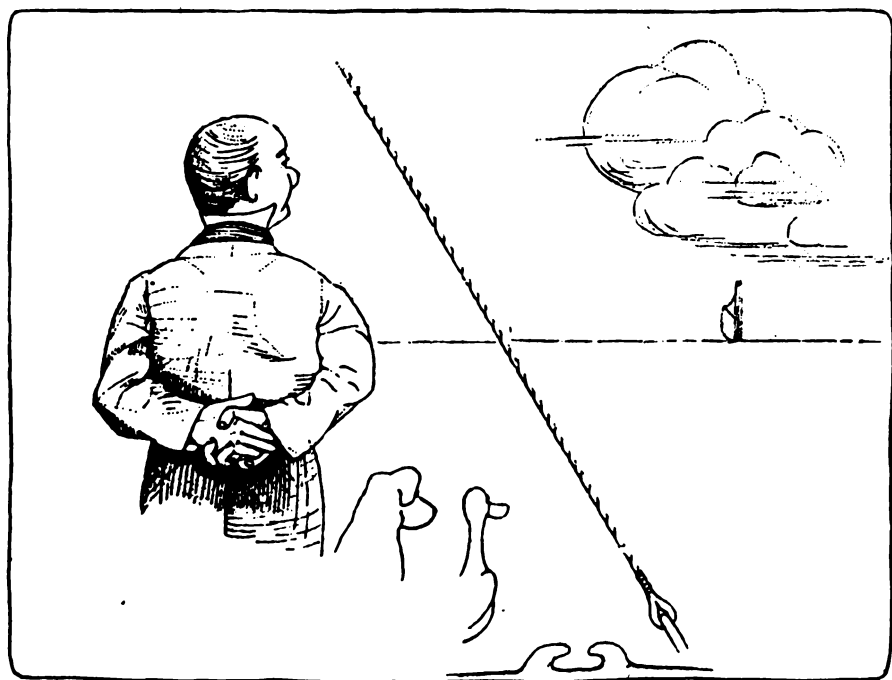
Он громко залаял и проснулся. Лицо у него было изумленное.

— Смотрите! — закричала Даб-Даб. — Тот корабль приближается! Можно сосчитать паруса — три — и все красные. Они за нами гонятся! Что это значит?

— Они нехорошие моряки, — убежденно сказал Джип. — И корабль у них ужасно быстрый. Наверняка это Барбарийские пираты.

— Раз так, придется поставить побольше парусов, — рассуждал Доктор. — Мы увеличим скорость и уйдем от них. Сбегай-ка вниз, Джип, и принеси мне все паруса, какие тебе на глаза попадутся.

Джип помчался в трюм и притащил целую гору разных парусов. Но даже когда они были постав-

— Наверняка это Барбарийские пираты.

лены и, весело натянувшись, поймали ветер, скорости почти не прибавилось. Пиратский корабль немолимо вырастал за кормой.

— Скверное суденышко подарил нам Принц, — захныкал Габ-Габ. — Небось, нарочно выбирал помедленнее! Нечего и пытаться удрать от них на этой старой барже, она все равно что мыльница против фрегата. Глядите, они совсем близко — шесть человек, вон у каждого какие усищи! Что же делать?

Доктор послал Даб-Даб наверх сообщить ласточкам, что их догоняет быстроходный пиратский корабль, и спросить совета. Услышав о грозящей опасности, ласточки немедленно спустились на палубу. Они велели Дулитлу, не теряя ни секунды, распустить длинный канат и аккуратно расплести его на тоненькие ниточки. Концы ниток привязали к корабельному носу, получились длинные удобные петли, и птицы, ухватившись за них своими крошечными цепкими лапками и изо всех сил замахав крыльями, потащили судно вперед.

Конечно, ласточка — малое и слабое существо. Но в корабль впряглась не одна ласточка. Тысячи ниток тянулись от его носа, и по две тысячи птиц на каждой нитке упорно тянули за собой судно. А летуны они были невероятно проворные.

Уже через минуту Доктор почувствовал, как увеличилась скорость; он вцепился в шляпу обеими руками, казалось, корабль несется сам по себе, рассекая волны, бурлящие и кипящие от бешеной гонки.

Звери засмеялись и заплясали по палубе. Ветер пронзительно ревел в ушах. Страшный пиратский корабль начал уменьшаться.

Красные паруса остались далеко, далеко позади.

ГЛАВА 14

КРЫСИНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

НЕЛЕГКО волочить по морю корабль. Прошло два или три часа, и ласточки начали задыхаться, у них устали крылья. Они сообщили Доктору, что нуждаются в отдыхе и смогут дотянуть судно только до ближайшего острова, а там его придется спрятать в укромной бухте и дать им возможность набраться сил.

Скоро этот остров показался впереди. В самой середине его возвышалась чудесная зеленая гора.

Они зашли в безопасную закрытую бухту. Глядя с моря, невозможно было догадаться, что на острове кто-то есть. Доктор решил спуститься на берег и поискать воды, потому что на борту питья уже никакого не осталось. Всем остальным он тоже посоветовал добраться до твердой земли и повозиться на травке, разминая ноги. Звери с восторгом согласились и наперегонки бросились к сходням.

И тут Доктор обратил внимание на странное явление. Несметные множества крыс, выползая из трюма, покидали корабль.

Джип тут же затеял охоту, он просто обожал ловить крыс, но Доктор строго приказал ему перестать. Большая черная крыса явно хотела о чем-то поговорить с Джоном Дулитлом. Следя за Джипом краем глаза, она робко кралась по поручням. Почистив усики, откашлявшись и нервно облизнувшись, она наконец осмелилась:

— Э-э-хм-м-м... вы, надеюсь, знаете, что на всех кораблях обитают крысы?

— Ну да, — ответил Доктор.

— А вы слышали, что крысы всегда уходят с тонущего корабля?

— Д-да, — растерялся Доктор, — мне говорили.

— Люди презирают нас за это, — продолжала крыса, — считают, что мы подлые, что бесчестно так поступать. Неправда это. Ну скажите, разумно ли оставаться на тонущем корабле, если можешь спастись?

— Это очень естественно, — согласился Доктор, — очень. Я понимаю. А ты — ты еще что-то собиралась сказать?

— Да, — кивнула крыса. — Я хочу сказать, что мы покидаем этот корабль. Но прежде, чем уйти, мы решили предупредить вас. Это плохое судно, ненадежное. Борта у него непрочные, доски совсем сгнили. К вечеру оно будет на морском дне.

— Но откуда ты знаешь? — изумился Доктор.

— А мы всегда знаем, — объяснила крыса. — Начинает покалывать кончик хвоста, ну, вроде как нога затекла, понимаете? Сегодня утром, в шесть часов, я завтракала и вдруг ощутила это. Сначала-то я подумала: опять ревматизм разыгрался, — и спросила тетю, как она себя чувствует. Вы должны ее помнить, она такая длинная, пестрая, довольно худая, прошлой весной лечилась у вас от желтухи — ну да ладно, в общем, она призналась, что у нее тоже пощипывает в хвосте. И мы поняли, что этот корабль обречен. И решили удирать, как только подойдем к суше. Ну и паршивый у вас корабль, Доктор! Не плавайте на нем, непременно утонете. Прощайте! Мы отправляемся искать удобное жилище на незнакомом острове.

— Прощай! — Дулитл помахал ей рукой. — Огромное спасибо, что предупредила. Очень тактичный поступок, очень деликатный. И кланяйся от меня тете,

конечно же, я прекрасно ее помню. Джип, оставь крысу в покое! Ко мне! Лежать!

Пока ласточки отдыхали, Доктор и звери сошли на берег, захватив с собой ведра и кастрюли для питьевой воды.

— Интересно, как называется этот остров? — полюбопытствовал Дулитл, карабкаясь по склону горы. — Выглядит славно. И сколько птиц!

— Да это Канарские острова, — небрежно бросила Даб-Даб. — Вы что, не узнаете пение канареек?

Доктор остановился и прислушался.

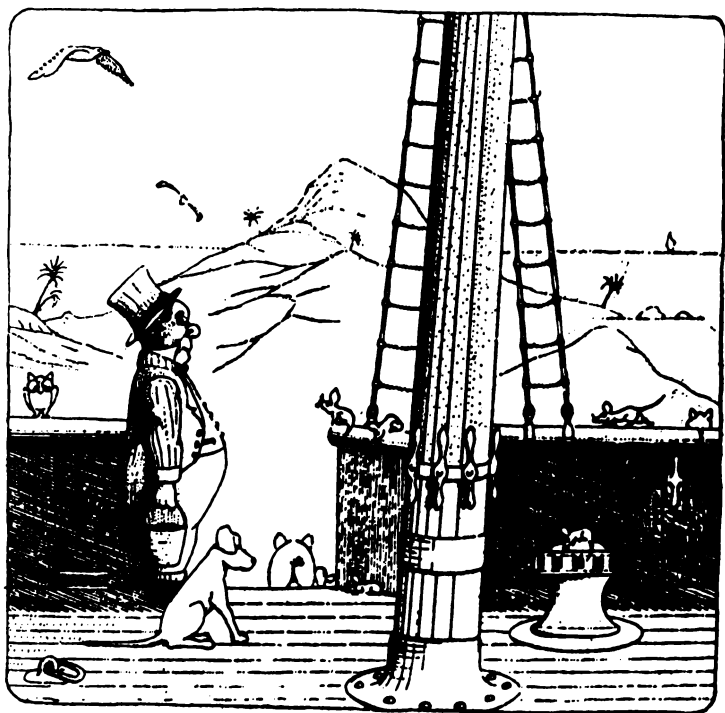
— Надо же! — закричал он. — Стыд-то какой! Конечно, это канарейки. Наверное, они могли бы объяснить, где у них вода.

Канарейки, знавшие о Джоне Дулитле от перелетных птиц, с радостью отвели его к своей купальне — чистому, холодному роднику, а потом показали ему дивные луга, поросшие вкусными птичьими травами, и прочие достопримечательности острова.

Тяни-толкай был очень доволен, что снова попал на землю: зеленая трава нравилась ему куда больше сушеных яблок, которыми он питался на корабле. А Габ-Габ визжал в упоении, обнаружив заросли дикого сахарного тростника.

Немного спустя, когда, напившись и наевшись до отвала, все лежали животами кверху и наслаждались трелями канареек, примчались две ласточки, очень взволнованные и возбужденные.

— Доктор! — защелбтали они. — Пираты в бухте, на вашем корабле. Они все в трюме, ищут, чем поживиться, а их корабль стоит совершенно пустой. Если вы поторопитесь, успеете попасть туда, а он здорово быстро плавает, наверняка спасетесь. Только быстрее, быстрее!

— Вы, надеюсь, знаете, что на всех кораблях
обитают крысы?

— Неплохая мысль, — потер руки Доктор. — Замечательно!

Он собрал своих друзей, простился с канарейками и бегом побежал к берегу.

В бухте действительно стоял корабль с тремя красными парусами, и ни одного человека не было на его борту. Ласточки не ошиблись, пираты грабили докторский трюм.

Джон Дулитл приказал всем двигаться бесшумно, и они, крадучись, проникли на пиратское судно.

ГЛАВА 15

БАРБАРИЙСКИЙ ДРАКОН

КОНЕЧНО, все обошлось бы благополучно, не простудись поросенок на острове, объевшись мокрым сахарным тростником.

Беззвучно вытянули якорь, и корабль уже потихоньку двинулся прочь из бухты, когда Габ-Габ оглушительно чихнул. И пираты с соседнего судна, толкаясь, ринулись на палубу: незнакомый шум показался им подозрительным. Увидев, что Доктор ускользает, они поставили корабль поперек выхода из бухты, перекрыв единственный путь к спасению.

Вождь этих нехороших людей, называвший себя Бен Али-Дракон, погрозил Доктору кулаком и заорал:

— Хо-хо! Вот ты и попался, дружок! Задумал улепетнуть на моей посудине? Ты никудышный моряк и тебе не обхитрить Бена Али, Барбарийского Дракона. Твоя птичка мне по вкусу, да и поросенок тоже. Сегодня на ужин мы сварганим свиные котлеты и жаркое из утки. А ты, прежде чем я отпущу тебя восвояси, потребуешь у друзей сундук золота!

Бедный Габ-Габ захлюпал носом, а Даб-Даб решила спасти свою жизнь и приготовилась к отлету. Но тут филин Гу-Гу шепнул Джону Дулитлу:

— Заговорите его, Доктор, заболтайте. И ни в коем случае не сердите его. Наше старое суденышко вот-вот потонет, помните, крысы сказали, что оно окажется на дне еще до захода солнца, а ведь крысы никогда не ошибаются. Будьте очень вежливым, пока они не начнут опускаться под воду. Отвлекайте его. Постарайтесь.

— Как-как? Прежде, чем зайдет солнце? — переспросил Доктор. — Все, что в моих силах — пожалуйста. Только вот о чем с ним болтать?

— Пусть они подойдут поближе! — яростно рычал Джип. — Мы одолеем этих грязных мерзавцев! Пусть только подойдут. Укусить настоящего пирата! Да соседская колли просто умерла бы от зависти. Пусть подойдут! Мы им покажем!

— Но, Джип, у них пистолеты и сабли, — урезонил его Доктор. — Ничего не получится. Видно, придется мне попробовать. Послушай, Бен-Али...

Дулитл даже не успел закончить, а пираты с ликующим хохотом бросились переставлять паруса, чтобы подплыть вплотную. Они подмигивали друг другу и переговаривались:

— Ну, кто первый — ловить жирного поросеночка?

Несчастный Габ-Габ затрясся от ужаса. Тянитолкай подошел к мачте и принялся точить рога для великой битвы. Джип, взвываясь в воздух, яростно лаял и грубо ругался на собачьем языке.

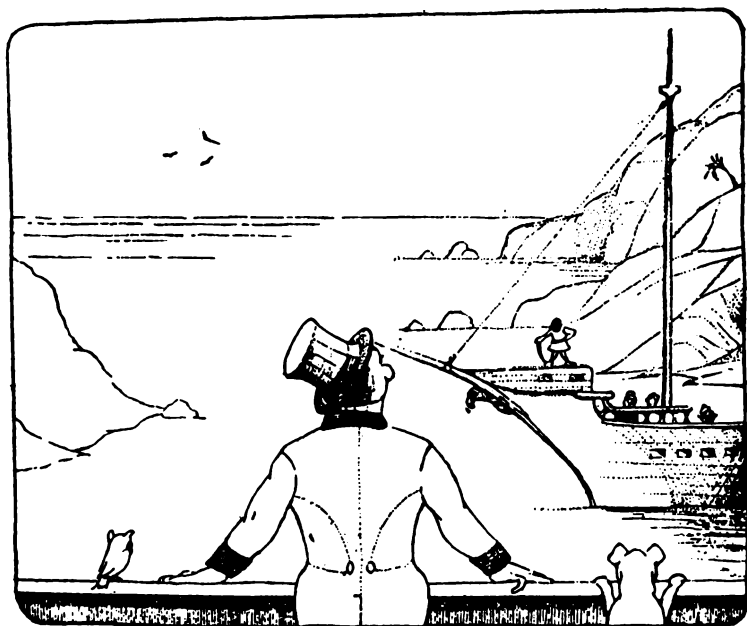
И вдруг у пиратов что-то стряслось. Смех и шутки оборвались, они озадаченно завертели головами, а Бен Али, уставившись куда-то себе под ноги, неожиданно взревел:

— Гром и молния! Ребята, корабль дал течь!

Остальные свесились за борт и тоже увидели, что и в самом деле все глубже и глубже погружаются в воду.

— Но, Бен Али, если бы корыто собиралось затонуть, мы бы наверняка заметили убегающих крыс, — предположил один из пиратов.

И Джип крикнул им:

— Послушай, Бен Али...

— Вы, безмозглые тупицы! Там просто не осталось ни одной крысы. Они слиняли два часа назад! Вот вам и «хо-хо», дружочки!

Конечно, пираты не поняли ни слова.

Вскоре их корабль начал опускаться носом вниз, все быстрее и быстрее, словно собирался встать на голову. Пираты карабкались на мачты, тросы, реи, судорожно цепляясь за них, чтобы не соскользнуть.

Рычащее море ворвалось внутрь и с устрашающим бульканьем поглотило судно. Шестеро нехороших людей остались барахтаться в волнах глубокого залива. Некоторые решили добраться до берега, а другие поплыли напрямик к кораблю Доктора. Но Джип так грозно огрызался и лязгал зубами, что никто не решился вскарабкаться на борт.

И вдруг пираты хором завопили, пораженные внезапным страхом:

— Акулы! Все ближе и ближе! Пустите нас к себе, пока мы живы! Они сожрут нас, помогите! Акулы, акулы!

И действительно, бухта прямо-таки кишела большими рыбами, проворно рассекающими воду.

Огромная акула подплыла к кораблю, высунула наружу нос и вежливо спросила:

— Это вы Джон Дулитл, знаменитый звериный доктор?

— Да, — ответил Доктор Дулитл. — Так меня зовут.

— Хорошо, — кивнула акула. — Они отвратительные, эти пираты, особенно Бен Али. Мы с удовольствием съедем их за ваше здоровье. И вас уж никто больше не побеспокоит.

— Спасибо! — воскликнул Доктор. — Как мило с вашей стороны! Но мне кажется, их необязательно

есть. Знаете, что, не подпускайте-ка их к берегу, пока я не скажу, пусть себе плавают, ладно? А Бена Али подгони сюда, я хочу с ним потолковать.

И Бен Али, преследуемый акулой, через секунду уже покачивался у самого борта.

— Слушай, Бен Али, — наклонился к нему Джон Дулитл. — Ты прожил свою жизнь как негодяй. Ты погубил много достойных людей. Эти славные рыбы только что предложили съесть вас всех до единого, чтобы сделать мне приятное. Наверное, только так и можно навсегда очистить окружающие моря... Но вот что. Если ты дашь слово бесприкословно слушаться, я отпущу вас целыми и невредимыми.

— А чего ты за это потребуешь? — поинтересовался Бен Али, косясь на гигантскую акулу, обнюхивающую его ногу.

— Придется тебе никого больше не убивать, — объяснил Доктор, — не топить корабли, прекратить воровство — словом, бросить всю эту пиратскую канитель.

— А что дальше? — встревожился Бен Али. — На что мы будем жить?

— Вы должны высадиться на острове, — продолжал Доктор, — и разводить там птичий корм. Ты слышал о фермерах? Так вот, выращивать семечки для канареек — отличная работа.

Барбарийский Дракон побледнел от бешенства и омерзения.

— Выращивать птичий корм? — застонал он. — Выходит, моряком мне не быть?

— Нет, — отрезал Джон Дулитл. — Ты уже походил в моряках. Сколько надежных, крепких судов ты отправил на дно, сколько уничтожил людей! Хватит. Остаток своих дней ты проведешь

фермером, в мире и спокойствии. Акула ждет, Бен Али, и время ее на вес золота. Решайся.

— Гром и молния! — проворчал пират. — Птичий корм!

Он снова взглянул на воду. Рыба принюхивалась уже к другой ноге.

— Ладно, — печально согласился он, — станем фермерами.

— И запомни! — Доктор погрозил ему пальцем. — Если не сдержишь слово, опять примешься за разбой и грабежи, — я непременно узнаю об этом. Канарейки сообщат. И уж будь уверен — я тебя накажу. Хотя я и не очень искусный моряк, зато все птицы, и звери, и рыбы — мои друзья, и мне не страшен никакой пиратский главарь. Пусть он даже и зовется Барбарийским Драконом. Теперь убирайся. Займитесь хозяйством и живите в мире.

Джон Дулитл обернулся к большой акуле, махнул рукой и сказал:

— Все в порядке. Пусть плывут к берегу.

ГУ-ГУ ПРИСЛУШИВАЕТСЯ

ЕЩЕ раз поблагодарив акул за их доброту, Доктор со своими друзьями продолжил путешествие на быстроходном корабле под тремя красными парусами. Когда они вышли в открытое море, звери спустились вниз — изучать судно изнутри. Доктор остался на палубе: прислонившись к кормовым поручням, он попыхивал трубкой и смотрел на Канарские острова, исчезающие в синих вечерних сумерках. Он пытался представить, что поделявают африканские обезьяны и как встретит его милый сад в Падлби, если, конечно, им суждено свидеться.

Неожиданно из люка пробкой выскочила сияющая Даб-Даб. Ее прямо-таки распирали новости.

— Доктор! — завопила она. — Пиратский корабль совершенно потрясающий! Там внизу кровати застелены таким желтым, бледно-желтым шелком, и сотни разных подушек и подушечек, на полу толстые, мохнатые ковры, тарелки серебряные, а еда просто невероятная, питье тоже. Я заглянула в кладовую — знаете, это настоящий магазин! Вы в жизни такого не пробовали, представляете, у них пять сортов сардин — что за люди? Пойдем поглядим. А еще мы нашли комнатку, запертую, и нам зверски хочется туда проникнуть. Джип говорит, там пираты прячут свои сокровища. Но мы никак не можем ее отпереть. Пойдем скорее, может, у вас получится!

Доктор последовал за ней. Корабль был, действительно, замечательный. А все звери, нетерпеливо и возбужденно галдя, сгрудились возле маленькой

дверцы. Доктор покрутил ручку, но дверь не открылась. Принялись искать ключ. Посмотрели под половичком, потом перевернули все ковры, заглянули в буфеты, проверили ящики, полки и большие сундуки в корабельной столовой, обнюхали каждый уголок. И обнаружили еще целую кучу новых чудесных предметов, наверняка украденных пиратами с чужих судов. Кашмирские шали, расшитые золотыми цветами, прозрачные, как паутины сети; коробки дивного ямайского табака; резные шкатулочки из слоновой кости, наполненные русским чаем; старинная скрипка с порванной струной и картинкой на нижней деке; огромные, выточенные из кораллов и янтаря шахматные фигуры; трость, в которой хитро прятался кинжал и выскакивал, стоило лишь потянуть за ручку; шесть винных бокалов с серебряным ободком по краям и прелестная большая перламутровая сахарница. Обыскали весь корабль, но подходящего ключа так и не нашли.

Они вернулись к дверце, и Джип заглянул в замочную скважину. Ее что-то загораживало с той стороны, и он ничего не разглядел. Беспомощно столпившись у порога, они соображали, что делать дальше, и вдруг филин Гу-Гу прижал палец к губам:

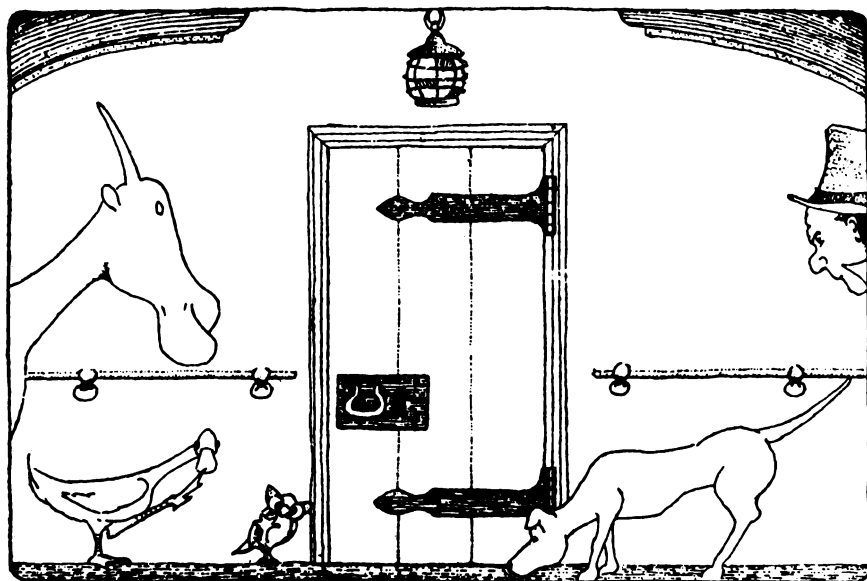
— Т-с-с! Ну-ка, помолчите. У меня такое чувство, что внутри кто-то есть.

Все на мгновение притихли. Потом Доктор сказал:

— Ты, наверное, ошибаешься, Гу-Гу. Я ничего не слышу.

— Да я абсолютно уверен! — возмутился филин. — Тихо! Вот опять. Неужели вы не слышите?

— Нет, — растерялся Доктор. — А что это за звук?

— Т-с-с! Ну-ка помолчите. Внутри кто-то есть.

— Там кто-то засунул руку в карман, — объяснил Гу-Гу.

— Ну, это вряд ли можно назвать звуком, — пожал плечами Доктор. — Во всяком случае, откуда услышать его невозможно.

— Давайте не будем спорить, — попросил филин. — За свои уши я ручаюсь. И повторяю еще раз: с той стороны кто-то что-то засунул в карман. Видите ли, шум бывает практически от всего — если, конечно, у тебя слух достаточно острый. Летучие мыши распознают крота, шагающего по подземному туннелю, и считают, что они хорошие слухачи. Нам, филинам и совам, достаточно послушать, как котенок моргает в темноте, чтобы определить его цвет. При этом второе ухо можно даже заткнуть.

— С ума сойти, — смущенно пробормотал Доктор, — извини, что не поверил сразу. Пожалуйста, послушай еще. Что он делает теперь?

— А я вовсе не уверен, что это мужчина! — сообщил Гу-Гу. — Может, это и женщина. Поднимите-ка меня к замочной скважине, тогда я буду знать точно.

Доктор поднес филина к самому замку и держал там, пока он не прошептал:

— Вот он потер лицо левой рукой. Маленькая рука и маленькое лицо. Возможно, это женщина. Нет! Отбросил со лба волосы. Никаких сомнений, там существо мужского пола!

— Но женщины тоже так делают, — заметил Доктор.

— Правда, — согласился Гу-Гу, — но не забудьте, у них длинные волосы — и звук другой. Тише! Да уговорите как-нибудь этого поросенка! И на минутку задержите дыхание. Я буду слушать изо всех сил. Дурацкая дверь страшно толстая, но я попробую.

Т-с-с... Замрите, закройте глаза и не дышите.

Гу-Гу прижал ухо к скважине и словно оцепенел. Наконец, он посмотрел прямо в глаза Джону Дулитлу и спокойно сказал:

— Человек за дверью очень несчастен. Он плачет. Стараются не всхлипывать, не шмыгать носом — потому вам и невдомек. Но я совершенно отчетливо слышу слезу, упавшую на его рукав.

— А откуда ты знаешь, что это именно слеза? Может, просто с потолка капает, — предположил Габ-Габ.

— Какое невежество! — фыркнул филин. — Капля воды, шлепнувшись с потолка, произвела бы раз в десять больше шума.

— Ну что ж, — развел руками Джон Дулитл, — если человек несчастен, надо поскорее попасть внутрь и выяснить, что же с ним стряслось. Поищите-ка топор, придется рубить эту дверь.

ГЛАВА 17

ОКЕАНСКИЕ СПЛЕТНИКИ

ТОПОР нашелся незамедлительно. И скоро Доктору удалось прорубить в двери дыру, достаточно большую, чтобы протиснуться внутрь.

Оказалось, что там очень темно и совсем ничего не видно. Доктор зажег спичку. Комната была крошечная, с низким потолком, без единого окошка. Из мебели стояла одна табуретка, да вдоль стен громоздились здоровые бочки, крепко приделанные к полу, чтоб их не расшвыривало во время шторма. На деревянных крючках покачивались кружки всевозможных размеров. Комнату наполнял густой винный дух. А в середине, на полу, сидел мальчик лет восьми и горько плакал.

— Бьюсь об заклад, это пиратский склад спиртного! — воскликнул Джип.

— Да-а, спиртнее некуда, — пожаловался Габ-Габ. — У меня уже голова кружится.

Обнаружив прямо перед собой незнакомого человека и целую кучу животных, с любопытством изучающих его сквозь дверной пролом, мальчик поначалу испугался. Но стоило ему только рассмотреть повнимательнее освещенное спичкой лицо Джона Дулитла, как он перестал рыдать и вскочил на ноги.

— Вы не пират, правда? — робко спросил он.

Доктор запрокинул голову и громко, звонко расхохотался. Мальчик тоже улыбнулся и, подойдя, дотронулся до его рукава.

— Вы смеетесь как друг, — решил он. — Совсем непохоже на пирата. Не знаете случайно, где мой дядя?

— Боюсь, что нет, — огорчился Дулитл. — А когда вы виделись в последний раз?

— Позавчера, — вздохнул мальчик. — Мы рыбачили с лодки, и тут появились пираты и схватили нас. Они потопили нашу лодчонку, а нас с дядей притащили сюда, хотели, чтоб он тоже стал пиратом — еще бы! Ведь никто не умел управляться с кораблями ловчее моего дяди — в любую погоду, при любом ветре! Он отказался наотрез, сказал, что убивать да грабить не годится честному рыбаку. Тогда их начальник, его зовут Бен Али, прямо взбеленился, зубами скрипел от злости и грозился утопить дядю в море, если он не пойдет в пираты. Меня отвели вниз, и я слышал только, что на палубе шумели и дрались. А на следующий день мне разрешили подняться и выйти на воздух, я искал дядю повсюду, но его не было. Пиратов я тоже спрашивал, но они вообще ничего не ответили. Боюсь, они утопили его!

И мальчик снова заплакал.

— Ну-ну-ну, подожди-ка реветь! — замахал руками Доктор. — Пойдем лучше в столовую, попьем чайку, да все и обговорим. Может быть, твой дядя цел и невредим, ты ведь не знаешь наверняка, что он утонул, правда? А это уже кое-что. Мы постараемся найти его, мы поможем тебе, честное слово. Сейчас главное — чай с клубничным джемом. А вот потом будем решать, что делать.

Звери толпились вокруг и с интересом прислушивались.

Когда все расселись в корабельной столовой и налили себе по чашечке чая, Даб-Даб незаметно подкралась к Доктору сзади и шепнула ему на ухо:

— Спросите у дельфинов насчет этого дяди. Они обычно знают такие вещи.

— Неплохая мысль, — отозвался Доктор и намазал джемом второй ломтик хлеба.

— Послушайте, а зачем вы шелкаете? — изумился мальчик. — Ужас до чего забавные звуки.

— Просто я произнес пару слов на утином языке, — объяснил Дулитл. — Кстати, познакомься — это Даб-Даб, моя любимица.

— А я и не подозревал, что у уток есть свой язык! — восхищенно воскликнул мальчик. — А все остальные зверюшки — они тоже ваши любимцы, да? А это кто такой смешнющий, с двумя головами?

— Т-с-с! — предостерегающе зашипел Доктор. — Это тьяни-толкай. Не смотри, а то он почувствует, что мы его обсуждаем и засмущается чрезвычайно стеснительный. Расскажи лучше, как ты попал в ту комнатушку.

— Да пираты меня заперли, — ответил мальчик, — а сами ушли грабить другой корабль. Знаете, когда стали рубить дверь, я понятия не имел, кто ко мне ломится. Вот здорово, что это оказались вы! Как думаете, моего дядю можно найти?

— Ну, во всяком случае, мы очень постараемся, — пообещал Доктор. — А как он выглядел, твой дядя?

— У него были рыжие волосы. Ужасно рыжие. И на руке татуировка, такая картинка с якорем. Он был очень сильный и добрый, и самый лучший моряк во всей Южной Атлантике. Его лодка называлась «Веселая Салли». Шлюп с оснасткой катера.

— Что такое «любосладкатера»? — обернувшись к Джипу, вполголоса спросил Габ-Габ.

— Тихо ты! — рявкнул Джип. — Это просто корабль. Да не дергайся ты, посиди спокойно!

— О-о, всего-навсего... — разочарованно пробормотал поросенок. — А мне показалось, он имеет в виду какой-то напиток.

Доктор оставил мальчика в столовой играть со зверями, а сам поднялся на палубу и принялся высматривать дельфинов. Вскоре появилась целая стайка; приплясывая и кувыряясь, они держали курс на Бразилию. Заметив перегнувшегося через поручни Доктора, дельфины немедленно подплыли поближе — узнать, как он поживает. И Доктор, как мог, описал рыжеволосого человека с татуировкой на руке.

— Ага! — закивали головами дельфины. — Вы говорите о хозяине «Веселой Салли».

— Именно. Этот самый человек. — Доктор за-нервничал. — Что, он утонул?

— Его рыболовная лодка утонула, — уточнили дельфины. — Мы видели ее лежащей на морском дне. А внутри было пусто — мы специально проверяли.

— Понимаете, какое дело, — продолжал Дулитл, — его маленький племянник сейчас со мной на корабле. И страшно боится, что пираты бросили дядю в море. Пожалуйста, выручите нас, разузнайте, утонул он или нет — чтоб уж не сомневаться.

— Тут и искать нечего! — уверенно замотали носами дельфины. — Если бы он и вправду утонул, нам давно бы дали знать глубоководные десятиногие раки. Мы всегда в курсе самых последних новостей, если, конечно, не брать в расчет пресные воды. Моллюски даже прозвали нас Океанскими Сплетниками. Значит — передайте малышу наши извинения, что не видели его дядю. По крайней мере, мы можем поручиться: в море он не утонул. Так что не переживайте там очень! Все обойдется.

Доктор побежал вниз и пересказал мальчику слова дельфинов. От радости тот захлопал в ладоши, а тяни-толкай усадил его к себе на спину и

повез вокруг обеденного стола. Все остальные торжественно вышагивали следом и изо всех сил колотили ложками о крышки, изображая парад.

ГЛАВА 18

ЗАПАХИ

- **А** вот теперь, когда мы знаем, что твоего дядю не бросили в море, — сказал Джон Дулитл, — его надо найти. Вот, собственно, в чем штука.

И опять Даб-Даб шепнула ему в самое ухо:

— Обратитесь к орлам, пусть они поищут этого человека. Ни у кого в мире нет таких зорких глаз. С высоты в несколько миль они спокойно могут сосчитать муравьев, копошащихся в песке. Я полагаю, к ним имеет смысл обратиться.

И Доктор послал за орлами одну из ласточек. Примерно через час птичка вернулась. А вместе с ней прилетели шесть разных орлов: Черный Орел, Лысый Орел, Орел-Рыбод, Золотой Орел, Гриф и Морской Орлан-Белохвост. И каждый из них был в два раза выше мальчика.

Они сидели в ряд на поручнях корабля, похожие на сутулых солдат, суровые, тихие, неподвижные, и только огромные мерцающие черные глаза метались на застывших лицах, изучая пространство.

Габ-Габ, испугавшись, спрятался за бочку. Ему почудилось, что страшные глаза заглянули к нему прямо в живот, туда, где лежал украденный полдник.

А Доктор так обратился к орлам:

— Потерялся человек, рыбак с рыжими волосами и якорем, вытатуированным на руке. Может быть, вы согласились бы помочь нам? Поверьте, это чрезвычайно важно — вот мальчик, он племянник рыжеволосого рыбака.

Орлы не любят много говорить.

— Ради Джона Дулитла мы готовы на все, — хрипло произнесли они и улетели.

Габ-Габ вылез из-за своей бочки и долго смотрел им вслед. Вверх, вверх, вверх поднимались они, выше, выше и еще выше, и, когда Доктор уже с трудом различал их, — разделились, и в разные стороны — на север, на восток, на юг и на запад — рассыпались по бескрайнему синему небу крохотные черные песчинки.

— Господи Боже мой! — приглушенно ахнул Габ-Габ. — Ну и высота... Этак можно и перышки опалить — вон, солнце-то совсем рядом!

Орлы исчезли надолго. Возвратились они только поздно вечером и доложили Доктору:

— Мы обследовали все моря, все страны, все острова, города и деревни данной половины мира. И потерпели неудачу. На главной улице Гибралтара у дверей пекарни стояла тачка, и в ней лежали рыжие волосы. Но не человеческие. Это были три шубы. Меха. Нигде — ни на воде, ни на земле — не видели мы следов этого человека. А если мы не видели, значит, его увидеть нельзя. Для Джона Дулитла мы сделали все, что в наших силах.

И шесть гигантских птиц развернули крылья, и захлопали эти огромные крылья и унесли их по домам, на скалы и утесы.

— Понятно, — сказала Даб-Даб, когда орлы скрылись из виду. — А дальше-то что? Дядю необходимо найти — это ясно, как Божий день. Парнишка еще слишком мал, чтоб мотаться по свету в одиночку. Мальчишки это вам не утята, за ними глаз да глаз нужен, пока не вырастут. Хоть бы Чи-Чи была здесь! Она бы в момент нашла этого рыбака. Славная, чудесная Чи-Чи! Как-то она поживает в своей Африке?

— Вот если бы Полинезия была здесь! — мечтательно пропищала белая мышь. — Она бы уж точно что-нибудь придумала. Вы только вспомните, как ловко она спасла нас из тюрьмы, особенно во второй раз! Ой-ой-ой, вот она была голова!

— Я об этих ребятах — орлах — не высокого мнения, — перебил ее Джип. — Они просто самодовольные болваны. Может, у них и впрямь хорошее зрение и все такое, но это еще не повод хамить. С ума сойти — ну, слабó им найти человека, так нет чтобы постыдиться! Они являются и вешают нам лапшу на уши, мол, это никому не под силу. Спесивые мешки с перьями, один к одному наша колли из Падлби. Тьфу! И старым болтунам — я про дельфинов — тоже нечего доверять. Подумаешь, натрепали, что рыбака нет в море. А нам неинтересно, где его нет, нам интересно, где он есть.

— Ох, замолчи, ради Бога! — взмолился Габ-Габ. — Говорить-то легко, а попробуй разыщи человека в целом огромном мире! Может, рыбак так беспокоился о племяннике, что поседел, вот орлы и не нашли его. Откуда ты знаешь? Болтаешь только попусту, а ничего путного не делаешь. Тебе самому слабó помочь бедному ребенку, вот и помалкивай.

— Мне слабó? — оскалился Джип. — Да что ты понимаешь, идиотская ветчина на ножках! Я еще и не начинал, ясно?

И Джип пошел к Доктору.

— Выясните у мальчика, — велел он, — не осталось ли у него в карманах чего-нибудь дядиного, — и добавил: — пожалуйста.

Мальчик показал им золотое кольцо на ниточке, которое он носил на шее, потому что с пальца оно сваливалось. Кольцо дядя передал ему, когда заметил, что приближаются пираты.

Джип понюхал и поморщился:

— Бесполезно. Может, еще что найдется?

Мальчик порылся в карманах и вытащил большой красный носовой платок.

— Это тоже дядин, — грустно сказал он.

И в то же мгновение Джип, подпрыгнув, завопил:

— Нюхательный табак, черт подери! «Черный Рэппи», да неужели вы не чувствуете? Его дядя нюхал табак — переведите ему, Доктор!

Дулита перевел, и мальчик удивленно кивнул:

— Да. Дядя ужасно любил табак.

— Отлично! — обрадовался Джип. — Считайте, что рыбак нашелся. До смешного легко, все равно как у котенка молоко стащить. Скажите ему, что своего дядю он получит через неделю, может, даже раньше. И пошли наверх, посмотрим, откуда дует ветер.

— Но сейчас темно, — растерялся Доктор. — Ты же не разглядишь его в темноте.

— На кой черт мне свет, если человек, которого я ищу, пахнет табаком «Черный Рэппи»? — засмеялся Джип, взбираясь по ступенькам. — Понятно, бывают трудные запахи — веревка там или горячая вода, — тогда другое дело. Но нюхательный табак!

— А что, горячая вода пахнет? — осторожно поинтересовался Доктор.

— Еще бы! — фыркнул Джип. — И, кстати, здорово отличается от холодной. А взять теплую воду или лед — тут надо поломать нос как следует, это всем запахам запахи. Помню, как-то ночью я шел за одним парнем — миль десять, не меньше — по запаху горячей воды, с которой он обычно брился. У бедолаги не было мыла. Вот так-то. Ну ладно, где тут ветер? Это чертовски важно, когда нюхаешь на большом расстоянии, — чтоб не очень

свирепый и, главное, в нужную сторону. Славный, ровный, влажный ветерок — мечта всякой собаки. Ага, дует с севера.

Джип направился на нос корабля, замер там, нюхая ветер, и вдруг забормотал:

— Деготь, испанский лук, керосин, мокрые плащи, толченый лавровый лист, жженная резина, тюлевые занавески в тазу — нет, ошибочка: тюлевые занавески, повешенные для просушки, — и лисы, сотни, сотни — лисята...

— И ты слышишь все это в одном ветре? — прервал его потрясенный Доктор.

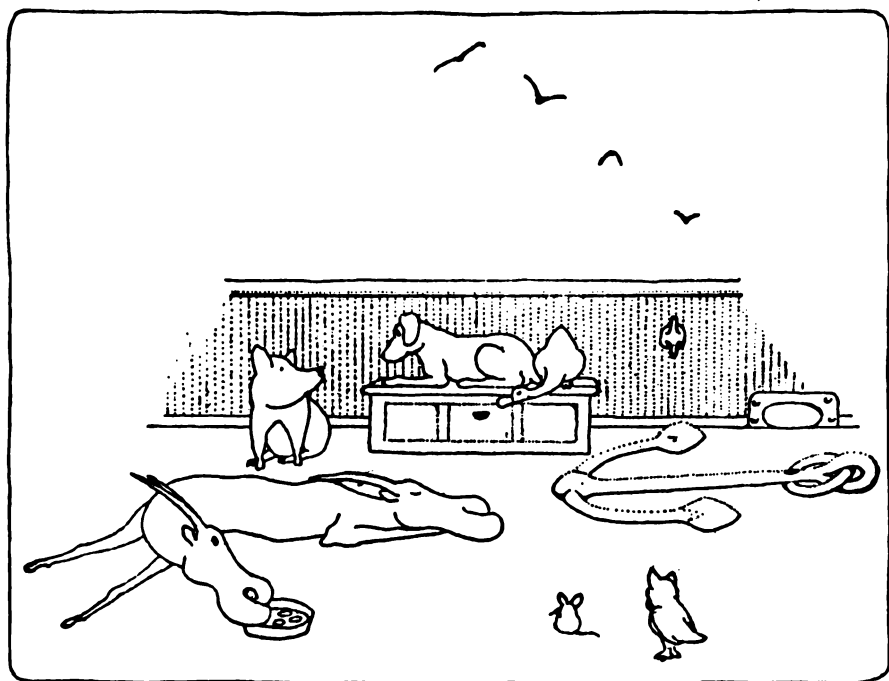
— Естественно, — кивнул Джип. — Да это сильные запахи, простые — дребедень. Такой запах разберет любая дворняжка, даже простуженная, с соплями. Потерпите минутку, сейчас пойдут тонкие, нежные запахи, придется поработать.

Он закрыл глаза, слегка приоткрыл рот и, высоко задрав морду, принялся внюхиваться. Он долго молчал, не шевелясь и, казалось, даже не дыша, и в темноте походил на камень. Наконец зазвучал его голос. Джип почти пел, тихо, печально, сонно.

— Кирпичи, — шептал он, — старые желтые кирпичи садовой стены, раскрошившиеся от старости; сладкое дыхание телят, стоящих в горном ручье; плоская крыша голубятни — а может быть, амбара, освещенная полуденным солнцем; черные лайковые перчатки в комоде орехового дерева; пыльная дорога, под платанами поилки для лошадей; молодые грибы, пробивающиеся сквозь прелую листву — и-и-и...

— Как насчет пастернака? — полюбопытствовал Габ-Габ.

— Нет, — отрезал Джип. — Тебе бы только поесть. Никакого пастернака. И никакого нюха-

— Мне слабо? — осканился Джип.

тельного табака. Пожалуйста вам — куча трубок, сигарет, даже сигары — ненужный хлам. Все никуда не годится. Будем ждать, пока ветер не переменится на южный.

— Ах, это ветер виноват! — закатил глаза поросенок. — Мне кажется, ты притворяешься, Джип. Невозможно посреди океана учуять человека. Я же говорил, ничего не выйдет.

— Послушай, ты, нахал! — разъярился Джип. — Не воображай, что если Доктор тебя защищает, то все позволено. Сейчас я отгрызу твою мерзкую хрюкалку!

— Ну-ну, не надо сердиться, — урезонил их Дулитл. — Жизнь так коротка... Скажи-ка, Джип, откуда пришли эти запахи?

— В основном, из Девона и Уэльса, — отозвался Джип. — Ветер-то оттуда.

— Ну да, ну да, — закивал Доктор, — знаешь, это просто потрясающе. Надо записать, выйдет отличная тема для новой книги. Скажи, ты не против обучить меня этак управляться с запахами? Хотя нет. Лучше не рисковать: как говорится, «от добра добра не ищут». Вот что — пойдемте ужинать. Я, например, очень даже проголодался.

— И я! — воскликнул Габ-Габ.

ГЛАВА 19

СКАЛА

РАНО утром они вылезли из своих шелковых постелей и увидели, что над кораблем ярко сияет солнце, а ветер дует с юга. Добрых полчаса нюхал Джип этот южный ветер, а потом затряс головой и раздраженно проворчал:

— Пока ничего нового. Подождем восточного ветра.

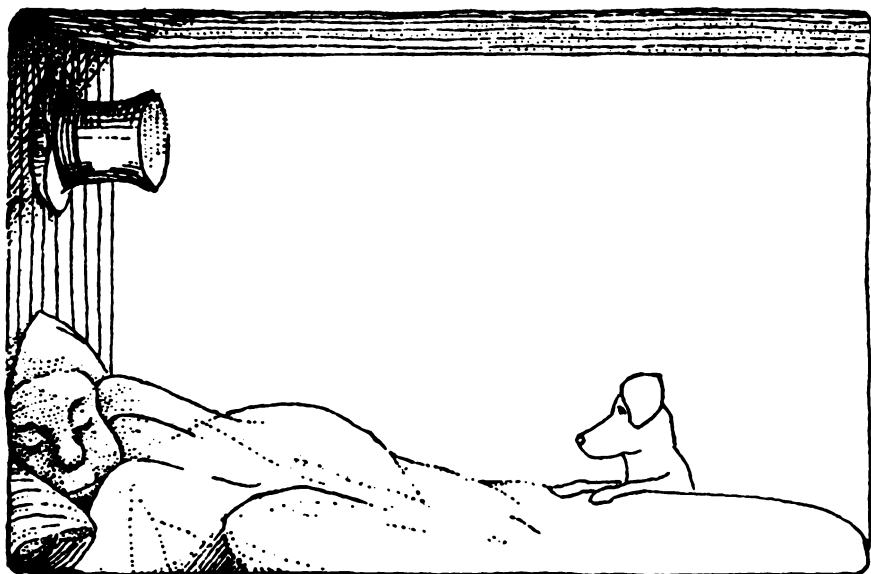
В три часа пополудни действительно задуло с востока, но собака так и не смогла поймать нужный запах.

И мальчик потерял надежду. Он снова заплакал и, всхлипывая, разочарованно приговаривал, что никто, никто на свете уже не поможет ему в его страшной беде. Джип ткнул Доктора носом:

— Скажите ему, что когда ветер переменится на западный, я найду его дядю, будь он хоть в Китае, хоть на краю земли. Если, конечно, он не бросил нюхать «Черный Рэппи».

Три долгих дня ждали они западного ветра. Он задул в пятницу, на рассвете. Дождевая пыль легла на море, как плотный густой туман. Ветер был мягкий, теплый и влажный. Проснувшись, Джип взбежал на палубу и задрал голову. Внезапно шерсть у него на спине поднялась дыбом, он круто развернулся и сломя голову помчался вниз.

— Доктор! — закричал Джип, вцепившись зубами в одеяло. — Доктор, вставайте! Представляете, я нашел его. Ветер с запада — сплошной нюхательный табак. Идите наверх и снимайтесь с якоря, да быстрее же!

— Доктор, вставайте! — закричал Джип. — Я
нашел его!

Доктор скатился с кровати и заторопился к штурвалу.

— Я встану впереди, — командовал Джип, — а вы следите за моим носом — куда покажу, туда и поворачивайте. Рыбак где-то тут неподалеку — я точно знаю, уж больно запах крутой. Повезло нам — ветер мокрый, ровный. Следите за мной!

Все утро Джип показывал дорогу, а звери и мальчик, столпившись вокруг, наблюдали за ним широко раскрытыми, изумленными глазами. Около полудня Джип забеспокоился и попросил Даб-Даб передать Доктору, что им нужно поговорить. Утка отправилась на корму и привела Дулитла.

— Рыбак умирает с голоду, — сообщил ему Джип. — Вы должны увеличить скорость.

— Да с чего ты взял, что он голоден? — поднял брови Доктор.

— С запада несет одним табаком, — объяснил Джип. — Если бы он ел что-нибудь или готовил, я бы непременно учуял. У него даже пресной воды нет. Только табак — и чуть ли не по горсти зараз! Ясно, мы все ближе и ближе, потому что запах крепчает. Но вы все-таки заставьте эту посудину плыть побыстрее, потому что человек помирает с голоду. И не спорьте.

— Хорошо, — кивнул Доктор и послал Даб-Даб за ласточками — просить их впрячься в корабль и тянуть, тянуть его вперед, как и в прошлый раз, когда их преследовал Бен Али.

Отважные маленькие птицы сейчас же спустились и снова принялись за нелегкую работу. Судно бешено понеслось по волнам. Оно мчалось так быстро, что морским рыбам, попадавшимся на пути, приходилось отскакивать в сторону, спасаясь от неминуемой гибели.

Животные волновались. Не обращая уже никакого внимания на Джипа, они пристально глядели вдаль, в океан, и глаза их искали берег, остров, любой клочок суши, где мог приютиться страдающий от голода человек. Но проходил час за часом, а земля не показывалась, корабль по-прежнему окружала вода, бескрайняя, бессмысленная вода. Звери замолчали. Они сидели на палубе притихшие, взъерошенные, несчастные. И мальчик опять погрустнел. И даже на лице Джипа появилось выражение тревоги.

Только к вечеру, когда солнце упало почти к самому горизонту, все вздрогнуло от внезапного пронзительного крика Гу-Гу, который сидел, взгромоздившись на верхушку мачты:

— Джип! Джип! Впереди большая-пребольшая скала — смотри туда, где небо сходится с водой! Видишь, от солнца она горит золотом? Что, запах идет оттуда?

— Точно! — откликнулся Джип. — То, что надо. Человек там. Наконец-то.

Подплыв, они рассмотрели скалу получше. Она оказалась огромной, как настоящее поле, но совершенно пустой — ни деревьев, ни травы; огромный камень был гладким и голым, словно спина черепахи. Доктор отправил корабль огибать эту скалу. Звери шурились, всматриваясь изо всех сил. Дулитл принес из каюты подзорную трубу. Но нигде не увидели они человека. Не было там ни чайки, ни морской звезды, ни комочка водорослей.

Затаив дыхание, стояли они и слушали, насторожив чуткие уши. Но только волны плескались внизу, весело разбиваясь о борт корабля. Они принялись звать.

— Эгей! Эй! Э-ГЕ-ГЕЙ! — кричали они, пока не охрипли. И только эхом отвечала им каменная скала.

По щекам мальчика покатались слезы.

— Наверно, я никогда, никогда больше не увижу дядю. Что я скажу дома, Господи Боже мой! — зашептал он.

Джип потянул Доктора за брюки.

— Но рыбак должен быть здесь, должен! — настаивал он. — Запах кончается здесь, понимаете? Никакой ошибки быть не может. Давайте подплывем, мне надо попасть туда.

Корабль подошел почти к самой скале. Бросили якорь. Джип и Дулитл выбрались на каменный берег. Джип, низко опустив голову и припав носом к земле, бросился нюхать. Он носился взад-вперед, кружил, петлял, вертелся, подпрыгивал, и, чуть не наступая ему на пятки, неотступно следовал за ним Доктор, пока совсем не выбился из сил.

Наконец Джип оглушительно залаял и уселся на холодный камень. Доктор подбежал, тяжело дыша, и глазам своим не поверил: посреди скалы зияла черная, глубокая дыра.

— Рыбак там, внизу, — спокойно сообщил Джип. — И нечего удивляться, что эти глупые орлы не смогли его найти. В таком деле требуется собака.

Доктор заглянул в дыру. Она была похожа на узкую пещеру и вела куда-то вглубь. Доктор зажег спичку и полез по длинному извилистому тоннелю. Джип шел сзади. Скоро спичка погасла. Пришлось зажечь новую, потом еще и еще одну. Тоннель внезапно кончился, и Доктор очутился в крошечной каменной камерке. На полу, положив голову на руки, лежал человек с огненно-рыжими волосами и крепко спал.

Джип, подкравшись к нему, понюхал что-то, валяющееся радом. Дулитл наклонился и подобрал гигантскую табакерку, набитую «Черным Рэппи»!

ГЛАВА 20

РЫБАЦКИЙ ГОРОДОК

ОСТОРОЖНО, очень осторожно Доктор разбудил спящего. И тут снова погасла спичка. В наступившей темноте, да еще спросонья, рыбак принял Дулитла за грозного Бена Али и принялся неистово молотить кулаками. Доктор поспешно представился и добавил, что на их корабле маленький мальчик, спасенный от пиратов, ждет своего дядю.

Рыбак и обрадовался, и застыдился, и долго извинялся, что зря поколотил хорошего человека. Правда, Доктору не было очень уж больно — ведь в такой темнотище трудно врезать как следует. Смущенный рыбак угостил Дулитла понюшкой табаку и рассказал свою историю с самого начала: как Барбарийский Дракон привез его на эту скалу и бросил одного — за отказ стать пиратом... — и как он привык спать в пещере: на проклятой каменной штуковине не нашлось другого места, чтоб согреться. Он помолчал, помолчал и грустно признался:

— Четыре дня не ел, не пил, табачком перебивался.

— Слышите? — торжествующе воскликнул Джип. — А я что говорил?

И вот, зажигая спичку за спичкой, они пустились в обратный путь.

— Скорей, — торопил рыбака Дулитл. — Скорей на корабль. Мы сварили вкуснейший суп.

Разглядев, что Доктор и Джип возвращаются вместе с рыжеволосым человеком, мальчик и звери завопили от счастья и запрыгали по палубе в

радостном танце. А ласточки в вышине, тысячи, миллионы ласточек засвистели во весь голос, ужасно довольные, что храбрый рыбак наконец отыскался. Они подняли такой шум, что моряки в окрестных и дальних водах приняли его за приближающийся шторм.

— Черт... Вон как завывает на востоке, — ворчали они.

Джип очень гордился собой, хотя и старался скрыть это от посторонних глаз. Когда Даб-Даб подошла к нему выразить свое восхищение и нежно сказала: «Джип, а я и не догадывалась, что ты такой умный», — он только тряхнул головой и пренебрежительно бросил:

— А, ерунда. Если надо найти человека, требуется собака, вот и вся хитрость. Птицы тут не годятся.

Доктор узнал у рыжеволосого рыбака, где он живет, и попросил ласточек помочь туда добраться. Подплыв к берегу, они увидели городок, разбросанный у подножия высокой скалистой горы, и рыбак показал им родной домишко. Бросили якорь. А к причалу уже бежала женщина, сестра рыбака и мать мальчика — и смеялась, и плакала, и опять смеялась. Двадцать долгих дней просидела она на холме, не отрывая глаз от безжалостного моря, и все ждала, и надеялась, что ее любимые вернутся домой. Она налетела на Доктора и поцеловала его множество раз, а он захихикал и покраснел, как школьница. Она хотела целовать Джипа, но он ловко увернулся и, удрав, спрятался на корабле.

— Еще чего, целоваться! — ругался он. — Ненавижу это. Если ей приспичило, пускай целует Габ-Габа!

Рыбак и его сестра ни за что не хотели отпускать Доктора. Они умоляли его отложить отъезд хоть на

Она поцеловала Доктора множество раз.

несколько дней. Пришлось остаться в славном приморском городке на субботу, на все воскресенье и на полпонедельника.

Местные мальчишки собирались у причала и, тыча пальцами в огромное судно, шептались:

— Глядите! Это пиратский корабль. Его хозяином был Бен Али, самый страшный пират семи морей. А пожилой джентльмен в высоком цилиндре, что остановился у миссис Тревелъен, отобрал его корабль, а самого заставил работать фермером. А ведь сразу никак не скажешь, он с виду покладистый и добрый и все такое, правда?... Вон какие красные парусищи! Злобный, гадкий корабль. Б-р-р...

За два с половиной дня, что провел Джон Дулитл в маленьком рыбацком городишке, у него не выдалось ни одной свободной минутки: жители наперебой приглашали завтракать, обедать, пить чай, да и просто на вечеринки, дамы присылали букеты цветов и коробки с леденцами, а городской оркестр каждую ночь играл под окошком, не умолкая до самого рассвета.

Наконец Доктор заявил:

— Милые мои, мне пора. Вы были очень добры ко мне, и я запомню это навсегда. Но, к сожалению, нам надо ехать — дела, дела, ничего не поделаешь.

И вот, когда Доктор уже собрался в дорогу, на улице показался Мэр города, окруженный людьми в парадных костюмах. Мэр остановился напротив дома, где жил Дулитл. Конечно, весь город немедленно сбежался посмотреть, что происходит.

Шестеро мальчиков протрубили в сверкающие трубы, и наступила тишина. Доктор вышел на крыльцо.

— Доктор Джон Дулитл! — заговорил Мэр. — Я бесконечно счастлив, что мне выпала честь преподнести вам от имени благодарных жителей нашего достойного города маленький подарок, памятный знак освободителю морей от Барбарийского Дракона. — Он вынул из кармана бумажный пакетик и, развернув его, протянул Доктору замечательные часы с настоящими бриллиантами на крышке. Из другого кармана он вытащил сверток побольше и спросил: — Где собака?

Стали искать. Наконец Даб-Даб обнаружила Джипа на другом конце города, во дворе конюшни, посреди скопища местных псов, затаивших дыхание от преклонения и почтения. Джип неохотно последовал за уткой. Завидев их, Мэр развязал сверток. Бумага упала на землю. Он держал в руках ошейник из чистого золота. Все ахнули от изумления. А Мэр, нагнувшись, застегнул ошейник на мохнатой шее. Крупными буквами на нем было написано: «Джипу — самой умной на свете собаке».

Жители города толпой двинулись к берегу — провожать Доктора и его зверей. Рыжеволосый рыбак, его сестра и племянник без умолку благодарили Доктора и Джипа и никак не могли остановиться.

Наконец большой быстроходный корабль взял курс на Падлби и вышел в море, а городской оркестр на берегу все продолжал играть.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ

СНОВА ДОМА

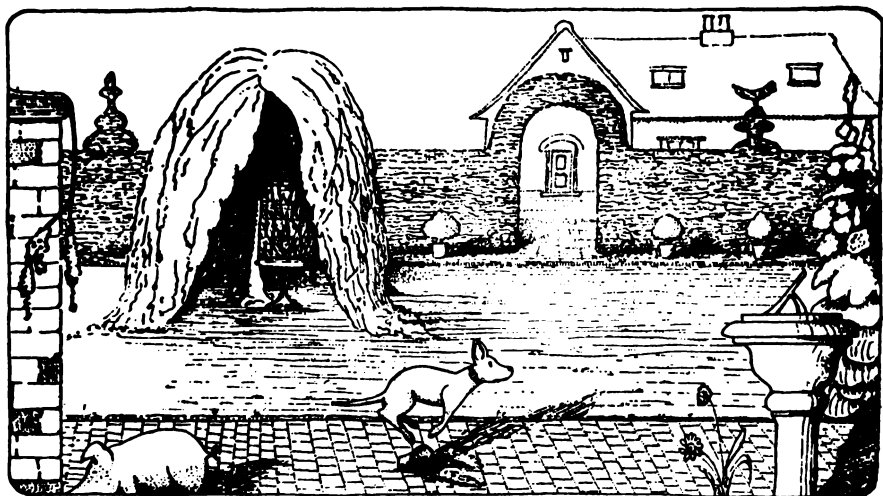
МАРТОВСКИЕ ветра задули и стихли, кончились апрельские ливни, майские почки лопнули и превратились в цветы. Уже июньское солнце ласково пригревало поля, когда Джон Дулитл возвратился на родину. Он не сразу поехал в Паддби. Одолжив у цыган фургончик, Доктор принялся колесить по стране, останавливаясь на сельских ярмарках. Здесь кувыркались акробаты, там — веселили народ Панч и Джуди, а Доктор прибывал на фургончик большую вывеску:

НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО!
ТОЛЬКО У НАС УДИВИТЕЛЬНОЕ
ДВУХГОЛОВЕЕ ЖИВОТНОЕ
АФРИКАНСКИХ ДЖУНГЛЕЙ!
ВХОД — 6 ПЕНСОВ.

Тяни-толкай стоял в фургончике, а все остальные звери лениво валялись в тени. Доктор сидел на стульчике перед дверью, собирал шестипенсовики и улыбался всем входящим, а Даб-Даб брюзжала и бранилась, потому что стоило ей отвернуться, как он, хитро подмигивая, пускал детей бесплатно. Приходили владельцы зверинцев и циркачи и просили Доктора продать странное существо, предлагая огромные деньги. Доктор качал головой и отказывался:

— Тяни-толкай нельзя запирать в клетку. Он так же свободен, как вы и я.

Так они кочевали от деревни к деревне, и множество забавных происшествий случилось с ними, но

Джип принялся носиться по саду, как сумасшедший.

после великих приключений, пережитых в чужих странах и морях, все казалось скучноватым. Сперва им понравилось чувствовать себя частью циркового мира, но и это быстро надоело, и хотелось только одного — скорее попасть домой.

К счастью, очередь желающих поглазеть на африканское чудо не уменьшалась, шестипенсовики так и сыпались, и Дулитл вскоре смог со спокойной душой бросить эту жизнь.

И вот, в один прекрасный день, когда шиповники стояли в самом цвету, он вернулся в Падлби в свой маленький домик, окруженный огромным садом, вернулся богатым человеком. Старая хромая лошадь очень обрадовалась друзьям, и ласточки, успевшие уже соорудить под стрехой гнезда и вывести птенцов, были рады, и Даб-Даб, хоть ее и встретили кучи пыли и заросли паутины по всем углам милого старого дома, тоже напевала и веселилась, взявшись за тряпку. Джип, навестив соседскую спесивую колли и похваставшись золотым ошейником, принялся как сумасшедший носиться по саду, разыскивая давным-давно закопанные косточки и гоняя крыс, а Габ-Габ бросился подкапывать трехфутовый хрен в углу сада, у самой изгороди.

А Доктор отправился к моряку и купил ему взамен старого два новых корабля, а его ребенку — резиновую куклу. Он заплатил бакалейщику за провизию, взятую в плавание. И, конечно, приобрел новое пианино, чтоб поселить туда белых мышей, — в ящике комода они постоянно жаловались на сквозняк.

А потом он наполнил до краев старую копилку, стоявшую в кухне на верхней полке и очень удивился, потому что осталась целая куча денег. Пришлось

ему раздобыть еще три точно таких же копилки, чтобы разместить свое богатство.

— Деньги — это дрянь, чепуха, — довольно пробормотал он, — но все-таки славно, если о них не приходится думать.

— Ну еще бы, — хмыкнула Даб-Даб, жарившая к чаю оладьи.

Наступила зима, за кухонным окошком закружились снежные хлопья. Доктор и звери, сытно поужинав, рассаживались вокруг теплого огня, и он читал им вслух свои новые книги.

А далеко-далеко, в Африке, под круглой желтой луной обезьяны, устраиваясь на ночлег в раскидистых пальмовых кронах, так говорили друг другу:

— Интересно, что поделявает сейчас Добрый Человек — там, в Стране Белых Людей? Как вы думаете, он вернется?

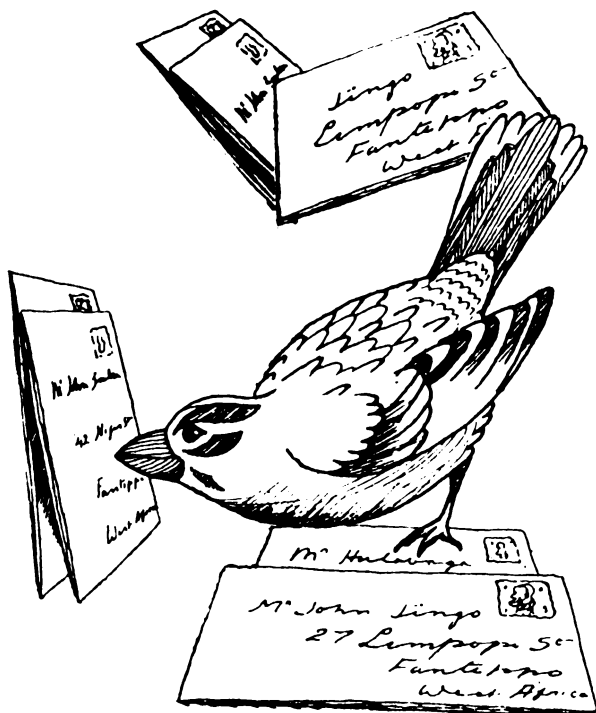
И Полинезия скрипела с дикой виноградной лозы:

— Я думаю, вернется — мне кажется, вернется — я надеюсь, вернется!

И тогда крокодил рывкал на них из черной илистой реки:

— Я УВЕРЕН, он вернется! Немедленно спать!

ПОЧТОВАЯ
СЛУЖБА
**ДОКТОРА
ДУЦТЛА**

**Hugh Lofting
Doctor Dolittle's
Post Office
1923**

ПРОЛОГ

Вообще-то история о почтовой службе Доктора Дулитла начинается с того момента, когда он решил закончить свое путешествие по Западной Африке и его корабль уже взял курс на Паддби-на-болоте. Но сперва я, пожалуй, немного расскажу о том, как получилось, что доктор со своими друзьями оказался в самой Африке.

А вышло это так: Тяни-Толкай, который гостил у Доктора в Англии, что-то вдруг стал не на шутку тосковать по своей родине. И хотя он ужасно любил Доктора Дулитла и ни за что не хотел с ним расставаться, но однажды зимой, когда стояла особенно скверная погода, он спросил Доктора, не хочет ли тот съездить на каникулы в Африку — хотя бы на пару недель.

Доктор, конечно, сразу же согласился. С собой он решил взять утку Даб-Даб, пса Джипа, поросенка Габ-Габа, филина Гу-Гу и белую мышку — словом, всю ту веселую компанию, с которой вернулся из своего увлекательного путешествия в Страну обезьян. Специально для нового путешествия доктор купил небольшой старенький парусник — суденышко ему досталось довольно потрепанное и обшарпанное, но еще вполне способное выдержать настоящий шторм, — и они отправились в путь.

Вскоре Доктор и его друзья приплыли к южному берегу залива Бенин, где посетили много незнакомых стран и повидали много неизвестных народов. И каждый раз, когда они сходили на берег, Тяни-Толкай не упускал возможности вдоволь набегаться и накувыркаться по своим любимым зеленым пастбищам. Уж он-то прекрасно проводил каникулы и наслаждался вовсю.

Однажды утром Доктор Дулитл с радостью увидел, что над его кораблем, спокойно стоящим на якоре, собираются перед своим ежегодным перелетом в Англию его старые друзья ласточки. Они предложили Доктору сопровождать его домой, как это было во время бегства из королевства Джоллиджинки — разумеется, если Доктор собирается в обратный путь прямо сейчас.

Тяни-Толкай уже вполне созрел для возвращения, и поэтому Доктор поблагодарил ласточек и сказал, что будет в восторге от такого путешествия. Остаток дня прошел в невероятной суете и спешке — не так-то просто снарядить корабль всем необходимым для долгого плавания. Но на следующее утро все оказалось готовым к отплытию. Якорь был поднят, и на всех парусах маленький кораблик Доктора Дулитла отправился на север, подгоняемый попутным ветром.

Вот здесь-то и начинается наша история.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

ЗУЗАНА

ОДНАЖДЫ утром, вскоре после начала путешествия, когда Джон Дулитл и его звери сидели и завтракали за большим круглым столом в кают-компании, одна из ласточек опустилась на корабль и сказала, что хотела бы поговорить с Доктором.

Джон Дулитл сразу же встал из-за стола и вышел на палубу, где его ждал сам вожак стаи ласточек — небольшая, аккуратная птичка с очень длинными крыльями и зоркими черными глазами. Его звали Быстрей-Ветра, и это имя не зря было знаменито в птичьем мире. Он был абсолютным чемпионом по ловле мух и лучшим воздушным акробатом во всей Европе, Африке, Азии и Америке. Много лет подряд он каждый год выигрывал все воздушные гонки, а не далее как в прошлом году побил свой собственный мировой рекорд, перелетев через Атлантический океан всего за одиннадцать с половиной часов и развив при этом скорость более двухсот миль в час.

— Ну, Быстрей-Ветра, — спросил Джон Дулитл, — в чем там дело?

— Доктор, — ответила ласточка, таинственно понизив голос, — мы заметили каноэ примерно в миле по ходу корабля и немного восточнее. В нем сидит чернокожая женщина. Она все время плачет и совсем не гребет. А ведь каноэ уже не меньше чем в десяти милях от берега — мы сейчас пересекаем залив Фантиппо и береговая линия уже почти не видна. Я бы сказал, что эта женщина очень рискует, выйдя в открытое море на такой маленькой лодочке. Но, похоже,

она об этом и не думает. Она сидит себе и плачет, как будто ей все равно, что с ней может случиться. Не могли бы вы подплыть поближе и поговорить с ней, потому что все мы ужасно волнуемся, не попала ли она в беду.

— Хорошо, — сказал Доктор. — Лети туда, только помедленней, а я направляю за тобой корабль.

Джон Дулитл пошел на верхнюю палубу и стал поворачивать корабль в том направлении, которое указала ласточка. Вскоре он увидел, как по волнам прыгает вверх и вниз маленькое черное каноэ. Оно выглядело таким крохотным на широкой водной глади, что его можно было принять за бревно или палку или даже вовсе не заметить, если не подплывать слишком близко. В каноэ сидела женщина, уронив голову на колени.

— Что случилось? — закричал Доктор, как только они сблизились настолько, что женщина могла его слышать. — Почему вы заплыли так далеко от берега? Ведь если вдруг начнется шторм, вы можете погибнуть!

Женщина медленно подняла голову.

— Плывите отсюда, — сказала она, — оставьте меня наедине с моей бедой. Разве мало горя принесли мне белые люди?

Но Джон Дулитл подвел корабль еще ближе и продолжал ласково разговаривать с женщиной. Довольно долго она, казалось, не доверяла ему — ведь все-таки он был белым человеком — однако понемногу лед растаял, и горько плача, она рассказала Доктору свою историю.

Вам следует знать, что все это случилось в те годы, когда работорговля была только-только отменена. Большинство правительств мира строго за-

претили захватывать и продавать рабов, но негодяи работорговцы еще по-прежнему приплывали к западным берегам Африки и тайно захватывали или покупали рабов, чтобы увезти их на своих кораблях в другие страны для работы на хлопковых и табачных плантациях. А короли некоторых африканских государств продавали работорговцам своих военнопленных и зарабатывали на этом огромные деньги.

Так вот, эта женщина в каноэ принадлежала к племени, которое вело войну против короля Фантиппо — правителя страны, расположенной на западном берегу Африки, недалеко от того места, где ласточки заметили каноэ. В той войне король Фантиппо захватил много пленных, и среди них был муж этой женщины. Вскоре после окончания войны приплыли на корабле белые люди и стали спрашивать, не смогут ли они купить здесь рабов для табачных плантаций. И когда король услышал, сколько они предлагают заплатить за каждого раба, он сразу решил продать им всех своих пленников.

Несчастную женщину звали Зузана. Ее муж был сильным и красивым мужчиной, и, может быть, король Фантиппо оставил бы его у себя, потому что он любил, чтобы при его дворе служили силачи и красавцы. Но работорговцам тоже были нужны сильные рабы, которые могли бы выполнять тяжелую работу на плантациях. Поэтому они предложили за мужа Зузаны двойную плату, и король Фантиппо продал его.

Зузана рассказала Доктору, как она поплыла на своем каноэ за кораблем белых людей, умоляя их вернуть ей мужа. Но они только посмеялись над ней, и вскоре их корабль скрылся из виду. Вот почему она теперь ненавидит всех белых людей и

не хотела сначала говорить с доктором, когда он окликнул ее.

Услышав эту историю, Доктор ужасно рассердился. Он спросил Зузану, сколько прошло времени с тех пор, как корабль работорговцев увез ее мужа. Она ответила, что прошло около получаса и добавила, что когда корабль ушел вдоль берега на север, она разрыдалась и бросила весло, потому что теперь жизнь потеряла для нее всякий смысл.

Доктор заявил, что он во что бы то ни стало должен помочь бедной женщине, и хотел сейчас же прибавить ходу и пуститься в погоню за кораблем работорговцев. Но утка Даб-Даб напомнила ему, что его парусник слишком тихоходен, и если с корабля работорговцев заметят их парус, то им просто не позволят приблизиться.

Тогда Доктор приказал бросить якорь, а сам пересел к женщине в ее каноэ, и они поплыли на север, внимательно осматривая по пути все бухты и объезжая кругом даже самые маленькие островки. Много часов прошло в бесплодных поисках. Солнце село, и ласточки, которые все время указывали дорогу, уже ничем не могли им помочь, потому что ночь была безлунной. Доктор сказал, что от ночных поисков придется отказаться, и несчастная Зузана снова стала плакать.

— К утру, — рыдала она, — корабль с проклятыми работорговцами уплывет на много миль, и я больше никогда не увижу моего мужа! О горе мне, горе!

Доктор старался утешить ее как мог и даже пообещал, если они не отыщут этого мужа, найти ей другого, который будет ничем не хуже прежнего. Но бедняжку это совершенно не утешило, и она продолжала убиваться и причитать. Она причитала так

громко, что Доктору никак не удавалось заснуть на дне каноэ — а это само по себе не очень-то просто. Так что ему пришлось сидеть и слушать эти бесконечные причитания.

Несколько ласточек коротали с ним ночь, рассевшись на бортиках каноэ. Среди них был и знаменитый Быстрей-Ветра. Они как раз обсуждали с Доктором, что делать дальше, когда Быстрей-Ветра вдруг промолвил: «Тш! Смотрите!» и указал на запад, туда, где тяжело вздымались угрюмые волны. Даже Зузана прекратила свои вопли и стала вглядываться во мглу. Там, на самом краю черного океана светился крошечный огонек.

— Корабль! — воскликнул Доктор.

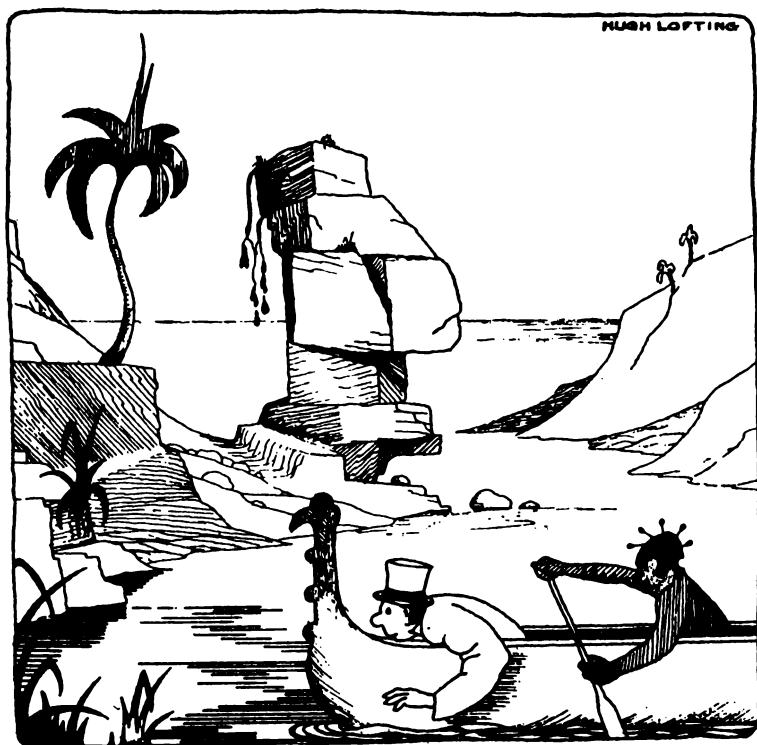
— Точно! Это корабль! — сказал Быстрей-Ветра. — А вдруг это корабль работорговцев?

— Если это и корабль работорговцев, — заметил Доктор — то явно не тот, который мы ищем, потому что это совсем в другой стороне. Наш корабль ушел на север.

— Послушайте, Доктор, — сказал Быстрей-Ветра, — а что если я слетаю и посмотрю, что это за корабль. Вдруг они смогут нам помочь?

— Хорошо, Быстрей-Ветра. Спасибо тебе, — ответил Доктор.

И Быстрей-Ветра быстрей ветра полетел сквозь ночь в направлении маленького огонька, а Доктор тем временем почему-то вспомнил про свое собственное судно, которое он оставил на якоре в нескольких милях к югу. Прошло минут двадцать, и Доктор уже начал беспокоиться, потому что Быстрей-Ветра, будучи рекордсменом по скоростным полетам, уже давно должен был бы слетать туда и обратно, но тут послышался тихий шелест крыльев

И они поплыли на север, осматривая все бухты.

и, описав круг у него над головой, ласточка легко опустилась на колено Доктору.

— Ну, что это за корабль? — спросил Джон Дулитл.

— Это большой корабль, — запыхавшись отвечал Быстрей-Ветра, — с высокими мачтами и, как я успел заметить, с очень хорошим ходом. Он направляется в нашу сторону, но плывет с большими предосторожностями, наверное, опасаясь наткнуться на мель или песчаную косу. По виду он совсем новый, аккуратный и ухоженный. На нем много больших пушек — они видны через окошечки в бортах. Команда вся одета в красивую синюю форму — совсем не так, как одеваются моряки в этих местах. Вдоль борта корабля написаны какие-то буквы — я думаю, это его название. Я, конечно, не смог его прочесть, но запомнил, как это выглядит. Дайте мне вашу руку, и я покажу вам, что там написано.

И Быстрей-Ветра начал своим коготочком царапать какие-то буквы на ладони у Доктора. Он еще не успел дописать до конца, как доктор подпрыгнул так, что чуть не перевернул каноэ.

— К. К. В.! — закричал он. — Это значит: Корабль Ее Королевского Величества. Корабль военно-морского флота! Это как раз то, что нам нужно, чтобы расправиться с работоторговцами!

ГЛАВА 2

НА БОРТУ ВОЕННОГО КОРАБЛЯ

ДОКТОР и Зузана стали грести изо всех сил по направлению к кораблю. Ночь была спокойной, но могучие океанские валы, как на качелях, подбрасывали маленькое каноэ вверх и вниз, и Зузана пришлось проявить немалую сноровку, чтобы удержать прямой курс.

Примерно через час Доктор заметил, что военный корабль уже не движется им навстречу, а, похоже, стоит на месте. И когда наконец его высокий борт навис над каноэ своей темной громадой, Доктор понял, в чем была причина этой остановки — военный корабль налетел в темноте на суденышко Доктора, которое без огней стояло на якоре в открытом море. К счастью, большой корабль продвигался так осторожно и медленно, что ни то ни другое судно не пострадало от столкновения.

Увидев, что с борта военного корабля свисает веревочная лестница, Доктор и Зузана взобрались на палубу и отправились искать капитана. Они нашли его на юте, где капитан взволнованно расхаживал взад-вперед и свирепо ругался вполголоса.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался Доктор — Не правда ли, сегодня прекрасная погода?

Капитан подскочил к нему и затряс кулаком у него перед носом.

— Это вы владелец этого Ноева ковчега? — зарычал он, указывая на небольшое суденышко у борта.

— Д-да... я... временно, — сказал Доктор. — А что, собственно, произошло?

— Тогда не будете ли вы так добры, — прорычал капитан с искаженным от гнева лицом, — объяснить мне, какого лешего вы оставили здесь эту старую лохань на якоре и без единого сигнального огня? Да что вы за моряк после этого? Я на новеньком корабле Ее Королевского Величества военного флота охочусь за работорговцем Джимми Боунзом, преследую его уже несколько недель, а тут еще эта ваша посудина без огней путается под ногами, как будто мне недостаточно своих неприятностей. Еще хорошо, что мы шли так медленно, потому что промеряли глубину, а то бы мы все отправились кормить рыб. Я сигналил вашему кораблю — никто мне не ответил. Я решил, что это уловки проклятых работорговцев, и спустился на судно с пистолетами в руках. Смотрю — на всем корабле ни души. И вот, наконец, что я вижу в капитанской каюте? Какая-то хрюшка сидит и спит в кресле! Вы что, всегда оставляете свое судно на попечение свиней, которые вдобавок имеют привычку спать на вахте? Если вы владелец корабля, то почему же вы не на нем? Где вы сами-то болтаетесь?

— Я был в каное вот с этой леди, — сказал Доктор и ободряюще улыбнулся Зузане, которая, кажется, собиралась опять заплакать.

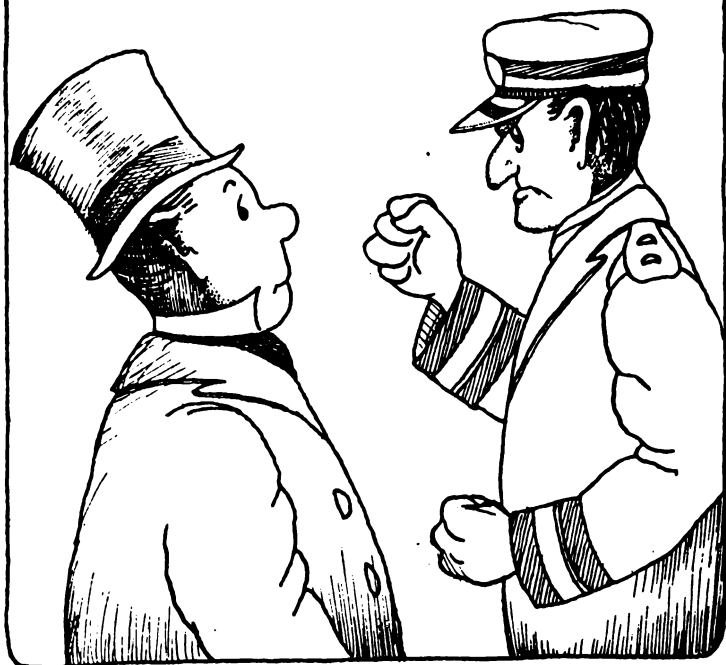
— В каное с леди! — захлебнулся от возмущения капитан. — Ну, знаете, я ...

— Да, — сказал Доктор. — Позвольте мне представить вас. Зузана, капитан... э-э...

Но капитан не дал ему договорить.

— Я научу вас, мой дорогой любитель морских любовных походов, как оставлять свой Ноев ковчег в открытом море, на якоре и без огней, чтобы честные моряки натыкались на него среди

HUGH LOFTING

— Где вы сами-то болтаетесь?

ночи! Вы думаете, что правила судовождения придуманы для забавы? Эй, сержант корабельной полиции, — он обернулся к матросу, стоявшему рядом, — арестуйте этого человека!

— Слушаюсь, сэр! — сказал сержант, и прежде чем Доктор успел опомниться, на его руках уже застегнулись наручники.

— Но эта леди терпела бедствие, — попытался возразить Доктор. — Я так спешил оказать ей помощь, что совсем забыл о сигнальных огнях. А вообще-то, когда я покидал корабль, было еще светло.

— Увести его в трюм! — взревел капитан. — В трюм, пока я не прибил его на месте!

Сержант потащил бедного Доктора к лестнице, которая вела на нижние палубы, но на первой ступеньке Доктор вцепился в перила, и пока сержант пытался его оторвать, успел прокричать капитану:

— Если я захочу, я могу рассказать, где искать Джимми Боунза!

— Что такое? — недоверчиво фыркнул капитан. — А ну-ка давайте его обратно! Что это вы там говорили про Джимми Боунза?

— Я сказал, — пробормотал Доктор, сморкаясь в свой платок, хотя руки у него все еще были в наручниках, — что мог бы рассказать, где находится корабль Джимми Боунза, если, конечно, захочу.

— Работоторговца Джимми Боунза? — воскликнул капитан. — Английское правительство поручило мне поймать именно этого человека. Где он?

— Моя память очень плохо работает, пока у меня связаны руки, — спокойно сказал Доктор, кивнув на наручники. — Вот если бы вы приказали снять

эти штуки, тогда я, наверное, мог бы кое-что вспомнить.

— О, тысяча извинений! — манеры капитана совершенно изменились. — Сержант, освободите этого человека!

— Слушаюсь, сэр! — ответил матрос и, освободив руки Доктору, повернулся, чтобы уйти.

— И вот что, — приказал вдогонку капитан, — принесите наверх кресло. Наши гости, должно быть, устали.

Тогда Джон Дулитл рассказал капитану о заключениях Зузаны, и все офицеры корабля собрались вокруг послушать эту историю.

— У меня нет никаких сомнений, — закончил Доктор, — что работорговец, который увез мужа этой женщины, и есть тот самый Джимми Боунз, которого вы ищете.

— Так-то оно так, — сказал капитан. — Я и раньше знал, что он плавает где-то в этих краях. Но где он сейчас? Эту лису так просто не поймаешь.

— Он поплыл на север, — сказал Доктор. — Но ведь ваш корабль достаточно быстр, чтобы догнать его. А если он спрячется в какой-нибудь бухте или в устье реки, то со мной есть птицы, которые найдут его где угодно, как только рассветет.

Капитан озадаченно оглядел лица своих офицеров, которые недоверчиво заулыбались при этих словах.

— В каком смысле — птицы? — спросил он. — Это что — голуби, дрессированные канарейки или как их там еще?

— Нет, — сказал Доктор, — это ласточки. Они возвращаются со мной в Англию. С их стороны было очень любезно предложить мне совместное путешествие. Это мои друзья, и...

На этот раз все офицеры дружно расхохотались и стали, как один, со значением постукивать себя по лбу, давая понять, что Доктор немного не в своем уме. А капитан, решив, что над ним смеются, разозлился вконец и уже хотел снова посадить Доктора под арест, но второй помощник успел шепнуть ему на ухо:

— Мы все равно пойдем на север. Почему бы нам не взять этого Доктора с собой — пусть он покажет, на что способен. Помню, когда я еще плавал во внутренних водах, слышал я что-то про чудака из одного западного графства, который водил дружбу со зверями и птицами. Его, кажется, звали Дулитл. А вдруг это он и есть? На вид он вполне безобиден, а при случае может нам пригодиться. И похоже, туземцы доверяют ему, иначе эта женщина не приплыла бы с ним — вы же сами знаете, как боятся они выходить в море с белыми людьми.

Капитан на минуту задумался и снова обратился к Доктору:

— То, что вы рассказываете, представляется мне совершеннейшим бредом, милейший. Но если вы поможете нам напасть на след Джимми Боунза, то мне безразлично, каким образом вы это сделаете. Но если только вы позволили себе насмехаться над флотом Ее Величества, то я вас предупреждаю, что вы горько об этом пожалеете. Мы отправляемся на поиски, как только рассветет. А теперь идите и повесьте ходовые огни на вашу посудину и передайте своей свинье, что если она допустит, чтобы они погасли, то я велю сделать из нее отбивные для офицерского стола.

Под общий смех и шутки Доктор отправился на свой парусник, чтобы распорядиться насчет огней. Но когда на следующее утро он в сопровож-

дении тысячи ласточек появился на военном корабле, у офицеров королевского флота пропала охота смеяться над ним.

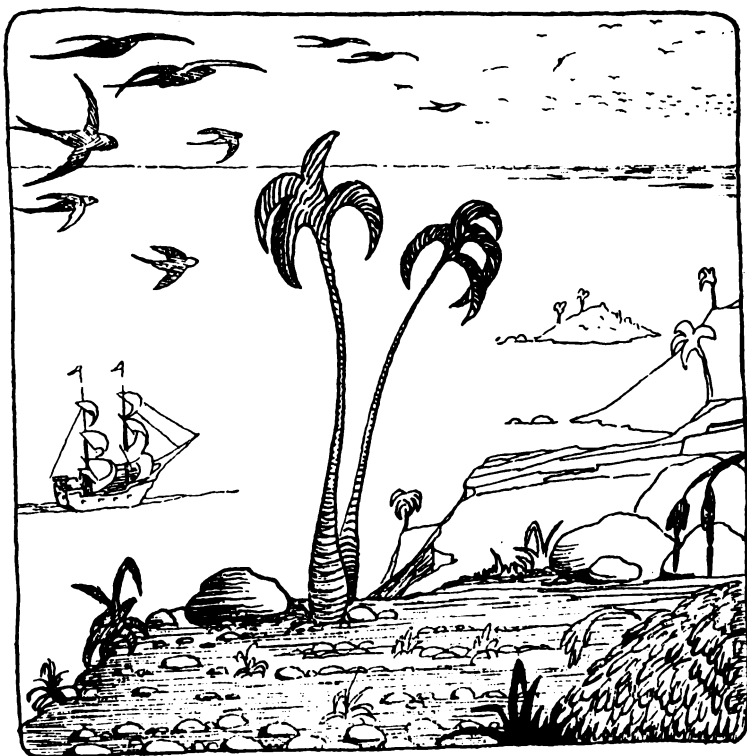
Солнце как раз вставало над далеким африканским берегом, и утро было таким прекрасным, каким его только можно себе представить.

Быстрее-Ветра успел за ночь обсудить с Доктором план действий, и задолго до того, как военный корабль поднял якорь и тронулся с места, знаменитый предводитель ласточек вместе с отборными охотниками из стаи был уже на много миль впереди, исследуя все укромные уголки побережья, где мог бы спрятаться корабль работорговца.

Они придумали своеобразную систему связи: тысячи ласточек усыпали небо, растянувшись в цепочку от переднего края разведчиков до военного корабля, и легонько посвистывая, передавали Доктору на корабль все сообщения о том, как проходит поиск.

Наконец около полудня пришло известие, что корабль Боунза обнаружен за гребнем длинного высокого мыса. В сообщении говорилось, что нужно действовать очень осторожно, так как работорговцы держались начеку и были готовы отплыть в любую минуту. Они остановились только чтобы набрать пресной воды и расставили повсюду часовых на случай тревоги.

Когда Доктор передал это капитану, военный корабль немного изменил курс и пошел ближе к береговой линии, чтобы под прикрытием высокого мыса незаметно подобраться к кораблю работорговцев. Матросам был дан приказ соблюдать полную тишину и приготовить пушки к бою, потому что капитан был уверен, что работорговец не сдастся без сопротивления. Но как раз в тот момент, когда

Утро было таким прекрасным.

фрегат уже выходил из-за мыса, один нерасторопный канонир по оплошности выстрелил из своего орудия.

«Бум!» ... Звук выстрела разнесся над притихшим морем, как раскат близкого грома. И тотчас же с линии птичьего телеграфа пришло сообщение, что корабль работорговцев снялся с якоря и пытается улизнуть. И правда, когда военный корабль наконец повернул за мыс, они увидели, что работорговец на всех парусах уходит в открытое море, имея добрых миль десять форы.

ГЛАВА 3

ЛУЧШИЙ КАНОНИР

НАЧАЛАСЬ захватывающая морская погоня. Было уже два часа дня, и до вечера оставалось не так много времени. Капитан (после того, как обругал последними словами несчастного канонира, который так не вовремя выстрелил из своей пушки) пришел к выводу, что если они не догонят корабль работорговцев до наступления темноты, то скорее всего вообще потеряют его из виду, потому что этот хитрый негодяй Джим Боунз прекрасно знал западное побережье Африки (его еще до сих пор иногда называют Невольничьим берегом), и когда стемнеет, он легко найдет, как спрятать свой корабль в каком-нибудь тихом месте на побережье или, не зажигая огней, ляжет на обратный курс и к утру будет уже за много миль от погони. А капитан был большим патриотом своего корабля, который, кстати сказать, назывался «Фиалка», и больше всего на свете ему хотелось, чтобы именно «Фиалке» досталась честь поимки работорговца Боунза — ведь тот уже так много времени бросал вызов всему флоту Ее Величества Королевы, продолжая торговлю рабами после того, как она была запрещена.

А надо сказать, что все это происходило в те времена, когда на кораблях еще только начали применять паровые двигатели. Однако первое время их еще не рисковали использовать без парусов и употребляли как дополнительный резерв скорости. И вот сейчас паровые машины «Фиалки» были запущены на полную мощность. Густой черный дым повалил из труб корабля, застилая голубое небо и

оседаая на белоснежных парусах, туго натянутых под напором ветра.

Но тут механик, которому не меньше других хотелось поймать Боунза, задрал аварийный клапан паровой машины, чтобы судно не теряло хода, а сам поднялся на палубу посмотреть, как идет погоня. И, натурально, через несколько минут один из новехоньких паровых двигателей «Фиалки» с чудовищным грохотом взорвался, разворотив впридачу все машинное отделение.

К счастью, «Фиалка» и без паровых двигателей имела отличные ходовые данные. Она неслась, вспарывая волны, и постепенно нагоняла корабль работоторговца.

Однако этот ловкач Боунз с самого начала получил слишком большую фору, и теперь не так-то легко было его догнать. Солнце садилось все ниже, и капитан начал хмуриться и даже топать в нетерпении ногой. Он хорошо понимал, что в темноте корабль противника легко ускользнет от него.

А в это время в кубрике тому канониру, который по ошибке выстрелил из своей пушки, приходилось очень несладко. Все товарищи набросились на него с упреками за то, что своим дурацким выстрелом он спугнул Боунза и теперь тот почти наверняка сможет удрать.

Расстояние до корабля работоторговца было слишком большим для того, чтобы использовать орудия, которые в те времена стреляли не очень далеко. Но когда капитан увидел, что на море опускается темнота и противник уходит, он дал приказ готовиться к стрельбе, несмотря на то, что у него не было ни малейшей надежды поразить врага с такой дистанции.

Быстрей-Ветра, который, едва только нача-

лась погоня, прилетел на корабль немного передохнуть, разговаривал на верхней палубе с Доктором. Но когда они услышали приказ капитана открыть огонь, то спустились вниз посмотреть, как будут стрелять из пушек. На оружейной палубе все застыло в безмолвном напряжении. Артиллеристы приникли к своим орудиям, ожидая команды. Несчастный канонир, которого так сурово отчитали товарищи, все еще переживал свою оплошность и, чуть не плача, смотрел в прорезь прицела.

И вдруг офицер крикнул: «Огонь!» С жутким грохотом, потрясшим корабль от носа до кормы, огромные ядра вырвались из восьми оружейных стволов и свистя понеслись над водой. Но — «плюх! плюх! плюх!» — все они одно за другим безобидно шлепнулись в воду, не причинив кораблю работяг никакого вреда.

— Ничего не видно! — жаловались канониры. — Любой промахнется с расстояния в две мили при таком скверном освещении!

И тут Быстрей-Ветра зашептал Доктору на ухо:

— Попросите, чтобы разрешили выстрелить мне. При таком освещении я вижу гораздо лучше, чем они.

Но как раз в этот момент капитан скомандовал: «Прекратить огонь!» и канониры оставили свои орудия. Увидев, что они уходят, Быстрей-Ветра взлетел на одну из пушек, и широко раздвинув короткие белые ножки, уставился в прицел своими маленькими черными глазами. Приглядевшись, он начал крыльями показывать Доктору, куда нужно навести орудие, чтобы прицел был точным.

— Огонь! — скомандовал Быстрей-Ветра.

И Доктор выстрелил.

— Гром и молния! А это что еще такое? —

загремел капитан с мостика при звуке выстрела. — Я ведь приказал прекратить огонь!

Но второй помощник потянул его за рукав и замахал в сторону моря. Ядро, выпущенное Доктором по наводке Быстрой-Ветра, как ножом срезало половину грот-мачты на корабле работорговца, и все паруса с нее в беспорядке попадали на палубу.

— Вот это да! — радостно закричал капитан. — Мы попали в него! Смотрите, Боунз выбросил белый флаг, он сдается!

Капитан, который еще секунду назад готов был беспощадно наказать выстрелившего без команды, теперь горел желанием узнать, кто же сделал этот удивительный выстрел. Доктор уже открыл рот, чтобы сказать, что это был Быстрой-Ветра, но тот в последний момент прошептал ему на ухо:

— Не надо, Доктор. Он все равно никогда не поверит. Мы стреляли из пушки того несчастного канонира — пусть весь успех достанется на его долю. Может быть, ему дадут медаль и это утешит беднягу хоть немного.

Всеобщее ликование царило на борту «Фиалки», когда она подошла к поверженному кораблю противника. Боунз, его капитан и команда, состоявшая из одиннадцати омерзительных головорезов, были арестованы и заперты в трюме военного корабля. А Доктор с Зузаной поспешили в трюм корабля работорговцев. Он был весь набит чернокожими рабами, закованными в кандалы. Зузана сейчас же узнала среди них своего мужа и бросилась ему на грудь, плача от счастья.

Всех рабов немедленно расковали и перевели на «Фиалку», которая взяла на буксир корабль работорговца. Отвратительному промыслу мистера Боунза был положен конец.

На борту военного корабля все радостно пожимали друг другу руки и поздравляли друг друга. На нижней палубе был приготовлен праздничный обед для освобожденных рабов. А Джон Дулитл, Зузана и ее муж были приглашены на обед в офицерскую кают-компанию, где за их здоровье было выпито немало портвейна и где капитан и Доктор обменялись торжественными речами.

Наутро, как только рассвело, «Фиалка» отправилась вдоль берега развозить по родным местам бывших пленников. Это заняло довольно много времени, потому что Боунз скупал рабов в самых разных племенах, широко разбросанных по всему побережью. Только далеко за полдень смогли Джон Дулитл, Зузана и ее муж вернуться на корабль Доктора, который теперь и среди бела дня стоял с ярко зажженными сигнальными огнями.

На прощанье капитан пожал руку Доктору, поблагодарил его за содействие в деле поимки опасного преступника и выразил ему глубокую признательность от себя лично и от лица всего королевского флота Ее Величества. Он даже попросил его дать свой английский адрес, так как собирался сообщить правительству обо всем происшедшем и считал вполне вероятным, что королева захочет посвятить Доктора в рыцари или наградить его как-нибудь еще. Но Доктор скромно заметил, что всему этому он предпочел бы фунт хорошего чая. Он уже несколько месяцев не пил чая, и ему очень понравился тот, что подавали в офицерской кают-компании. Тогда капитан подарил Доктору пять фунтов лучшего китайского чая и поблагодарил его еще раз, теперь уже от имени нации, королевы и правительства.

После этого «Фиалка» снова повернула свой

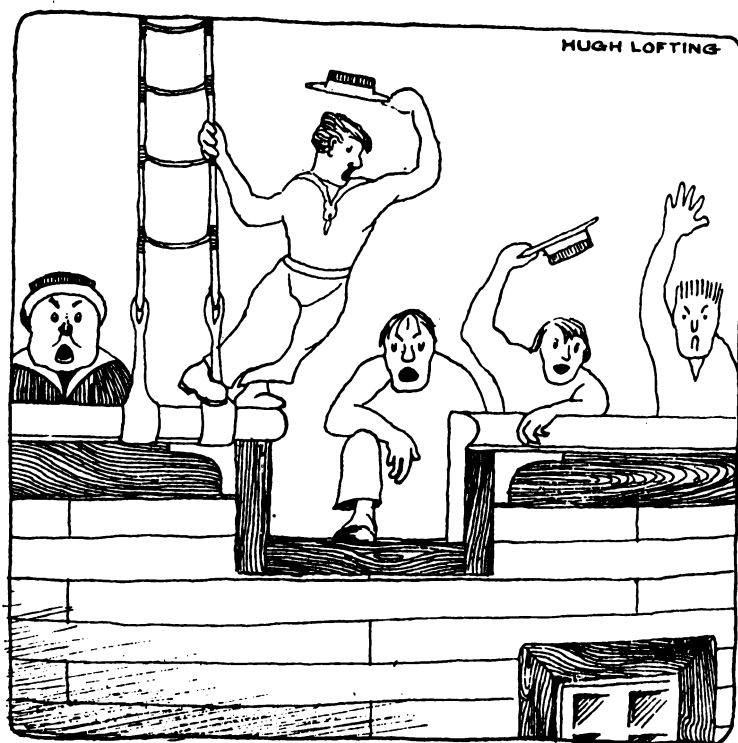
мощный корпус на север и взяла курс на Англию, а все матросы, собравшись на корме, трижды прокричали «ура!» в честь Доктора.

А тем временем Джип, Даб-Даб, Габ-Габ, Гу-Гу и все остальные собрались вокруг Джона Дулитла, горя нетерпением услышать о его приключениях. Когда он закончил свой рассказ, уже наступило время чаепития. Доктор пригласил Зузану и ее мужа на прощанье выпить с ними чаю. Они с удовольствием согласились. Доктор сам заварил отменный чай, и все сели за стол. За чаем Зузана и ее муж (которого звали Бегве) рассказывали про королевство Фантиппо

— Я совсем не уверен, что нам надо возвращаться туда, — говорил Бегве. — Я не против того, чтобы служить в фантиппской армии, но вдруг подвернется еще какой-нибудь работоровец и король снова захочет меня продать. Ты послала то письмо своему двоюродному брату? — спросил он у Зузаны.

— Да, — ответила Зузана. — Но я думаю, что он его не получил. Ведь не пришло никакого ответа.

Доктор спросил Зузану, что это было за письмо и каким образом она его отправляла, и она рассказала, что когда Боунз пообещал за Бегве двойную плату и король уже собрался продать его, Зузана предложила ему немного подождать, пока она напишет своему богатому родственнику, чтобы тот заплатил королю выкуп за Бегве — двенадцать быков и тридцать баранов. Короля это вполне устраивало, потому что в его стране домашний скот был в большой цене, и он пообещал Зузане, что если она за два дня достанет двенадцать быков и тридцать баранов, то он освободит ее мужа. Зузана

Все матросы трижды прокричали «ура!» в
честь Доктора.

поспешила к профессиональному писальщику писем (потому что простые люди ее племени не умели сами писать), и тот написал ей письмо, в котором она умоляла своего брата немедленно прислать королю Фантиппо этих баранов и быков. Затем она отнесла письмо на фантиппскую почту и отправила его. Два дня пролетели, но не пришло ни ответа, ни выкупа. Вот тогда-то несчастный Бегве и был продан людям Боунза.

ГЛАВА 4

КОРОЛЕВСКАЯ ПОЧТА ФАНТИППО

ПОЧТА королевства Фантиппо о которой Зузана рассказала Доктору, представляла собой весьма любопытное учреждение. Вообще регулярные почтовые сообщения в глухом уголке Африки по тем временам сами по себе были удивительным явлением, но то, как они появились в Фантиппо было удивительно вдвойне.

За несколько лет до путешествия Доктора во многих цивилизованных странах мира начали поговаривать об организации регулярной почтовой службы и о том, сколько должна стоить доставка письма из одной страны в другую. И вот в Англии человек по имени Роуланд Хилл придумал систему, которую потом называли «пенни за письмо», и было решено, что отправка обыкновенного письма из одного конца Британских островов в другой должна стоить ровно одно пенни. Ну, конечно, если письмо было тяжелее установленной нормы, то за него нужно было и платить больше. Так появились почтовые марки сначала ценой в один, два, два с половиной и шесть пенсов, а потом и в один шиллинг. Все они были разных цветов, и на большинстве из них печатались портреты королевы — на некоторых она была в короне, а на остальных — без. Во Франции и в Соединенных Штатах стали делать то же самое — только на их марках цена, естественно, указывалась во французских или в американских деньгах и изображалась на этих марках, соответственно, французские короли или американские президенты.

И вот однажды к западному побережью Афри-

ки пришел большой корабль и привез письмо для Коко, короля Фантиппо. Король Коко, впервые увидев почтовую марку, послал за белым торговцем, который жил в его городе, чтобы тот рассказал ему, для чего нужны эти марки и почему на них нарисована какая-то королева.

Белый торговец подробно объяснил королю, в чем заключалась идея почтовых сборов за государственную доставку писем, и рассказал, что в Англии, если вы хотите послать письмо в какую-нибудь страну, надо только наклеить на конверт марку с изображением королевы, опустить этот конверт в почтовый ящик где-нибудь на углу, и письмо само дойдет в то место, куда вы его адресовали.

— Ага! — сказал король. — Понимаю. Новый вид колдовства. Что ж, замечательно. Великое королевство Фантиппо тоже будет иметь свою собственную почтовую службу. Наше умное и очень красивое лицо будет нарисовано на всех марках, и письма наших подданных будут с помощью этого колдовства доставляться по назначению в сто раз быстрее, чем где-нибудь еще!

И король Коко, будучи от природы очень тщеславным человеком, приказал немедленно напечатать огромное количество почтовых марок с его портретом, на некоторых из них он был в короне, на некоторых — без, на одних он улыбался, на других хмурился, на третьих он был нарисован верхом на лошади, а на четвертых — сидел на велосипеде. Но больше всего он гордился десятипенсовой маркой, где его изобразили играющим в гольф — игру, которой он совсем недавно научился у шотландцев, добывавших золото в его королевстве. Кроме этого, он приказал изготовить такие же почтовые ящики, какие, по рассказам белого торг-

овца, были в Англии, и развесить их на всех перекрестках. После чего король торжественно объявил своему народу, что отныне нужно только наклеить на письмо марку с волшебным королевским изображением, опустить в один из этих ящиков, и письмо сейчас же будет доставлено в любой конец света.

Но вскоре по стране пошли слухи, что все это сплошное жульничество. Люди, надеясь на обещанное волшебство, платили свои деньги, покупали марки, опускали письма в ящики, но эти письма никуда не приходили. А однажды чья-то корова остановилась почесаться об один из почтовых ящиков, он упал, разбился, и люди увидели, что все их письма ни на дюйм не сдвинулись оттуда, куда они их положили!

Король был ужасно разгневан и, призвав к себе белого торговца, грозно сказал ему:

— Ты все это время обманывал наше величество. Эти марки не имеют никакой волшебной силы. Признавайся!

Торговец начал объяснять, что письма доставляются по адресам не потому, что марки или почтовые ящики обладают каким-то волшебством. На настоящих почтах работают специальные служащие, которые вынимают письма из почтовых ящиков, и почтальоны, которые доставляют письма адресатам. И он подробно описал королю, насколько сложен весь механизм почтовой службы.

Но король Коко был, кроме всего прочего, и чрезвычайно упрямым человеком. Он заявил, что, несмотря ни на какие трудности, в Фантиппо все равно будет своя почта. Он заказал в Англии несколько сотен почтовых униформ и фуражек, а когда заказ прибыл, одел в эту форму соответствующее количество своих подданных и обязал их работать почтальонами.

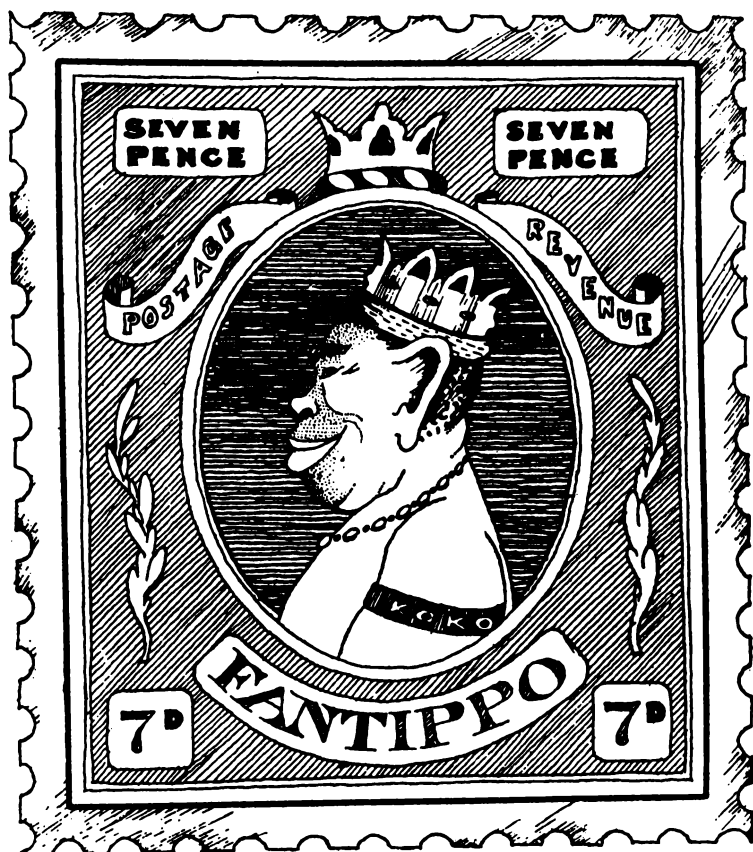
Но чернокожие почтовые служащие нашли, что теплые английские униформы не слишком подходят для климата Фантиппо где весь костюм жителей состоял, как правило, лишь из нитки бус, и предпочли ограничиться только фуражками. Таким образом, униформа фантиппского почтальона представляла собой ансамбль из пресловутой нитки бус, почтовой сумки и щегольской фуражки.

Теперь, когда у короля Коко появились свои почтальоны, королевская почта Фантиппо заработала по-настоящему. Письма вынимались из почтовых ящиков, сортировались и отправлялись морем во все страны света. Приходящая корреспонденция доставлялась адресатам, живущим в Фантиппо непосредственно на дом и три раза в день. Почтовое отделение стало самым оживленным местом во всем городе.

А надо сказать, что люди, живущие в западной Африке, уделяют невероятно много внимания своему внешнему виду, и особенно они любят все яркое. И вот некоторым фантиппским щеголям пришла в голову мысль употреблять использованные почтовые марки в качестве материала для своих туалетов. Марки эти, как правило, были чрезвычайно пестрых расцветок, и костюмы из них стали очень цениться среди туземцев.

В это же самое время в цивилизованном мире одним из последствий введения почтовой системы стало поголовное увлечение коллекционированием марок. В Англии, Америке и других странах люди даже начали покупать альбомы для марок и наклеивать их туда. Редкие экземпляры марок стали большой ценностью и стоили ужасно дорого.

И вот однажды двое таких коллекционеров специально приплыли в Фантиппо чтобы найти для своих коллекций редкую марку, которая называлась

Редкая марка королевства Фантиппо.

«красное Фантиппо в два с половиной пенса». Король Коко приказал прекратить выпуск этой марки, потому что его изображение на ней показалось ему не слишком удачным, и она стала считаться очень редкой.

Едва эти двое ступили на берег Фантиппо к ним, естественно, подошел носильщик, чтобы перенести их вещи, и тут оба коллекционера увидели, что прямо на груди у этого носильщика красуется то самое «красное Фантиппо в два с половиной пенса». Они оба сразу предложили купить у него эту марку. Но поскольку каждый из них хотел заполучить ее в свою коллекцию, то, стремясь перекупить ее друг у друга, они стали предлагать за марку все более и более высокую цену.

Король Коко узнал об этом случае и, вызвав к себе одного из коллекционеров, спросил его, почему это им пришло в голову предлагать такие большие деньги за какую-то использованную марку. И тогда белый человек рассказал ему, чем сейчас увлекается весь цивилизованный мир.

И вот король Коко, хотя он и был уверен, что весь цивилизованный мир сошел с ума, решил, что ему гораздо выгодней продавать марки иностранцам для коллекций, чем своим подданным для почтовых нужд. И с тех пор, когда в гавань Фантиппо заходил корабль, король высылал к нему своего Главного почтмейстера — весьма импозантного мужчину, который носил две нитки бус, почтальонскую фуражку и, в отличие от простых почтальонов, не носил почтовой сумки, — чтобы тот продавал марки коллекционерам.

Эта торговля имела такой бешеный успех, что король распорядился наладить настолько интенсивное производство марок, чтобы ко времени, когда этот же корабль будет возвращаться через Фантиппо обратно в Англию, всегда был бы готов к

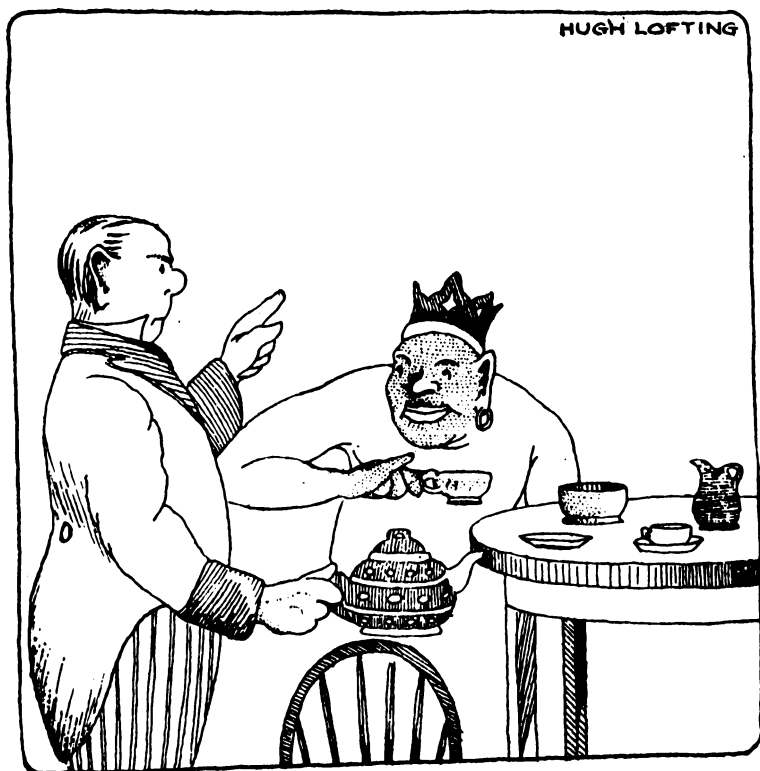
продаже новый тираж. Естественно, в связи с развитием торговли коллекционными марками почтовой службе уделялось все меньше внимания и она постенно пришла в полный упадок.

Пока Зузана за чаем рассказывала Доктору о своем письме, на которое она так и не получила ответа, Доктор вспомнил, что во время одного из его прежних путешествий корабль, на котором он плыл, заходил в Фантиппо. Правда, пассажирам тогда не разрешили сойти на берег, но на борт поднялся чернокожий почтальон и предложил для продажи набор весьма симпатичных марок зеленого и сиреневого цвета. В то время Доктор очень увлекался марками и купил целых три набора.

Теперь, слушая Зузану, он понял, что случилось с почтовой службой Фантиппо и почему письмо, которое могло бы спасти ее мужа от рабства, не дошло до адресата.

Стало темнеть, и Зузана с Бегве собрались идти домой. Но тут Доктор вдруг заметил, что от берега к его кораблю направляется каноэ. Когда каноэ подошло поближе, в нем оказался король Коко собственной персоной, который лично приплыл продавать марки на корабле белого человека.

Доктор безо всяких околичностей заявил королю, что тому должно быть стыдно за состояние почтовой службы в королевстве. Потом, немного смягчившись, он угостил короля китайским чаем и рассказал ему всю историю с письмом Зузаны. Король Коко благосклонно выслушал Доктора и вынужден был признать, что его почтовая служба не справляется со своими обязанностями. И он предложил Доктору сойти на берег вместе с Зузаной и Бегве и самому привести в порядок королевскую почтовую службу Фантиппо.

Доктор угостил короля китайским чаем.

ГЛАВА 5

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

ПОСЛЕ долгих уговоров Доктор согласился на это предложение — он любил делать добрые дела. Но сядя в каноэ, чтобы вместе с королем, Зузаной и Бегве плыть в город Фантиппо Доктор и не подозревал, какие огромные трудности и невероятные приключения ожидали его на этом поприще.

Городок показался ему совсем не похожим на те африканские селения и деревни, какие он видел до сих пор. Не только сам город выглядел нарядно и приветливо, но и его обитатели, как и король Коко, казались доброжелательными и веселыми людьми. Доктора сначала представили всем главным сановникам города, а затем привели на почту.

Джон Дулитл нашел ее в весьма плачевном состоянии. Повсюду — на полу, в ящиках, на столах и даже на мостовой перед зданием почты — в ужасном беспорядке были разбросаны тысячи писем. Доктор заявил королю, что так дело не пойдет — на уважающей себя почте к письмам, на которые наклеены оплаченные марки, должны относиться с подобающим вниманием.

Король Коко принялся снова уговаривать Доктора привести в порядок королевскую почтовую службу и наладить регулярную доставку писем. Доктор ответил, что он попробует, и, засучив рукава, сразу взялся за работу.

Но после нескольких часов безуспешных попыток рассортировать огромное количество неразобранной корреспонденции, Джон Дулитл понял, что на это нужно потратить не день и не два, а, по

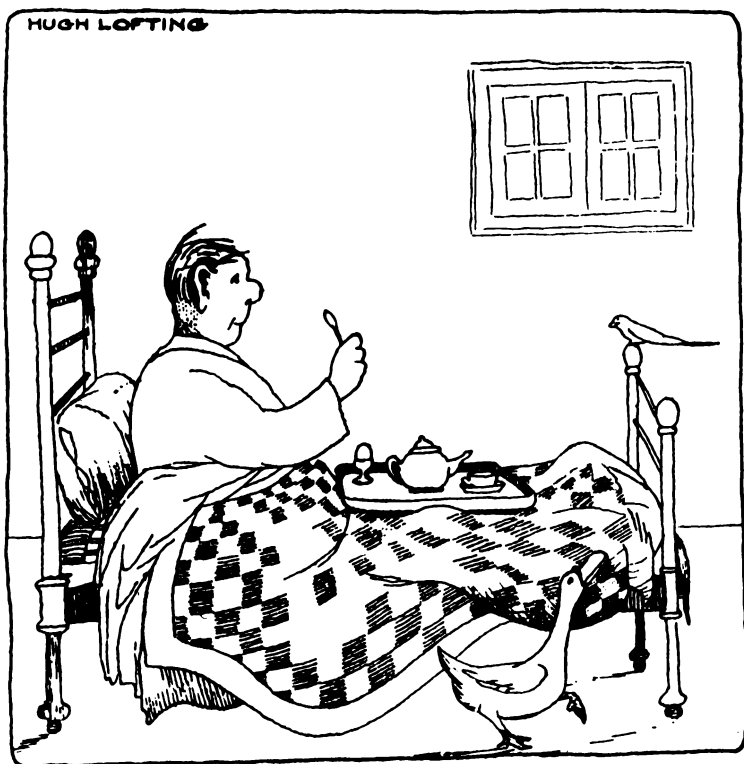
крайней мере, несколько недель. Когда он сообщил об этом королю Коко, корабль Доктора был немедленно приведен в гавань и закреплен на якорной стоянке, а самому Доктору и его животным был выделен маленький уютный домик на главной улице города.

За десять дней Джон Дулитл сумел привести в более или менее приличное состояние то, что называется внутренней корреспонденцией, то есть те письма и отправления, которые предназначены для рассылки внутри страны, тогда как письма и отправления, предназначенные зарубежным адресатам, называются международными. Доктор пришел к выводу, что организовать регулярную и надежную доставку международной корреспонденции из Фантиппо будет весьма трудным делом, потому что корабли, которые могли бы ее перевозить, заходили в порт Фантиппо довольно редко — не чаще чем два-три раза в год. Королевство Фантиппо хотя и являлось предметом законной гордости короля Коко, тем не менее, не пользовалось слишком широкой известностью в цивилизованном мире.

Однажды утром, когда Доктор еще лежал в постели, ломая голову над тем, как лучше организовать доставку международной почты из Фантиппо Даб-Даб и Джип принесли ему поднос с завтраком и сказали, что на улице его дожидается ласточка с посланием от Быстрей-Ветра. Джон Дулитл велел, чтобы ласточку сейчас же пустили в дом, а сам принялся за свой завтрак.

— Доброе утро, — сказал Доктор, когда птица уселась на спинку его кровати. — Чем могу быть полезен? — добавил он, очищая крутое яйцо.

— Быстрей-Ветра хотел бы узнать, — сказала ласточка, — как долго вы еще собираетесь пробыть

Птица уселась на спинку его кровати.

в этой стране. Мы, конечно, не жалуемся, но мы не рассчитывали, что ваше путешествие так затянется. Поймите нас правильно: сначала была задержка, пока вы охотились за этим работником Боунзом, теперь, похоже, вы еще несколько недель будете заняты почтовыми делами, а нам уже давно пора быть в Англии и готовить гнезда для нового брачного сезона. Не можем же мы отложить период гнездования. Мы, конечно, вовсе не жалуемся, но эта новая задержка ставит нас в весьма затруднительное положение.

— Разумеется, разумеется. Я вас очень хорошо понимаю, — проговорил Доктор, насыпая ложечкой соль на верхушку яйца. — Мне очень жаль, что так получилось. Но почему Быстрей-Ветра не прилетел сам мне это сказать?

— Ему не очень хотелось это делать, — ответила ласточка. — Он подумал, что вы могли бы обидеться...

— Да нет, нисколько, — сказал Доктор. — Ведь вы все мне так помогли. Лети и скажи Быстрей-Ветра, что я сейчас же надеваю брюки и иду к нему. Мы все обсудим и обязательно что-нибудь придумаем.

— Ну вот и прекрасно, — ответила ласточка. — Я все передам, как вы сказали.

— Кстати, — заметил Джон Дулитл. — Никак не могу вспомнить, где я раньше тебя видел. Это ты свил гнездо над моей конюшней в Падлби-на-болоте?

— Нет, — сказала птичка. — Но это я тогда прилетел к вам с посланием от больных обезьян.

— Ну, конечно же! — закричал Доктор. — Я же помню, что где-то тебя видел. У меня прекрасная память на лица. А ведь тебе тогда пришлось

несладко зимой над Англией — снег, мороз, ветер... Не каждый бы решился на такое.

— Да, это было трудное путешествие, — согласилась ласточка. — Лететь навстречу ледяному ветру занятие не из приятных. Я едва не замерз до смерти. Но кто-то должен был это сделать, иначе обезьяны погибли бы все до одной.

— А как получилось, что именно тебе поручили доставить это сообщение? — спросил Доктор.

— Как вам это объяснить? — ответила ласточка. — Конечно, Быстрей-Ветра мог бы это сделать сам. Все знают, какой он храбрый и как быстро он умеет летать. Но он не только храбр и летает быстрей молнии, он еще и умней, чем все вожаки, которые у нас были до него. Какие бы трудности ни возникали у нас, он всегда найдет выход — он прирожденный вожак. И поэтому ласточки не захотели его отпускать. Это было слишком опасным предприятием, и таким вожакom мы не могли рисковать.

— Хм! — пробормотал Доктор, в задумчивости стряхивая хлебные крошки с постели. — Но почему же все-таки выбрали именно тебя?

— Меня никто не выбирал, — сказала ласточка. — Каждый из нас был готов добровольно выполнить это поручение, только бы Быстрей-Ветра не рисковал своей жизнью. Но Быстрей-Ветра решил, что самым справедливым будет тянуть жребий. Мы взяли сколько нужно маленьких листьев и у всех, кроме одного, оторвали черенки. Потом мы сложили листья в пустую скорлупу кокосового ореха и с закрытыми глазами по очереди стали их вынимать. Та ласточка, которая вытащит лист с черенком, и должна была лететь с посланием в Англию. И этот листок достался мне. Я поцеловал жену на проща-

ние, потому что не рассчитывал вернуться назад живым, и отправился в путь. Но я не жалею, что все это выпало на мою долю.

— Почему? — спросил Доктор, сняв с колен поднос с завтраком и начиная убирать постель.

— Вот, посмотрите, что я получил за это, — сказала ласточка, подняв правую лапку, вокруг которой была завязана тонкая красная ленточка из шелковистых волокон, что растут на кукурузных початках.

— Что это такое? — спросил Доктор.

— Это знак того, что я совершил какой-то подвиг или замечательный поступок, — скромно сказала ласточка.

— О, понимаю, — сказал Доктор. — Это что-то вроде медали, да?

— Да. И, кроме того, раньше меня звали просто Квип, а теперь меня зовут Квип Отважный Посланец, — сказала маленькая птичка, гордо глядя вниз на свою белую коротенькую лапку.

— Превосходно, Квип, — сказал Доктор. — Поздравляю тебя. Мне пора вставать. У меня ужасно много работы на сегодня. Не забудь передать Быстрей-Ветра, что мы с ним встречаемся на корабле ровно в десять. До свидания! Да, будь добр, скажи Даб-Даб, когда будешь уходить, что уже можно убирать завтрак. Очень хорошо, что ты ко мне пришел. Ты подал мне прекрасную идею. Всего хорошего!

Когда Даб-Даб и Джип пришли убрать остатки завтрака, они увидели, что Доктор уже бреется. Глядя в зеркало и придерживая себя за кончик носа, он бормотал вполголоса:

— Какая прекрасная мысль! Как же я раньше до этого не додумался? У нас будет самая быстрая международная почта во всем мире! Ну, конечно же! Гениальная идея — Ласточкина почта!

Когда Даб-Даб и Джип пришли убрать
остатки завтрака, они увидели,
что Доктор уже бреется.

ГЛАВА 6

ЗЕМЛЯ-БЕЗ-ЛЮДЕЙ

ДОБРИВШИСЬ и одевшись, Доктор отправился на корабль, чтобы встретиться с Быстрой-Ветра.

— Мне было очень грустно слышать, — сказал он, — что у вас из-за меня возникли такие трудности. Но эту почтовую службу действительно нужно привести в порядок. Сейчас она просто ужасна.

— Я знаю, — ответил Быстрой-Ветра. — Если бы было можно, мы бы свили свои гнезда прямо здесь, чтобы не доставлять вам лишних хлопот. Не будет ничего страшного, если мы пропустим одно лето на севере. Но беда в том, что мы, ласточки, не можем вить гнезда на деревьях. Мы обычно гнездимся на крышах домов или других построек...

— А разве дома в Фантиппо не годятся для этого? — спросил Доктор.

— Честно говоря, не очень, — сказал Быстрой-Ветра. — Они такие маленькие и в них так шумно. К тому же местные дети играют вокруг целыми днями — никогда нельзя быть уверенными, что яйца и птенцы в полной безопасности. И потом, нам не очень нравится, что крыши у этих домов сделаны с таким наклоном, что карнизы находятся над самой землей, ну и все такое. Мы любим настоящие английские дома, в которых люди не визжат, не вопят и не играют на барабанах целый день, или какие-нибудь тихие места, вроде старых сараев и конюшен, куда люди если и приходят, то в определенное время, и ведут себя спокойно и с достоинством. Не

то чтобы мы не любили людей, но все хорошо на своем месте, а мамам-ласточкам нужен покой.

— Ну да, конечно, — задумчиво протянул Доктор. — Вообще-то, самому мне нравится веселый нрав этих туземцев, но вас я тоже хорошо понимаю. Между прочим, а не подойдет ли вам мой корабль? Там сейчас тихо, спокойно, никого нет. А всяких дырок и щелей, где вы могли бы устроить свои гнезда, сколько угодно. Как тебе кажется?

— Это было бы замечательно, — сказал Быстрей-Ветра. — Но вы уверены, что корабль не понадобится вам в ближайшие несколько недель? Если вдруг, после того, как мы построим гнезда и отложим яйца, вы решите сняться с якоря и поплыть куда-нибудь, это будет просто трагедией для нас — ведь у птенцов начнется морская болезнь.

— Не стоит волноваться, — ответил Доктор. — Нет ни малейшего опасения, что я могу куда-нибудь поплыть в ближайшее время. Вы можете располагать кораблем, и никто вас там не побеспокоит.

— Очень хорошо, — сказал Быстрей-Ветра. — Пусть ласточки прямо сейчас займутся постройкой гнезд. Но, разумеется, когда вы соберетесь домой, мы обязательно проводим вас до Англии. Нам все равно надо будет показать нашим птенцам, как туда добираться. Вы же знаете, что каждый год молодняк в первый раз летит из Англии в Африку в сопровождении взрослых птиц, так что первый свой перелет они должны совершить под руководством старших.

— Ну, и прекрасно, — закончил разговор Доктор. — Будем считать вопрос решенным. Корабль полностью в вашем распоряжении. Но как только птенцы подрастут, ты дай мне знать, потому что у меня есть одна очень интересная идея, о

которой нам нужно будет тогда переговорить. А теперь я должен вернуться на почту.

Вот так корабль Доктора стал местом гнездования ласточек. Он стоял себе на якоре в тихой бухте Фантиппо а тысячи ласточек вили гнезда на его мачтах, снастях, иллюминаторах и где только можно. Они были полными хозяевами на корабле и потом признавались, что у них никогда не было лучшего места для гнездовья.

Спустя несколько дней корабль стал представлять собой весьма необычное зрелище. Он был весь усыпан гнездами из кусочков глины, и тучи ласточек постоянно кружились вокруг его мачт, пристраивая новые гнезда и принося корм для птенцов.

А в это время в Англии фермеры говорили, что в этом году надо готовиться к суровой зиме, потому что ласточки так с осени и не прилетели домой вить гнезда.

Потом, когда выведение птенцов закончилось, на корабле, естественно, оказалось гораздо больше ласточек, чем было сначала. И на корабль стало просто невозможно ступить из-за того, что он весь был покрыт тоннами птичьего помета и всякого другого мусора. Но родители, как только птенцы немного подросли и научились летать, пристроили их на уборку мусора, и постепенно вся грязь была сброшена в воду бухты, а сам корабль оказался вычищен так, как никогда до этого.

Однажды, когда Доктор, как обычно, пришел на почту в девять часов утра (он был вынужден приходить туда в это время, потому что без него чернокожие почтальоны не приступали к работе), он увидел, что на пороге лежит Джип и с аппетитом грызет кость. Эта кость сразу привлекла внимание Доктора, который, будучи натуралистом, прекрасно

разбирался во всяких костях. Он попросил у Джипа разрешения рассмотреть ее получше.

— Это просто невероятно! — воскликнул Доктор, внимательно изучив кость. — Я и представить себе не мог, что этот вид животных еще встречается в Африке. Где ты раздобыл эту кость, Джип?

— Там, на Земле-без-людей, — ответил Джип. — Там полно всяких костей.

— А где же она находится, эта Земля-без-людей? — спросил Джон Дулитл.

— Земля-без-людей — это тот круглый остров на выходе из бухты, — сказал Джип, — ну, который похож на сливовый пудинг.

— Ну, конечно, — сказал Доктор. — Я помню этот остров. Он совсем недалеко от берега. Я только не знал, что он так называется. Послушай, Джип, одолжи мне на время эту кость — я бы хотел поговорить о ней с королем Коко.

И взяв кость, а заодно прихватив с собой Джипа, Джон Дулитл отправился с визитом к королю. Король Коко сидел на пороге своего дворца и сосал леденец — он, как и все жители Фантиппо ужасно любил сладкое.

— Доброе утро, Ваше Величество, — сказал Доктор. — Вы случайно не знаете, какому животному принадлежит эта кость?

Король посмотрел на кость и покачал головой. Он не очень хорошо разбирался в костях.

— Может быть, корове... — с сомнением произнес он.

— Ни в коем случае, — возразил Джон Дулитл. — У коров не бывает таких костей. Это челюсть — но, конечно же, не коровья. Послушайте, Ваше Величество, вы не могли бы одолжить мне

каное и парочку гребцов? Я хочу поплыть на Землю-без-людей.

К удивлению Доктора, при этих словах король Коко чуть не подавился своим леденцом и едва не упал со стула. Затем он вскочил и в ужасе убежал в свой дворец, громко захлопнув за собой дверь.

— Как это все однако странно! — обескураженно проговорил Джон Дулитл. — Хотел бы я знать, что за муха его укусила!

— А, это какая-нибудь очередная их глупость, — проворчал Джип. — Они очень суеверны, эти туземцы. Давайте лучше пойдем в гавань и попробуем нанять там каное.

Они спустились к воде и стали просить владельцев каное отвезти их на Землю-без-людей. Но стоило Доктору произнести это слово, как все ужасно пугались и не хотели даже разговаривать на эту тему. Лодочники отказывались даже одолжить Доктору каное, чтобы он поплыл туда сам.

В конце концов им попался один старик, который настолько любил поболтать, что, хотя и испугался до смерти, когда Джон Дулитл упомянул про Землю-без-людей, но все-таки объяснил Доктору причину такого странного поведения туземцев.

— Этот остров, — мы стараемся даже не упоминать его названия, если можем обойтись без этого, — обиталище Злого Духа. Он называется, — старик прошептал это так тихо, что Доктор едва расслышал, — Земля-без-людей, потому что люди там не живут. Никто из нас никогда туда не ездит.

— Но почему? — спросил Доктор.

— Там живут драконы! — проговорил старый лодочник, широко раскрыв глаза от страха. — Огромные рогатые драконы, которые извергают пламя и пожирают людей. Если вам дорога ваша

жизнь, никогда не приближайтесь к этому ужасному острову.

— Но откуда вам это известно, — спросил Доктор, — если никто никогда там не был и не проверял, так ли все это на самом деле?

— Очень много лет назад, — сказал старик, — когда нашей страной правил король Какабучи, он сослал свою тещу на этот остров, потому что не мог выдержать ее непрерывных разговоров. По его приказу еду теще должны были доставлять раз в неделю. Но когда в конце первой же недели люди приплыли на остров, то королевской тещи там уже не было и в помине. А пока они искали ее, из-за кустов на них с диким ревом набросился огромный дракон, и им едва удалось спастись бегством. Вернувшись в Фантиппо эти люди обо всем рассказали королю Какабучи, и тот, посоветовавшись со знаменитым колдуном, объявил, что это сама королевская теща с помощью какого-то колдовства превратилась в дракона. С тех пор у нее народилось многочисленное потомство, и весь остров теперь заселен драконами-людоедами! Каждый раз, когда какое-нибудь каное приближается к острову, драконы выходят на берег и изрыгают смертоносное пламя. Но уже многие сотни лет нога человека не ступала на этот страшный остров. Поэтому-то он и называется... ну, вы теперь сами знаете как.

Закончив свой рассказ, старик отвернулся и занялся своим каное, видимо опасаясь, что Доктор снова будет просить отвезти его на этот остров.

— Послушай, Джип, — сказал Джон Дулитл, — ты сказал, что раздобыл кость на Земле-без-людей. Тебе там не попадались никакие драконы?

— Нет, — ответил Джип. — Правда, я не ходил вглубь острова. Честно говоря, меня не очень-то интересовал сам остров. Вчера было ужасно жарко, и я решил сплавать туда, чтобы немного освежиться.

А кости я нашел у самого берега. Эта пахла аппетитней других, и я прихватил ее с собой.

— Совершенно удивительная легенда, — пробормотал Доктор. — Теперь я еще сильнее хочу попасть на этот остров. И кость меня тоже очень интересует. Я видел такую же только однажды — это было в музее естественной истории. Ты не возражаешь, Джип, если я ее оставляю себе? Я бы поместил ее в мой собственный музей, когда мы вернемся домой в Падлби-на-болоте.

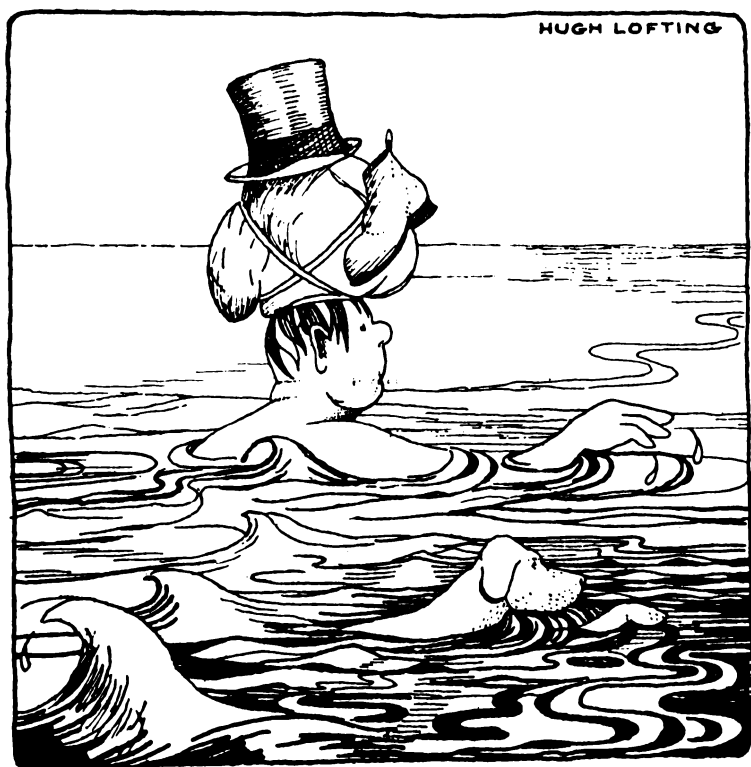
— Сделайте одолжение, — сказал Джип. — А кстати, Доктор, если мы не можем достать каноэ, то почему бы нам не поплыть туда своим ходом. До острова не больше полутора миль, а мы с вами оба отличные пловцы.

— Превосходная идея, Джип, — обрадовался Доктор. — Только давай немного пройдем по берегу, пока не поравняемся с островом, чтобы нам не пришлось плыть слишком долго.

Когда они дошли до самого близкого к острову места, Доктор разделся и, связав одежду в узел, укрепил его на голове, не забыв пристроить на самый верх свой драгоценный цилиндр. Затем он вошел в воду и, сопровождаемый Джипом, поплыл в направлении острова.

Как выяснилось впоследствии, именно это место в заливе Фантиппо считалось у местных жителей самым плохим для купания. Примерно через час с четвертью Джип и Доктор почувствовали, что мощное течение захватило их и несет прямо в открытое море. Они изо всех сил старались дотянуть до острова, но безуспешно.

— Попробуйте дрейфовать, Доктор, — запыхавшись сказал Джип. — Не тратьте свои силы на борьбу с течением. Даже если нас понесет в откры-

— Поворачивай назад, Джип, — с трудом
проговорил Доктор.

тое море мимо острова, то мы всегда сможем вернуться на берег дальше, там, где течение уже не будет таким сильным.

Но Доктор не отвечал, и по его лицу Джип понял, что силы Доктора на исходе. Тогда Джип громко залаял, в надежде что Даб-Даб услышит его на берегу и приведет кого-нибудь на помощь. Но они были уже слишком далеко от берега, и никто не мог их услышать.

— Поворачивай назад, Джип, — с трудом проговорил Доктор. — Не беспокойся обо мне. Со мной все будет в порядке. Поворачивай назад и постарайся доплыть до берега.

Но у Джипа и в мыслях не было одному возвратиться назад и оставить Доктора в беде, хотя он совершенно не представлял себе, как они могут спастись.

А Джон Дулитл, между тем, начал уже захлебываться и пускать пузыри, и Джип по настоящему испугался. Но как раз в тот момент, когда у Доктора, казалось, уже совсем не остается сил, произошло настоящее чудо. Джип вдруг почувствовал, как прямо под ним что-то огромное стало медленно подниматься из воды. Он и Доктор как будто очутились на палубе всплывающей подводной лодки. Они поднимались все выше и выше, пока совсем не поднялись над водой. Тяжело отдуваясь и растянувшись друг возле друга, они в полном недоумении озирались по сторонам.

— Что это такое, Доктор? — спросил Джип, глядя вниз на странное существо, которое тем временем перестало подниматься вверх и, как могучий корабль, понесло их поперек течения прямо в направлении острова.

— Не имею... э-э... ни малейшего... э-э... представ-

ления, — пропыхтел Джон Дулитл. — Может быть, это кит? Нет, не кит, потому что кожа не похожа на китовую. Это какой-то мех, — сказал он, ущипнув то, на чем лежал.

— Если это какое-то животное, — проворчал Джип, — то где же тогда у него голова? — и он уставился на длинную пологую спину, которая простиралась перед ними на протяжении тридцати ярдов и плоско закруглялась в конце.

— Его голова под водой, — ответил Доктор. — Но вон там, сзади, — это его хвост.

Обернувшись назад, Джип действительно увидел самый длинный хвост, какой только может быть у живого существа, который извивался под водой и мощными толчками продвигал их в направлении острова.

— Я понял! — закричал Джип. — Это и есть дракон! Мы сидим верхом на теще короля Какабучи!

— Ну, в любом случае, мы должны быть ей благодарны, что она так вовремя оказалась на месте! — сказал Доктор, вытряхивая воду из ушей. — Еще никогда в жизни я не был так близок к тому, чтобы утонуть. Пожалуй, мне следует привести себя в порядок, пока она не высунула голову.

И развязав узел с одеждой, Доктор быстро натянул ее на себя и заботливо пристроил на голову цилиндр, а тем временем их загадочный спаситель продолжал стремительно и неуклонно приближаться к таинственному острову.

ГЛАВА 7

РАЙ-ДЛЯ-ЖИВОТНЫХ

НАКОНЕЦ необыкновенное животное с Доктором и Джипом на спине добралось до острова и выползло на берег. И когда Джон Дулитл смог впервые разглядеть его целиком, он воскликнул в невероятном волнении:

— Джип, да ведь это же квивффенодохус, провалиться мне на этом месте!

— Квивффено-сдох-что? — переспросил Джип.

— Квивффенодох, — повторил Доктор, — доисторическое животное. Ученые считали, что все они уже давно вымерли и больше нигде на свете нет ни одного из них. Сегодня великий день, Джип. Ты не представляешь себе, как я рад, что мы отправились сюда!

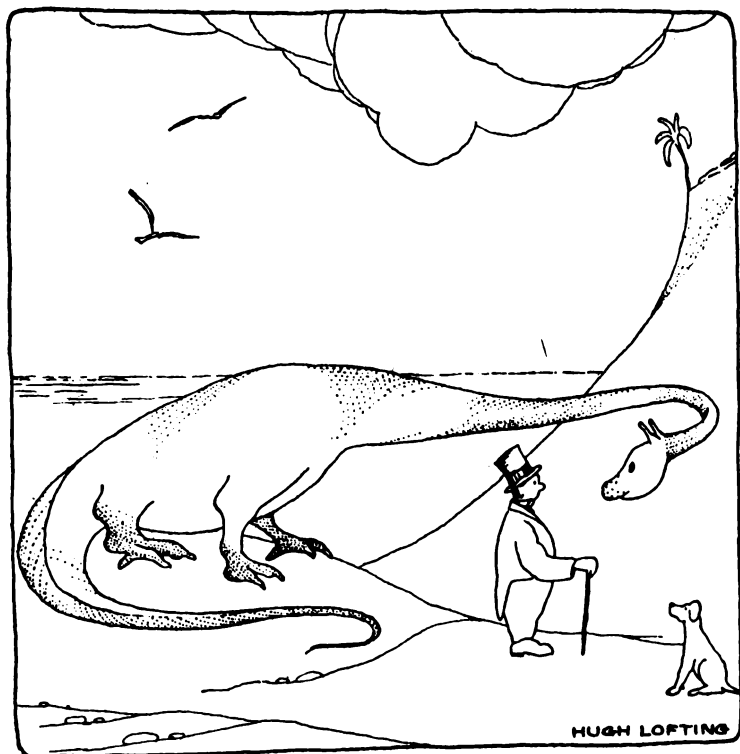
Огромное животное, которое фантиппцы называли драконом, на первый взгляд, напоминало странную помесь крокодила и жирафа. У него были короткие, широко расставленные ноги и очень длинные шея и хвост. На голове располагалась пара маленьких толстых рожек.

Когда Доктор и Джип спустились с его спины, оно повернуло к ним свою голову на длиннющей шее и обратилось к доктору:

— Вы теперь чувствуете себя нормально?

— Да, спасибо, — ответил Джон Дулитл.

— Я боялся, — сказала животное, — что уже не успею прийти вам на помощь. Это мой брат вас первый заметил. Он сперва решил, что вы туземец, и мы уже приготовились оказать вам традиционный устрашающий прием. Но пока мы наблюдали за вами из-за деревьев, мой брат неожиданно закричал:

— А на самом деле мы не едим ничего, кроме бананов, — сказала странное животное.

«Боже мой! Это же доктор Дулитл — и он тонет. Видишь, как он неловко размахивает руками! Любой ценой его надо спасти — такой человек рождается раз в тысячу лет! Поплыли к нему, быстро!» По всему острову разнеслось известие, что Джон Дулитл, великий Доктор, тонет в открытом море. А ведь мы все так много слышали о вас! И вот, помчавшись к тайной пещере, которая расположена на дальнем конце острова, мы бросились в море и поплыли к вам под водой. Я плаваю лучше других и подплыл первым. Как хорошо, что я успел вовремя! Но вы уверены, что с вами все в порядке?

— Ну, конечно, — ответил Доктор, — большое вам спасибо. Но почему выплыли под водой?

— Мы не хотели, чтобы туземцы нас заметили, — сказала странное существо. — Они думают, что мы — драконы, и мы стараемся их не разубеждать. Пусть они думают, что хотят, зато они не подплывают близко к острову и он целиком в нашем распоряжении.

Животное вытянуло свою шею еще дальше и прошептало доктору на ухо:

— Они считают, что мы пожираем людей и изрыгаем пламя! А на самом деле мы не едим ничего, кроме бананов. Но когда кто-нибудь из туземцев пытается подобраться к острову, мы собираемся возле провала в середине острова и заглатываем туман, который всегда висит там. Потом мы возвращаемся на берег и яростно ревом, выдыхая туман через ноздри, и туземцы думают, что это дым. Таким образом нам удавалось уже тысячу лет оставаться полными хозяевами острова. Это единственное место на земле, где мы еще сохранились и можем жить в тишине и покое.

— Невероятно интересно! — сказал Доктор.

— А знаете, натуралисты считают, что такие животные, как вы, уже давно вымерли. Ведь вы же квиффенодох, не так ли?

— О, нет, — возразило животное. — Квиффенодохи действительно давным давно вымерли. А мы — пиффилозавры. У нас на задних ногах по шесть пальцев, а у квиффенодохов, которые нам приходились кузенами, их было только пять.

— Но где же все остальные обитатели острова? — спросил Доктор. — Мне показалось, что вы сказали, будто бы многие из вас поплыли нам на помощь.

— Так оно и было, — сказал пиффилозавр. — Но они скрывались под водой, чтобы туземцы с берега не могли их заметить и, не дай бог, сообразить, что страшная сказка про тещу-дракона всего лишь выдумка. А в то время, как я плыл с вами сюда, они кружили около нас под водой, на случай если мне понадобится какая-нибудь помощь. Сейчас они все поплыли на другой конец острова к тайной пещере, чтобы выбраться на берег незаметно. И нам тоже пора уходить. Что бы ни случилось, нас не должны увидеть с берега, а то сюда наплывут туземцы, и тогда нам конец, потому что, между нами говоря, хотя они и считают нас ужасными чудищами, — на самом деле мы безобиднее овечек и не сможем защититься от них.

— А кроме вас, здесь живут какие-нибудь другие животные? — спросил Доктор.

— Сколько угодно, — ответил пиффилозавр. — Но только все они такие же безобидные травоядные, как и мы. Если бы у нас тут появились хищники, мы бы долго не протянули. А сейчас пойдемте, я покажу вам наш остров. Давайте потихоньку пере-

беремся через эту лошину, чтобы нас не заметили, пока мы не укроемся под защитой леса.

Под руководством пиффилозавра Джон Дулитл и Джип осмотрели весь остров Земля-без-людей, и позже Доктор утверждал, что никогда в жизни ему не доводилось узнать за один день так много нового и никогда в жизни это не доставляло ему такого большого удовольствия. Берега острова со всех сторон были высокими и крутыми, что и делало его, по словам Джипа, похожим на сливовый пудинг. Но в середине острова невидимая с моря и укрытая высокими берегами от ветров располагалась цветущая долина. В этой огромной чаше, имевшей не менее тридцати миль в поперечнике, пиффилозавры и благоденствовали уже вторую тысячу лет, обедаясь спелыми бананами и резвясь под теплым солнцем.

В небольших, но полноводных речках Доктор увидел огромные стада гиппопотамов, которые питались роскошными водорослями, в изобилии растущими вдоль берегов. Среди лугов, заросших высокой сочной травой, паслись слоны, носороги и антилопы. На склонах гор, где растительность не была такой густой, длинноногие жирафы ощипывали листву с деревьев. Бесчисленные стада всевозможных обезьян с криками носились вокруг. В воздухе сновали тысячи разноцветных птиц. Действительно, здесь, где еще не ступала нога человека и растительная пища произрастала в изобилии, любое травоядное могло жить в покое и безопасности рядом со своими собратьями.

Обозревая с вершины холма эту широкую долину, наполненную мирно пасущимися животными, Доктор невольно вздохнул.

— Эта прекрасная земля могла бы также называться Рай-для-животных, — пробормотал он.

— Пусть они всегда будут здесь единственными хозяевами! Пусть этот уголок навсегда останется Землей-без-людей!

— Вы, Доктор, — раздался возле его плеча низкий голос пиффилозавра, — первый человек за тысячу лет, который ступил на этот берег, с тех пор как здесь побывала теща короля Какабучи.

— А между прочим, что же на самом деле с ней случилось? — спросил Доктор.

— Мы выдали ее замуж, — застенчиво ответило огромное существо, покусывая стебелек ллии. — Она говорила так много, что мы не могли оставить ее здесь. Это было что-то ужасное — мы очень хорошо понимали короля Какабучи. И однажды темной ночью мы отвезли ее на дальний берег Африки и оставили на пороге дворца, в котором жил один глухой король, который правил маленькой страной к югу от реки Конго. Он взял ее в жены. Все-таки ему было полегче выносить ее бесконечные разговоры.

На несколько дней Доктор совершенно забыл про почтовую службу, про короля Коко, про свой корабль, стоящий на якоре, и про все на свете. С утра до ночи он был занят лечением здешних животных.

У многих жирафов болели копыта, и он показал им, где можно найти корешки, которые можно использовать для целебных ножных ванн. У носорогов отрастали слишком длинные рога, и Джон Дулитл объяснил, что им надо есть меньше травы и больше ягод, и научил о какие камни нужно тереться, чтобы рога не росли так быстро. Особая разновидность ореховых деревьев, листья которых антилопы любили больше всего, почти перевелась на острове, потому что антилопы их постоянно

объедали. Доктор подсказал вожакам стада, как можно копытами закапывать орехи в землю перед началом сезона дождей, чтобы весной вырастали новые деревья.

Однажды, когда он с помощью цепочки от часов пытался вырвать больной зуб у детеныша гиппопотама, откуда ни возьмись появился Быстрей-Ветра, который выглядел очень недовольным.

— Ну, наконец-то, — сказала маленькая птичка, садясь на землю у его ног, — насилу нашел вас, Доктор. Где я только вас ни искал!

— Рад тебя видеть, Быстрей-Ветра, — ответил Доктор. — У тебя ко мне дело?

— Вы еще спрашиваете! — удивился Быстрей-Ветра. — Мы закончили выведение птенцов два дня назад, а вы сами сказали, что как только это произойдет, то вы хотели бы обсудить со мной какое-то важное дело. Я отправился к вам домой, но Даб-Даб понятия не имела, где вы можете быть. Тогда я принялся за поиски. Наконец я услышал, как лодочники в гавани болтают, что пять дней назад вы отправились на этот остров и до сих пор не вернулись. Все фантиппцы уже давно простились с вами. Они говорят, что вас, должно быть, съели драконы, которые там живут. Я, конечно, не поверил в эту сказку про драконов, но вас так долго не было, и я уже просто не знал, что и подумать. А уж что без вас творится на почте — лучше об этом и не вспоминать!

— Хм! — сказал Доктор, который к этому времени уже выдернул шатающийся зуб и теперь показывал маленькому гиппопотаму, как надо полоскать рот в речной воде. — Конечно, нехорошо получилось. Мне надо было дать тебе знать о себе. Но я был так ужасно занят... Давай-ка присядем там, под пальмой, — я ведь хотел с тобой поговорить как раз о почтовой службе.

Однажды, когда Доктор с помощью цепочки
от часов пытался вырвать больной зуб у
детеныша гиппопотама, откуда ни возьмись
появился Быстрей-Ветра.

ГЛАВА 8

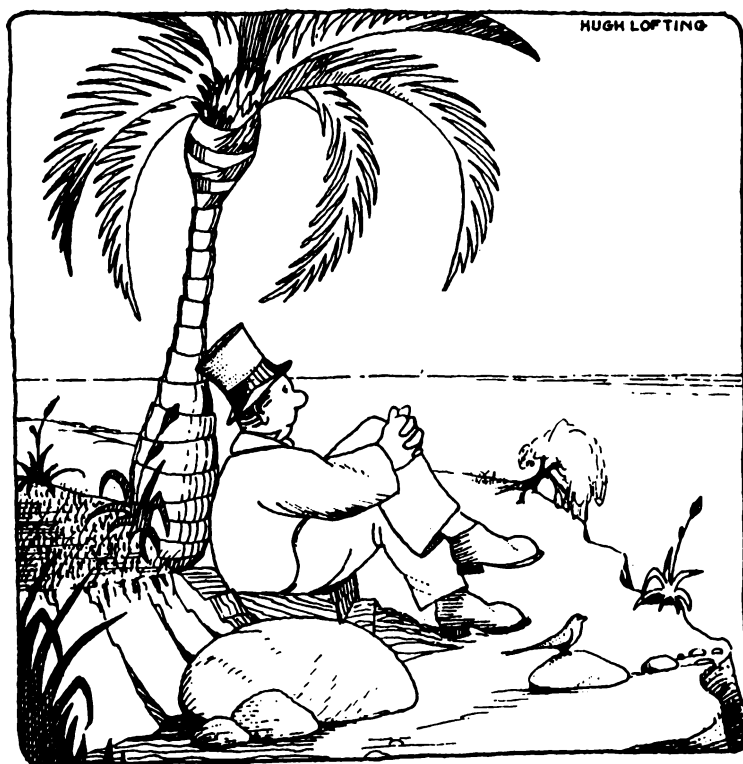
САМАЯ БЫСТРАЯ ПОЧТА В МИРЕ

ДОКТОР, Джип и Быстрой-Ветра уселись в тени пальмовых деревьев, и здесь состоялся первый разговор об этой удивительной службе, которая вскоре стала известна под названием Ласточкина почта.

— Мой план таков, — сказал Доктор. — В Фантиппо трудно наладить регулярную доставку международной почты, потому что корабли, с которыми можно было бы ее отправлять, заходят сюда слишком редко. А что если доставлять эти письма будут ласточки?

— Ну что же, — ответил Быстрой-Ветра, — в принципе это возможно. Но мы, конечно, могли бы этим заниматься только несколько месяцев в году, пока мы здесь, в Африке. И потом, мы могли бы доставлять письма только в страны с мягким, теплым климатом. Если нам придется доставлять почту туда, где зимы суровые, мы попросту замерзнем.

— Разумеется, — сказал Доктор. — У меня и в мыслях не было вас об этом просить. Но я подумал, что на земле много птиц, которые живут в самых разных климатических зонах — жарких, холодных и умеренных, — и мы могли бы в этих случаях обращаться к ним. А если окажется, что доставка некоторых писем будет слишком трудна для одной птицы, то можно это делать с помощью эстафеты. Например, если нам нужно отправить письмо отсюда на Северный полюс, то сначала ласточки доставляют его на север Африки, оттуда дрозды переправляют его на север Шотландии, там

Доктор, Джип и Быстрой-Ветра уселись в тени
пальмовых деревьев.

эстафету принимают чайки и приносят письмо в Гренландию, а уж оттуда бакланы легко доберутся с ним до Северного полюса. Как тебе нравится такой план?

— Я думаю, что это, вполне можно осуществить, — ответил Быстрей-Ветра, — но ведь нужно, чтобы другие птицы поддержали вашу идею.

— Мне кажется, — сказал Джон Дулитл, — что они нас поддержат, потому что тогда не только фантиппцы, но и сами птицы и все другие животные тоже могли бы посылать свои письма с нашей почтой.

— Но, Доктор, вы забыли, что ни птицы, ни животные не посылают друг другу писем, — возразил Быстрей-Ветра.

— Правильно, — сказал Доктор. — Но почему бы им не начать это делать? Когда-то в давние времена люди тоже не посылали друг другу писем. Но стоило им начать, как они сразу увидели, насколько это удобно и полезно. Так же будет с птицами и с животными. А здесь, на этом прекрасном острове, в этом Раю-для-животных у нас была бы главная контора. Дело в том, что моя идея в первую очередь имеет в виду улучшение жизни и образования для животных и только во вторую — отправку международной почты жителей Фантиппо. Как ты думаешь, нельзя ли как-нибудь научить птиц писать?

— В этом нет ничего трудного, — ответил Быстрей-Ветра. — Мы, ласточки, например, всегда оставляем на домах, где были наши гнезда, что-то вроде посланий для тех, кто там поселится после нас. Смотрите, — Быстрей-Ветра начертил несколько крестиков и значков на песке возле ног Доктора, — это означает: «Не стройте своего гнезда на этом

доме. Здесь живет кошка!» А вот это, — Быстрей-Ветра начертил на песке еще четыре знака, — значит: «Хороший дом. Полно мух. Жильцы спокойные. Глину для строительства можно найти за конюшней».

— Замечательно! — воскликнул Доктор. — Это похоже на стенографию. Четырьмя значками можно передать целое послание.

— Да и у всех других видов птиц, — продолжал Быстрей-Ветра, — есть свой язык знаков. Например, зимородки обычно помечают деревья по берегам рек, чтобы указать, где хорошо ловится рыба. Есть свои знаки и у дроздов — один из них я часто встречал на камнях, он означает: «Раковины улиток разбивайте здесь!» Это делается для того, чтобы другие дрозды не швыряли раковины обо что попало и не распугивали всех улиток в округе.

— Я так и думал, — сказал Доктор. — Я всегда считал, что у птиц должны быть хотя бы зачатки письменного языка — иначе вы не были бы такими умными. Все что нам теперь осталось сделать — это создать на основе этих знаков общий для всех птиц язык. И я нисколько не сомневаюсь, что такой язык можно придумать и для животных. И тогда мы смогли бы открыть нашу Ласточкину почту, чтобы звери и птицы во всем мире переписывались друг с другом и даже с людьми, если захотят.

— Я подозреваю, — вставил Быстрей-Ветра, — что большинство этих писем будет адресовано вам, Доктор. В самых разных уголках света я встречал птиц, которые хотели бы узнать, как вы выглядите, что вы едите на завтрак и еще кучу всяких глупостей про вас.

— Ну что же, — сказал Доктор, — я ничего не имею против. Но все же основная моя цель —

просветительская. Жизнь зверей и птиц станет гораздо полней и интересней, когда у них появится своя почтовая служба. Вот, скажем, только сегодня антилопы с этого острова спрашивали меня, что им делать с ореховыми деревьями, которые они почти все уже объели. Я им сразу же показал, как нужно сажать орехи и выращивать новые ореховые деревья. Но Бог знает, сколько им еще пришлось бы питаться впроголодь, не окажись я здесь. А если бы они могли написать мне письмо, я бы с помощью Ласточкиной почты давным-давно сообщил им об этом способе.

Когда стемнело, пиффилозавры отвезли Доктора и Джипа обратно в Фантиппо а наутро Джон Дулитл вновь нанес визит королю Коко.

— Ваше величество, — сказал Доктор, — я придумал, как организовать доставку международной корреспонденции из вашей страны, но вы должны будете согласиться на мои условия.

— Хорошо, — ответил король. — Наше величество вас слушает. Продолжайте. Не хотите ли леденец?

Доктор взял зеленый леденец из коробочки, которую король протянул ему. Король Коко очень гордился качеством своих леденцов, ведь их делали в его королевской кондитерской. Один леденец он всегда носил на ленточке на шее и время от времени сосал его. А если не сосал, то подносил его к глазам и сквозь него рассматривал своих придворных. Он однажды видел, как белые люди пользовались лорнетом, и приказал делать леденцы для себя очень тонкими и прозрачными, чтобы он мог так же элегантно смотреть сквозь них. Правда, от непрерывного сосания леденцов он ужасно растолстел, но

это его только радовало, потому что полнота в Фантиппо считалась признаком величия.

— Мой план таков, — начал Доктор, — почту внутри страны вполне смогут разносить ваши собственные почтальоны, после того, как я еще немного позанимаюсь с ними. Но они все равно не справятся с доставкой международной корреспонденции. К тому же в ваш порт слишком редко заходят иностранные суда. Поэтому я предлагаю построить плавучую почтовую контору для международной почты и поставить ее на якоре около острова... — Доктор едва успел остановиться, чтобы не произнести ужасное название, — ... э-э... около того острова, о котором мы с вами говорили недавно...

— Нашему величеству это не нравится, — нахмурился король Коко.

— Вашему величеству нечего опасаться, — затопился Доктор. — Никому из ваших людей никогда не нужно будет появляться на этом острове. И не понадобится никаких служащих, чтобы работать на этой почте. Напротив, мое условие в том и заключается, чтобы никто из жителей Фантиппо никогда не посещал тот остров, о котором идет речь. Я сам с помощью своих собственных почтальонов буду отправлять международную корреспонденцию. Когда кто-то из жителей Фантиппо захочет отправить письмо за границу, ему нужно будет только отвезти его на каноэ в плавучую контору. А те письма, которые придут из-за границы на имя местных жителей, будут регулярно доставляться прямо к их дверям. Что вы скажете на это?

— Мы согласны, — ответил король. — Но на всех марках должно быть только изображение нашего красивого лица и ничего другого.

— Очень хорошо, — сказал Доктор. — Это можно устроить. Но вы должны понять, что теперь

вся международная почта будет доставляться моими почтальонами и по моему плану. А после того, как я налажу работу внутренней почты, вы должны будете сами поддерживать ее в порядке. Если бы вы могли приготовить плавучую контору хотя бы за несколько недель, то я обещаю вам, что в вашем королевстве очень скоро будет самая лучшая почтовая служба в мире.

Затем Доктор поручил Быстрей-Ветра разослать гонцов во все концы света и передать вожакам чаек, синиц, сорок, дроздов, выюров, бакланов, ястребов, пеночек, диких гусей и всех других птиц, что Джон Дулитл просит их прибыть на Землю-без-людей для важного разговора. А сам тем временем снова занялся делами внутренней почтовой службы Фантиппо.

Добросовестный Быстрей-Ветра немедленно разослал своих гонцов, и скоро по всему свету разнеслась весть, что Джон Дулитл, знаменитый звериный доктор, хочет зачем-то встретиться с предводителями всех видов птиц, больших и малых.

Постепенно птицы собирались в большой долине посреди Земли-без-людей, и через три дня Быстрей-Ветра прилетел к Доктору и сказал:

— Все готово, Доктор, они уже все в сборе.

К тому времени по приказу короля Коко в распоряжении Доктора уже было большое прочное каноэ. Король также распорядился о срочном строительстве плавучей почтовой конторы.

Джон Дулитл сел в каноэ, и через несколько часов он снова был на том холме, с которого впервые увидел прелестную долину Рая-для-животных. На плече у Доктора примостился Быстрей-Ветра. Доктор оглядел огромное море птичьих голов: здесь были все птицы, какие только существуют на свете

Доктор проианес торжественную речь.

— от колибри до альбатросов. И все они были вожакими. И тогда, свернув себе из пальмового листа рупор, чтобы все могли его услышать, Доктор произнес торжественную речь, с которой и началась история знаменитой Ласточкиной почты.

После того, как Доктор закончил свою речь и объяснил вожакам, зачем он их собрал, птицы всего мира устроили ему овацию — они кричали, свистели, чирикали, хлопали крыльями... Поднялся ужасный шум, который был слышен даже на улицах Фантиппо где туземцы в ужасе шептались друг другу, что на Земле-без-людей началась война драконов.

Затем Доктор спустился вниз и с блокнотом в руках переговорил с каждым вожаком, расспрашивая о всевозможных сигналах и знаках, которые были в ходу у птиц. Исписав блокнот целиком, Доктор пообещал птицам встретиться с ними завтра и отправился домой. Всю ночь он не сомкнул глаз, работая над составлением птичьего языка, а на следующее утро снова приплыл на остров, чтобы продолжить обсуждение.

Было решено, что главная контора Ласточкиной почты будет находиться на Земле-без-людей, а ее филиалы разместятся на мысе Горн, в Гренландии, на Рождественских островах, на Таити, в Кашмире, на Тибете и в Падлби-на-Болоте. Договорились, что перелетные птицы, которые мигрируют, улетая на север или возвращаясь на юг в зависимости от сезона, будут забирать с собой почту во время своих ежегодных перелетов. А поскольку все птицы мигрируют в разное время, то в доставке почты практически не будет перерывов.

Кроме того, были еще птицы, которые всегда живут в одной стране и не покидают своих мест обитания. Вожак этих птиц добрался на остров

под руководством своих перелетных коллег специально чтобы сделать любезность Доктору и присутствовать на этом грандиозном собрании. Они пообещали, что их стаи будут обеспечивать круглогодичную доставку по адресам той почты, которая будет прибывать в их края. Таким образом, за эти две первые встречи птичья почтовая служба была в общих чертах более или менее распланирована.

Затем Доктор и все вожаки условились о создании простого и легкодоступного языка, общего для всех птиц, чтобы адреса на конвертах были понятны каждому пернатому почтальону. После этого Джон Дулитл отослал всех вожаков по домам обучать своих родственников читать и писать на этом языке и рассказать всем птицам на свете, как будет работать почтовая служба и как много хорошего, по мнению Доктора, она должна принести. А сам отправился домой и впервые за последние дни хорошенько выспался.

На следующее утро выяснилось, что распоряжение короля Коко выполнено и плавучая почтовая контора уже готова, причем обустроена она — на заглядение. Ее отбуксировали в море и поставили на якорь поблизости от острова. Даб-Даб, Джип, Гу-Гу, Габ-Габ, Тяни-Толкай, белая мышка и сам Доктор покинули свое жилище на главной улице Фантиппо и до конца своего пребывания в Африке перебрались на плавучую международную почту.

Теперь Джон Дулитл и его звери целыми днями в поте лица устраивали новую контору: расставляли мебель, размещали ящики для марок и открыток, весы, мешки для писем и кучу всякого другого инвентаря. Даб-Даб, конечно, как всегда, занималась хозяйством и следила за тем, чтобы помещение было тщательно подметено каждое утро.

Джип был сторожем — в его обязанности входило запира́ть контору на ночь и открывать по утрам. Гу-Гу, зная его прекрасные математические способности, поручили ведение бухгалтерии — он должен был подсчитывать, сколько продано марок и на какую сумму. Сам же Доктор сидел у справочного окна и отвечал на сто и один вопрос, которые посетители всегда задают на почте. А безотказный Быстрей-Ветра помогал всем понемногу.

И первое письмо не заставило себя ждать. Король Коко собственной персоной прибыл на новую почту и, всунув свое широкое лицо в окно для справок, спросил:

— За какой самый короткий срок можно доставить письмо в другую страну?

— Британская почтовая служба гордится тем, что может доставить письмо из Лондона в Канаду за четырнадцать суток, — ответил Доктор.

— Отлично, — сказал король. — Вот письмо нашему другу — он содержит салон по чистке обуви в Алабаме. Посмотрим, как быстро мы получим ответ.

Доктор хотел было объяснить королю Коко, что на новой почте пока еще не все готово для срочной доставки международной корреспонденции, но Быстрей-Ветра подпрыгнул на столе и прошептал:

— Дайте это письмо мне, Доктор. Мы ему покажем. — И вылетев наружу, он вызвал к себе Кви́па.

— Кви́п Отважный Посланец! — торжественно сказал он ему. — Доставь это письмо на Азорские острова так быстро, как только сможешь. Там ты как раз застанешь каролинских белохвостиков, улетающих в Соединенные Штаты. Передай письмо им и скажи, чтобы они переправили сюда ответ как можно скорее.

Он не успел договорить, как Квип Отважный Посланец уже скрылся из виду.

Было четыре часа дня, когда король Коко принес свое письмо на почту. И когда его величество проснулся на следующее утро и спустился к завтраку, возле его тарелки уже лежал ответ на его послание!

ЧАСТЬ II

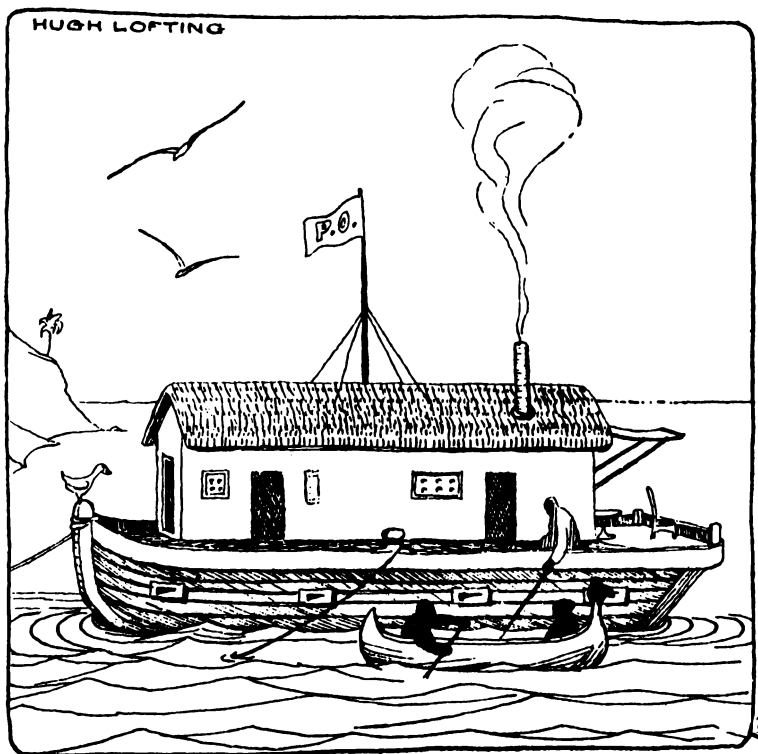
ГЛАВА I

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ПОЧТОВАЯ КОНТОРА

КОГДА Ласточкина почта начинала свою работу, никто, даже сам Джон Дулитл, не мог предполагать, в какое грандиозное предприятие она в конце концов превратится и какое количество событий будет с ней связано.

Конечно, поначалу всем пришлось очень многому учиться и многое придумывать на ходу, прежде чем такая невиданная почта стала работать, как хорошо отлаженный механизм. Каждый день возникали новые проблемы. Но Доктору, хотя у него и без того было очень много дел и ему приходилось работать буквально на износ, все это ужасно нравилось. Только заботливая Даб-Даб очень беспокоилась, потому что первое время у него совсем не оставалось времени для сна.

Безусловно, во всей истории цивилизации никогда еще не было ничего похожего на почтовую контору Доктора. Во-первых, это была плавучая контора, во-вторых, в ней всем — и служащим, и посетителям — каждый день подавали чай в четыре часа дня, а по воскресеньям еще и сэндвичи с огурцами. Над задним крыльцом конторы Доктор распорядился сделать широкий навес, и получилось что-то вроде небольшой веранды, с которой открывался прекрасный вид на море и залив. Среди наиболее просвещенных жителей Фантиппо считалось очень фешенебельным приехать на почту к четырем часам дня, чтобы выпить там чашку чаю. И если бы вам случилось оказаться там в это время, вы бы наверняка застали на веранде самого короля Коко и всех главных сановников города.

Плавучая почтовая контора на
Земле-без-людей.

Другой вещью, которая выгодно отличала почтовую контору Доктора от всех других, были письменные принадлежности. Доктор давно обратил внимание, что на всех почтах, как правило, были отвратительные ручки. Мало того, что они пачкались, ставили кляксы и рвали бумагу — они, вдобавок, и совершенно не писали. Надо сказать, что на многих почтах эту традицию любовно оберегают и в наши дни. Но доктор позаботился, чтобы у него ручки были самого высокого качества. Конечно, в те времена еще не применялись ручки со стальными перьями. Вместо них употребляли перья птиц. И Джон Дулитл договорился с альбатросами и чайками, чтобы они сохраняли для него хвостовые перья, которые выпадают у них во время линьки. Естественно, при таком большом выборе можно было отобрать сколько угодно самых лучших перьев для письма.

Еще одной вещью, которая отличала почту Доктора от всех прочих, был клей для марок. Запас клея, который оставался на королевской почте, довольно быстро подошел к концу, и Доктору пришлось срочно изобретать свой собственный клей. После большого числа экспериментов он придумал, как сделать из лакрицы отличный клей, который быстро застывал и очень крепко держался. Но, как я уже говорил, жители Фантиппо чрезвычайно любили сладкое. И едва только в почтовой конторе появился новый клей, туземцы вдруг начали покупать марки сотнями.

Поначалу Доктор никак не мог понять откуда взялась такая небывалая деловая активность, из-за которой кассиру Гу-Гу приходилось каждый вечер подолгу задерживаться после закрытия, подсчитывая дневную выручку. Денег стало так много,

что они уже не помещались в сейфе и их излишки пришлось хранить в вазе, стоящей на камине.

Но со временем Доктор заметил, что покупатели, облизав обратную сторону марки, приносили ее обратно с просьбой обменять на деньги. Ведь есть такое правило, что служащие почты обязаны по первому требованию обменивать проданные марки на деньги, которые за них были заплачены. При этом в правилах ничего не говорится о том, слизан с марок клей или нет, — главное, чтоб марки не были порваны или проштемпелеваны. Доктор понял, что ему придется искать для своих марок какой-нибудь другой клей, если он хочет, чтобы их вообще можно было приклеить.

И вот однажды родной брат короля Коко приехал на почту, страдая от сильной простуды. В перерыве между двумя приступами ужасного кашля он попросил, чтобы ему продали пять полупенсовых марок и какое-нибудь лекарство. Это навело Доктора на некоторые мысли. Следующий состав клея, который он придумал для своих марок, он назвал «коклюшным клеем». Он сделал его из особого вида сладкого клеящегося лекарства от кашля. Он также изобрел «бронхитный клей», «скарлатинный клей» и еще несколько других. И теперь, когда в городе появлялось какое-нибудь инфекционное заболевание, Доктор покрывал марки соответствующим клеем и эпидемия прекращалась. Он называл это «обклеиванием» эпидемии. Такой метод лечения высвободил ему много времени, потому что туземцы обычно очень часто беспокоили его по поводу своих простуд, ангин и прочих болезней. Он оказался первым Главным Почтмейстером в мире, который при продаже марок впридачу избавлял своих клиентов от всевозможных заболеваний.

Как-то раз в шесть часов вечера Джип, как всегда в это время, запер почтовую контору и повесил на дверь табличку «Закрыто». Услышав, как он задвигает засов, Доктор окончил пересчитать почтовые открытки и достал свою трубку. Вся основная организационная работа была в общих чертах завершена, и в этот вечер, услышав звук задвигающегося засова, Джон Дулитл подумал, что теперь он может уже позволить себе работать только в рабочее время, а не трудиться без отдыха день и ночь. И когда Джип зашел в отделение заказной корреспонденции, он увидел, что Доктор очень удобно расположился в кресле, и, задрав ноги на стол, с удовлетворением оглядывает все вокруг.

— Ну, Джип, — вздохнул он, — наконец-то наша почта по-настоящему работает.

— Да, — сказал Джип, ставя на пол сторожевой фонарь, — и как работает! Во всем мире нет ничего подобного.

— Ты знаешь, — сказал Джон Дулитл, — хотя мы открыли свое заведение уже неделю назад, сам я не написал еще ни единого письма. Представляешь, жить на почте целую неделю и не написать никому ни строчки! Посмотри на этот ящик. Обычно при виде такого количества марок мне всегда хотелось отправить десятки писем. Всю жизнь, когда я собирался написать кому-нибудь письмо, у меня не оказывалось под рукой марки. И вот теперь, как нарочно, когда я сижу целыми днями на почте, я не могу придумать, кому бы мне написать письмо.

— Какая жалость! — огорчился Джип. — И это при том, что у вас такой красивый почерк, не говоря уже о целом ящике почтовых марок! Ну, ничего, вспомните о всех тех животных, которые ждут от вас весточки...

— Конечно, есть еще Сара, — продолжал Доктор, задумчиво попыхивая трубкой. — Бедная милая Сара! Хотел бы я знать, за кого она вышла замуж. Но вот поди ж ты, у меня нет ее адреса. Получается, я не могу написать Саре. И мне кажется, что никто из моих бывших пациентов не ждет от меня никаких писем.

— Я знаю! — закричал Джип. — Напишите Продавцу Кошачьей Еды.

— Он не умеет читать, — мрачно произнес Доктор.

— Зато его жена умеет, — сказал Джип.

— Это верно, — пробормотал доктор. — Но о чем же я ему напишу?

Как раз в этот момент в окно влетел Быстрей-Ветра и сразу начал:

— Доктор, надо что-то срочно делать с доставкой писем по городу Фантиппо. Мои почтовые ласточки не справляются, они плохо разбирают названия улиц и номера на домах. Видите ли, хотя мы, ласточки, и гнездимся на разных зданиях, нас все-таки нельзя назвать городскими птицами. Обычно мы выбираем одиноко стоящие строения — где-нибудь за городом или в деревне. Поэтому мои ласточки не очень хорошо ориентируются на городских улицах. Некоторые из них сегодня принесли обратно те письма, которые получили утром, утверждая, что не могут найти адресатов.

— Н-да! — сказал Доктор. — Это очень плохо. Дайте-ка мне подумать минутку. Все понятно! Надо послать за Чипсайдом.

— Кто такой этот Чипсайд? — спросил Быстрей-Ветра.

— Чипсайд — это воробей, который живет в Лондоне, — ответил Доктор. — Он каждое лето

навещает меня в Падлби-на-болоте. Все остальное время он проживает возле собора Святого Павла. Он обычно устраивает гнездо в левом ухе Святого Эдмунда.

— Где-где? — удивленно закричал Джип.

— В левом ухе статуи Святого Эдмунда, что стоит за стеной у алтаря, ну, короче, в этом соборе, — объяснил Доктор. — Чипсайд — это тот, кто нам нужен, чтобы наладить доставку почты в городе. Нет ничего такого, чего он не знал бы про дома и города. Я сейчас же пошлю за ним.

— Я боюсь, — сказал Быстрей-Ветра, — что вашему посыльному, если только он сам не будет городской птицей, будет очень нелегко разыскать в Лондоне воробья. Это ведь огромный город, не так ли?

— Да, это правда, — задумался Джон Дулитл.

— Послушайте, Доктор, — заговорил Джип, — вы только что не могли придумать, о чем бы таком написать Продавцу Кошачьей Еды. Пусть Быстрей-Ветра напишет записку для Чипсайда на птичьем языке, а вы вложите ее в письмо Продавцу Кошачьей Еды и попросите его отдать записку этому воробью, когда он летом снова прилетит погостить в Падлби-на-болоте.

— Отлично придумано! — воскликнул Доктор.

Он схватил со стола лист бумаги и сейчас же начал писать.

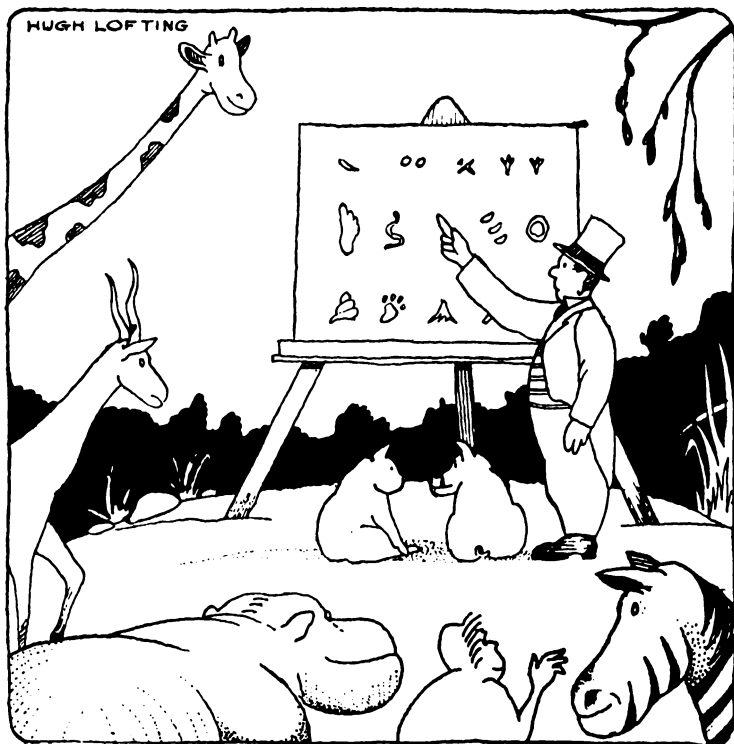
— Вы заодно могли бы попросить его, — вставила Даб-Даб, которая слышала весь разговор, — проверить, не разбились ли окна с задней стороны дома. Нам бы не хотелось, чтобы дождь и снег замочили наши постели.

— Хорошо, — сказал Доктор. — Я упомяну и об этом.

Доктор написал свое письмо и адресовал его: Мэтью Маггу, эсквайру, Продавцу Кошачьей Еды, Падлби-на-Болоте, Помойшир, Англия. И хотя письмо было отослано с Квипом Отважным Посланцем, доктор не рассчитывал, что ответ придет быстро, потому что жена Продавца Кошачьей Еды читала очень медленно, а писала еще медленнее. Кроме того, Чипсайд не должен был прилететь в Падлби-на-болоте раньше следующей недели. Он никогда не покидал Лондона до окончания пасхальных праздников. Жена не отпускала его в деревню, пока он не научит весенний выводок, как находить дома, где жильцы выбрасывают хлебные крошки, как выхватывать овес прямо из торбы под носом у лошадей и не попасть при этом под копыта, как ориентироваться на шумных улицах Лондона и множеству других премудростей, которые должны знать городские птицы.

Квип отправился в свою далекую командировку, а жизнь в конторе Доктора продолжала кипеть ключом. Все животные: Гу-Гу, Даб-Даб, Габ-Габ, Тяни-Толкай, белая мышка и Джип очень полюбили свое плавучее жилище, а когда им надоедало качаться на волнах, они устраивали пикники на Земле-без-людей, которую, впрочем, теперь чаще называли тем именем, которое дал ей Джон Дулитл — Рай-для-животных.

Доктор с радостью присоединялся к этим поездкам, но и там он не терял времени даром. Он брал с собой записную книжку и, беседуя с разными животными, заносил в нее знаки и условные обозначения, которыми они пользуются. И вскоре, используя эти записи, Доктор придумал что-то вроде письменного языка для животных — «звериные

Доктор проводил уроки письма для животных
из Большой Долины.

каракули», как он сам их называл, — так же, как в свое время он придумал письменный язык для птиц.

Как только у Доктора выдавалось свободное время, он проводил уроки письма для животных из Большой Долины, и эти уроки очень прилежно посещались. Конечно, легче всех усваивали материал обезьяны, и Доктор даже назначил некоторых из них своими помощниками. Но и зебры оказались тоже весьма сообразительными. Доктор выяснил, что эти сметливые животные знают, как пометить и скрутить траву, чтобы показать, где они учуяли запах львов, — и хотя, к счастью, в Раю-для-животных им не было нужды это делать, они помнили этот знак еще с тех времен, когда впервые приплыли на остров с материка.

Все домашние животные Доктора каждый день внимательно просматривали приходящую почту, проверяя, не пришло ли кому-нибудь из них письмо. Но писем первое время было не очень-то много. Тем временем Квип вернулся из Падлби-на-болоте с ответом от Продавца Кошачьей Еды. Мистер Мэтью Магг (рукой своей жены) писал, что повесил записку для Чипсайда на яблоневое дерево в саду, где тот непременно ее увидит, когда прилетит. Он написал еще, что с окнами в доме все в порядке, но вот заднюю дверь не мешало бы покрасить.

В ожидании ответа Квип коротал время в саду, болтая со скворцами и черными дроздами о том, какая замечательная почтовая служба для животных есть теперь на Земле-без-людей. И вскоре уже каждая собака в округе знала об этом все до мельчайших подробностей.

После этого письма для домашних животных Доктора пошли просто косяком. Первым пришло письмо для Даб-Даб от ее родной сестры, потом —

для белой мышки от ее двоюродного брата, обитавшего в ящике письменного стола. Джип получил письмо от одного колли, который жил по соседству в Падлби-на-болоте, а Гу-Гу — от своей жены, которая писала, что в их гнезде под крышей конюшни прибавление: шесть маленьких птенцов. И только Габ-Габ ни от кого не получил письма. Бедный поросенок чуть не плакал от обиды, что все друзья его забыли, и однажды, когда Доктор после обеда поехал в город, Габ-Габ попросился с ним.

На следующий день птицы-почтальоны, которые принесли в контору утреннюю почту, жаловались, что она сегодня что-то уж очень тяжелая. Почту разобрали, и оказалось, что там было десять толстых писем для поросенка Габ-Габа и больше ничего другого. Джипу это показалось подозрительным. Он подсмотрел, как поросенок вскрывает свою почту и увидел, что в каждом конверте лежала кожура от банана.

— Кто это тебе прислал? — спросил Джип.

— Я сам себе это послал вчера из Фантиппо, — ответил Габ-Габ. — Не вам же одним получать письма! Раз никто мне не пишет, то я и решил написать себе сам.

ГЛАВА 2

ЧИПСАЙД

ПОЯВЛЕНИЕ в почтовой конторе Доктора лондонского воробья Чипсайда внесло большое оживление в жизнь ее обитателей.

Доктор сидел у своего справочного окошка и закусывал сэндвичами, как вдруг какая-то маленькая птичка просунула голову в окно и произнесла хриплым голосом отчаянного лондонского кокни*:

— Пррривет, Доктор, а вот и я! Ну, дела-делишки! Значит, опять за старое? Кто бы подумал, что вы все это затеете?

У Чипсайда был тот еще характерец. Сразу было ясно, что его воспитала городская улица. Он и держался совсем не так, как другие птицы. Вот, к примеру, Быстрей-Ветра тоже никто и никогда не заподозрил бы в неумении постоять за себя, но при этом весь его облик светился благородной провинциальной добропорядочностью. А в глазах Чипсайда каждый мог прочесть дерзкое, бесшабашное выражение, которое, казалось, говорило: «Не воображайте, что вам удастся меня провести. Я — птичка-кокни!»

— Да это же Чипсайд! — воскликнул Джон Дулитл. — Ну, наконец-то ты прилетел. Боже мой, как я рад тебя видеть! Как прошло твоё путешествие?

— Не так плохо, как могло быть, — ответил Чипсайд, поглядывая на крошки, оставшиеся от обеда Доктора. — Обошлось без штормов. Вполне приличное путешествие. Правда, было немного

* Кокни — насмешливое прозвище лондонского простолюдина.

жарковато, но жар костей не ломит! Ну и местечко у вас тут — какая-то баржа...

Тем временем все обитатели плавучей почтовой конторы сбежались посмотреть на путешественника и послушать, какие новости он принес из Англии.

— Как там поживает моя старая лошадь? — спросил Джон Дулитл.

— Еще хоть куда! — ответил Чипсайд, — Конечно, она уже не та, что раньше, но для своего возраста держится очень неплохо. Она попросила меня отнести вам букетик красных роз, что растут над входом в конюшню. Но я сказал ей, я так ей сказал: «Я тебе что, омнибус, что ли? Это я-то в моем возрасте полечу через всю Атлантику с красными розочками в клюве? Да народ подумает, что я собрался на Южный полюс на свадьбу!»

— Ох, Чипсайд! — рассмеялся Доктор. — Старый кокни! Стоит мне услышать твоё чириканье, как я начинаю скучать по Англии.

— И я тоже, — вздохнул Джип. — Небось, там теперь крыс в дровяном сарае!..

— Видимо-невидимо, — подтвердил воробей, — и все жирные, как кролики. И нахальные, как будто это ихнее родовое имение!

— Я с ними разберусь, когда мы вернемся, — пообещал Джип. — Уже осталось недолго.

— А как там наш сад? — спросил Доктор.

— Лучше не спрашивайте, — ответил воробей.

— Дорожки заросли... Правда, ирисы, что растут под окном у кухни, смотрятся еще ничего себе...

— А что творится в Лондоне? — спросила белая мышка, которая тоже была горожанкой.

— В старом добром Лондоне всегда что-нибудь творится, — ответил Чипсайд. — Теперь там у

кабов не четыре колеса, а только два, и гоняют они в сто раз быстрее, чем прежние развалюхи. Старых уже нигде и не увидишь. Это все придумал какой-то Хэнсом. Возле Биржи открылась новая овощная лавка...

— Я тоже собираюсь открыть овощную лавку, когда вырасту, — пробормотал Габ-Габ, — но только в Англии, где умеют выращивать такие хорошие овощи. Африка мне надоела, а дома я бы весь год мог заниматься разведением овощей.

— Он целыми днями только об этом и говорит, — сказал Гу-Гу. — У него единственная цель в жизни — открыть овощную лавку!

— Ах, Англия! — с чувством воскликнул Габ-Габ. — Что может быть прекраснее, чем сердцевина молодого латука* в солнечный весенний день?

— Вы только посмотрите на него, — поднял брови Чипсайд. — Какой поэтичный молодой кабанчик! Почему бы вам, мистер Будущий Окорок, не сочинить венок сонетов** в честь присылки партии тухлой капусты из Луизианы?

— Ну, хватит, Чипсайд, — сказал Доктор. — Лучше послушай. Мы бы хотели, чтоб ты занялся доставкой писем в городе Фантиппо. Нашим почтовым ласточкам очень трудно ориентироваться в городе и находить улицы и дома, куда они должны доставлять письма. А ты — городская птица, родился и вырос в городе. Сможешь нам помочь?

— Посмотрим, что я смогу для вас сделать, Док, — ответил воробей. — Надо сначала поглядеть, что это за город. Но первым делом я должен принять ванну. Я весь сопре, пока летел под этим проклятым солнцем. Нет ли у вас тут на примете какой-

* Латук — овощное растение, салат.

** Венок сонетов — цикл из 15 сонетов (особая форма стихотворения).

нибудь приличной лужи, где уважающий себя воробей мог бы освежиться?

— К сожалению, в этом климате лужу так сразу не найдешь, — сказал Доктор. — Ты же понимаешь, это тебе не Англия. Лучше я наберу тебе воды в кружку, из которой бреюсь.

— Только не забудьте ее хорошенько прополоскать, Док, — прочирикал Чипсайд, — а то мыло ужасно щиплет глаза.

На следующий день, когда Чипсайд как следует выпался и отдохнул, Доктор показал этому лондонскому воробышку весь город Фантиппо

— Ну что же, Док, — сказал Чипсайд, после того как они все осмотрели, — городишко, конечно, так себе, средней паршивости. Хотя и большой — ничего не скажешь. Я и не думал, что в Африке есть такие большие города. Но улицы очень узкие! Понятно, почему у них тут нету кэбов — тут и два козла-то не разойдутся, чего уж говорить о четырехколесных экипажах. А дома здесь, похоже, делают из внутренностей старого матраса. Значит так, во-первых, надо сказать ихнему королю Кокосу, чтобы он приказал своим ребятам прицепить молотки на ихние дурацкие двери. Что это за дом такой, если у него нет дверного молотка, хотел бы я знать? Как это почтальон будет доставлять письма, когда ему нечем толком постучать в дверь?

— Это нетрудно устроить, — сказал Доктор. — Я поговорю с королем сегодня после обеда.

— И потом, — продолжал Чипсайд, — у них же нет почтовых ящиков. В дверях должны быть специальные прорези, куда почтальоны суют письма, а этим бестолковым дикарям можно сунуть письмо только в печную трубу.

— Очень хорошо, — сказал Доктор. — Этим я

тоже займусь. Где, по-твоему, должны быть почтовые ящики — посередине двери или где-нибудь сбоку?

— Лучше всего прищпандорить их по два на каждую дверь, — ответил Чипсайд.

— А это еще для чего? — поинтересовался Доктор.

— Есть у меня тут одна идейка, — сказал воробей. — На одном ящике надо написать «Счета», а на другом — «Письма». А то многие люди очень обижаются на почтальонов. Представляете себе: к вам стучит почтальон, вы открываете ему и, конечно, думаете, что вам пришло письмо от старого друга или извещение о смерти тетки, которая оставила вам большое наследство, а вместо этого получаете счет от портного. Тут каждый обидится. Но если приделать два ящика, то почтальон будет засовывать все счета в один из них, а письма, ясное дело, — в другой, и все будут очень довольны. Можно ведь все устроить по-современному! Ну, что скажете?

— По-моему, замечательно придумано, — ответил Доктор. — В этом случае люди будут разочарованы только один раз — когда придет срок оплачивать все счета сразу.

— В том-то и штука! — сказал Чипсайд. — И еще: скажите своим почтовым ласточкам, чтобы они стучали один раз, если это счета и два раза — если это письма. Тогда хозяйева будут знать, вынимать им почту или нет. Даю вам слово, мы покажем кое-что этим язычникам! Мы в этом Фантипси такую почту устроим, какая им тут и не снилась! А кстати, доктор, как будет с рождественскими подарками? Ведь почтальонам всегда дарят что-нибудь эдакое на Рождество.

— Да, но я боюсь, — ответил Доктор с сомне-

нием в голосе, — что эти люди не празднуют Рождество.

— Не празднуют Рождество?! — Чипсайд был просто потрясен. — Какой неслыханный скандал! Нет, Доктор, так дело не пойдет. Вы должны сказать этому королю Какао-Макао, что если он и его люди не будут дарить почтальонам подарки на Рождество, то никакая почта не будет доставляться к ним в Фантипси с Нового года до самой Пасхи. Можете сослаться на меня. Давно пора покончить с ихним вопиющим невежеством!

— Ладно, — сказал Доктор, — попробую что-нибудь сделать.

— Скажите ему, — заявил Чипсайд, — чтоб на Рождество у каждой двери клали по два кусочка сахара. Не будет сахара — не будет писем!

В этот день после обеда Доктор зашел к королю Коко и изложил ему пожелания Чипсайда. Его Величество милостиво согласился на все. Над дверями домов были укреплены прелестные бронзовые молоточки — очень легкие, чтобы птицы могли без труда их поднимать. На фоне убогих лачуг, в которых жило большинство населения Фантиппо эти молоточки выглядели чрезвычайно элегантно. Были установлены и двойные почтовые ящики: одна прорезь предназначалась для счетов, а другая — для писем.

Джон Дулиттл также постарался объяснить королю Коко, что Рождество — это такой праздник, когда все делают друг другу подарки. И обычай делать подарки на Рождество — не только почтальонам, но и друзьям и родственникам — очень быстро приобрел огромную популярность среди радушных фантиппцев. Поэтому, когда спустя несколько лет после отъезда доктора из страны в эту часть Африки прибыли миссионеры, они были невероятно

Были установлены и двойные почтовые ящики:
с одной прорезью для счетов, а другой — для
писем.

удивлены тем, что эти язычники празднуют Рождество. Но миссионеры так никогда и не узнали, что этот обычай ввел Чипсайд, дерзкий лондонский воробей.

Вскоре Чипсайд взял на себя доставку почты во всем городе Фантиппо. Но со временем местные жители так привыкли писать друг другу письма по любому поводу, что Чипсайд уже не мог в одиночку справляться со всей корреспонденцией. Тогда он отправил с ласточкой письмо в Лондон, чтобы там набрали ему в помощь еще пятьдесят таких же бойких воробьев, как он. А когда наступило время туземных праздников Полнолуния и Прихода Сезона дождей, Чипсайду пришлось послать в Лондон еще за полсотней воробьев, чтобы справиться с дополнительным наплывом праздничной почты.

Если бы вы прошли по улицам Фантиппо в девять часов утра или в четыре часа дня, вы бы слышали, как воробьи-почтальоны постукивают бронзовыми молоточками по дверям фантиппцев: тук-тук! — если это обычное письмо и — тук! — если это счет к оплате. Конечно, они не могли доставлять больше чем два-три письма за один раз — ведь воробьи очень маленькие птички. Но всего за несколько минут они успевали слетать за новой порцией корреспонденции на плавающую почту, где Гу-Гу уже ждал их со стопками писем, рассортированными в ящики под названиями «центр», «западный центральный район», «юго-запад» — и так для всех районов города. Это была еще одна идея Чипсайда — разбить весь город на районы, как делалось в Лондоне, чтобы почта доставлялась быстро и не надо было искать адресатов по всему городу.

Помощь Чипсайда была просто неоценимой для почтовой канторы Доктора. Сам король Коко признал, что работа городской почты организована

прекрасно — письма доставляются аккуратно и в срок, и ни одно из них не попадает по неправильному адресу.

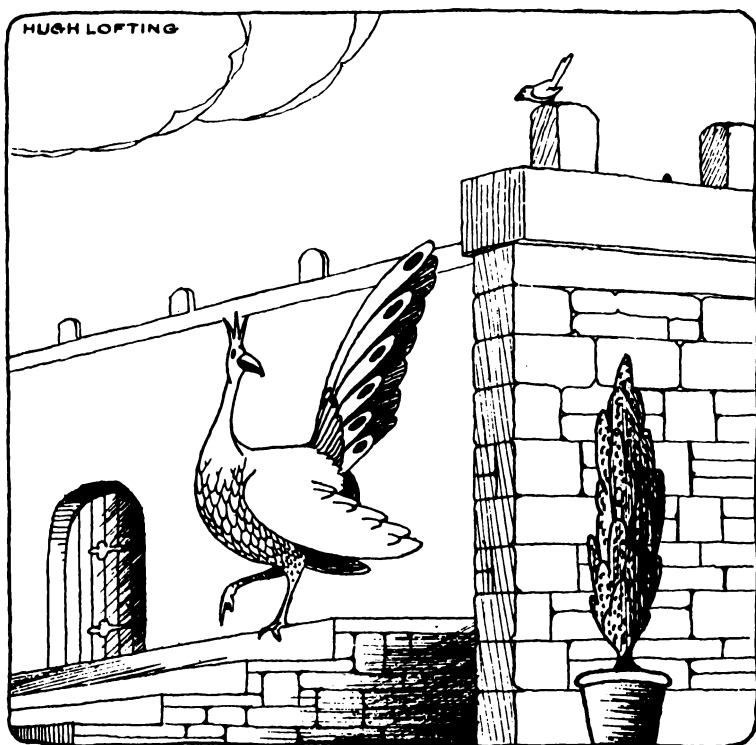
У него был только один недостаток, у этого Чипсайда — он был ужасный грубиян. Когда он бывал чем-нибудь недоволен, с его языка сыпались такие виртуозные ругательства из лексикона лондонских кокни, что хоть святых вон выноси. Несмотря на то, что Доктор снова и снова издавал распоряжения, чтобы все служащие почты и птицы-почтальоны были как можно вежливее с клиентами, Чипсайд постоянно вступал с ними в пререкания и более того, как правило, являлся их инициатором.

Однажды, когда белый павлин, любимец короля Коко, пожаловался Доктору, что этот хулиган Чипсайд строил ему рожи из-за дворцовой стены, Доктор потерял терпение и сделал Управляющему городской почтой строгий выговор. Тогда Чипсайд собрал целую стаю своих лондонских дружков, прилетел с ними ночью в дворцовый сад и устроил расправу над белым павлином, вырвав целых три пера из его роскошного хвоста.

Это последнее хулиганство переходило уже все границы, и Джон Дулитл вызвал к себе Чипсайда и немедленно его уволил, хотя, видит Бог, как ему не хотелось этого делать.

Но когда Чипсайд улетел домой, все его лондонские приятели последовали за ним, и почта осталась без городских почтальонов. Ласточки и другие птицы старались изо всех сил поддерживать регулярную доставку корреспонденции, но они мало что смыслили в этом деле, и вскоре от городского населения стали поступать жалобы.

Доктор был ужасно огорчен и еще раз горько

Белый павлин пожаловался Доктору, что
Чипсайд строит ему рожи из-за дворцовой
стены.

пожалел, что уволил Чипсайда, ведь только он единственный мог управляться с доставкой городской почты. Представьте себе восторг Доктора (хотя он и старался изо всех сил выглядеть сердитым), когда однажды утром Чипсайд, как ни в чем не бывало, вошел в контору, независимо пожеывая соломинку.

Джон Дулитл думал, что Чипсайд и его друзья улетели в Лондон. Но он ошибался. Воробьи прекрасно знали, как Доктор нуждается в них, и просто прятались все это время в окрестностях города. И тогда Доктор, прочитав им еще раз нотацію о том, что почтальон должен вести себя прилично, принял их снова на работу.

Но буквально на следующий день неугомонный воробей швырнул почтовой чернильницей все в того же белого павлина, когда тот вместе с королем Коко приплыл в контору на традиционную чашку чая. И Доктор уволил Чипсайда еще раз.

Со временем это стало системой: примерно раз в месяц Доктор был вынужден увольнять воробья за грубость или хулиганство. И сразу же вслед за этим в доставке городской почты начинались перебои. Но в тот момент, когда ситуация становилась критической, Управляющий городской почтой возвращался к своим обязанностям и всякий раз исправлял положение.

Чипсайд был замечательной птицей. Но прожить целый месяц без того, чтобы с кем-нибудь не сцепиться, было выше его сил. Доктор утешал себя тем, что это заложено в его характере и с этим уже ничего не поделаешь.

Г Л А В А 3

ПРО ПТИЦ, КОТОРЫЕ ПОМОГЛИ КОЛУМБУ

ПОСЛЕ того, как Доктор отослал по Ласточкиной почте письмо Продавцу Кошачьей Еды, он начал вспоминать обо всех тех людях, которым он уже так давно не писал ни строчки. И теперь каждую свободную минуту он садился писать письма своим многочисленным друзьям и знакомым во все концы света.

Помимо этого, ему приходилось вести обширную переписку со зверями и птицами. Он написал подробные инструкции всем предводителям птичьих стай, которые возглавляли почтовые отделения на мысе Горн, на Тибете, на Таити, в Кашмире, на Рождественских Островах, в Гренландии и в Падлби-на-Болоте, особенно упирая на то, что все служащие почты должны быть предельно вежливы с клиентами. Он ответил на все вопросы, которые задавали в своих письмах его пернатые почтмейстеры по поводу организации работы почтовых отделений. Он разослал письма всем коллегам-натуралистам и написал им подробно об ежегодных перелетах и миграциях птиц, поскольку, занимаясь птичьей почтой, он собрал по данному предмету огромное количество совершенно новых сведений.

У входа на почту Доктор установил доску объявлений, на которой вешал информацию о прибывающей и убывающей почте. Выглядело это приблизительно так:

«В следующую среду, 18 июля, краснокрылые ржанки полетят с почтой в Данию, в район пролива Скагеррак. На всех письмах должна быть четырехпенсовая марка. Просьба приносить почту

заблаговременно. Принимаются также небольшие попутные посылки в Марокко, Португалию и на острова Ла-Манша».

Еще во время встречи на Земле-без-людей с вожаками всех птичьих стай Доктор записал себе в книжечку сроки их ежегодных миграций и приблизительное время их пролета мимо острова, а также откуда и куда они будут направляться. Книжку с этими записями он берег пуще глаза. Таким образом, Доктор знал заранее, каких птиц и в какое время ему ждать на Земле-без-людей, и он всегда следил, чтобы к прилету тех или иных стай были приготовлены запасы их самой любимой еды.

Однажды, когда Доктор разбирал большую кипу писем, предназначенных к отправке, Быстрей-Ветра присел отдохнуть в чашку почтовых весов. И вдруг он с ужасом закричал:

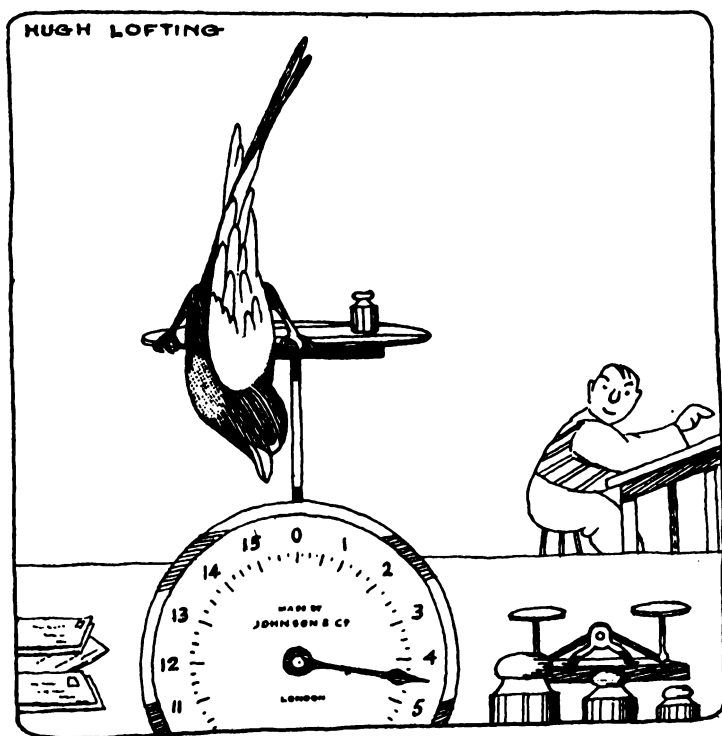
— Боже мой, Доктор, я поправился на целую унцию! Теперь я уже никогда не смогу участвовать в соревнованиях по полетам на скорость. Посмотрите, они показывают четыре с половиной унции!

— Не волнуйся, Быстрей-Ветра, — ответил Доктор. — На чашке весов кроме тебя еще лежит гирька весом в унцию. Так что сам ты вешишь только три с половиной унции.

— А, — успокоился Быстрей-Ветра, — вот в чем дело! Я никогда не был силен в арифметике. Прямо от сердца отлегло! Слава Богу, я не поправился!

— Послушай-ка, — сказал Доктор, — у нас скопилось много писем, адресованных в Панаму. Куда у нас завтра отправляется почта?

— Точно не помню, — ответил Быстрей-Ветра. — Надо пойти посмотреть на доске объявлений. Мне кажется, что завтра летят золотистые сойки. Точно, — подтвердил он, возвратившись от доски

— Боже мой, Доктор, я поправился на целую унцию, — с ужасом закричал Чипсайд.

объявлений, — завтра, во вторник, пятнадцатого числа, летят золотистые сойки, если, конечно, погода будет хорошей.

— А куда они летят? — спросил Доктор. — А то моя записная книжка лежит в сейфе.

— Из Дагомеи в Венесуэлу, — проговорил Быстрой-Ветра, прикрывая правой лапкой зевок.

— Отлично, — сказал Джон Дулитл. — Значит, они смогут доставить все эти письма в Панаму. Им не придется делать большой крюк. А что едят золотистые сойки?

— Больше всего они любят желуди, — ответил Быстрой-Ветра.

— Хорошо, — произнес Доктор. — Передай, пожалуйста, чтобы Габ-Габ съездил на остров и попросил диких кабанов набрать парочку мешков желудей. Я хочу, чтобы все птицы, которые для нас работают, могли как следует подкрепиться, прежде чем они отправятся в далекий полет.

Проснувшись на следующее утро, Доктор услышал за окном громкий шум и щебетание и понял, что ночью прилетели золотистые сойки. Он оделся и вышел на веранду. Конечно же, это были они — мириады симпатичных черных с золотом птичек, которые беспрестанно перелетали с места на место, трещали, тархтели и с огромной скоростью поедали желуди, которые кучами были рассыпаны для них на полу.

Их вожак, старый знакомый Доктора, подошел получить указания и посмотреть, сколько писем им надо будет взять с собой.

После того, как все было обговорено и вожак убедился, что в ближайшие двадцать четыре часа стае не грозят ни дождь, ни ураган, он дал команду, и все птицы разом поднялись в воздух, просвистев

прощальные приветствия Главному Почтмейстеру Дулитлу и всем обитателям почтовой конторы.

— Кстати, Доктор, — сказал вожак стаи, на минутку вернувшись назад, — вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Христофор Колумб?

— Ну, конечно, — ответил Доктор. — Он открыл Америку в 1492 году.

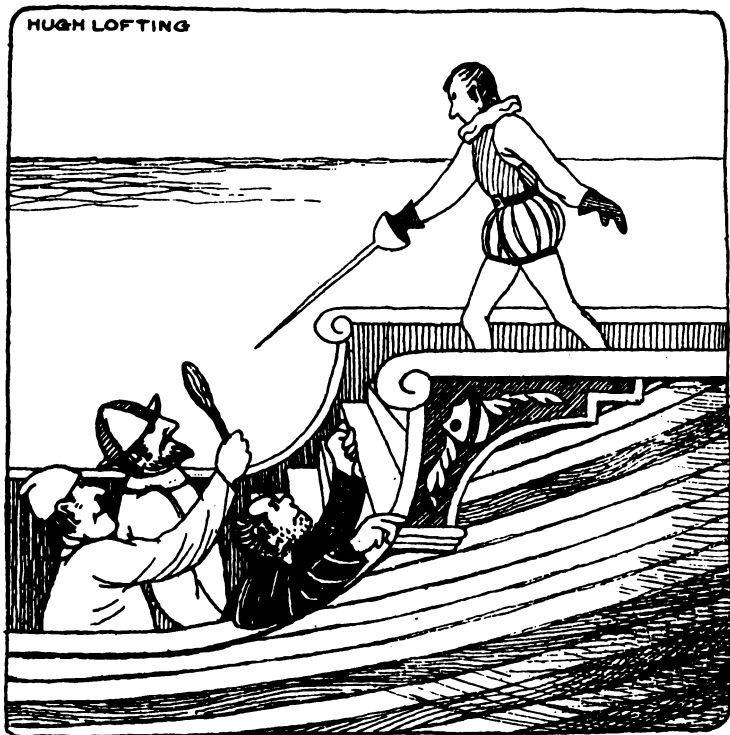
— Так вот, я только хотел сказать вам, — заявил вожак, — что если бы не один мой предок, то он не смог бы открыть ее в 1492 году — может быть, немного попозже, но никак не в 1492ом.

— Неужели! — воскликнул Джон Дулитл. — Расскажи-ка мне поподробней обо всем этом.

Доктор достал свою записную книжку и приготовился записывать.

— Ну, — начал рассказывать вожак соек, — вся история дошла до меня от моей матери, которая слышала ее от своей бабушки, а та узнала о ней от своей прабабушки, и так далее вплоть до того самого нашего предка, который жил в Америке в пятнадцатом веке. В те времена сойки не летали из Америки через Атлантический океан ни летом, ни зимой. С марта по сентябрь они жили на Бермудских островах, а остальное время - в Венесуэле. И когда они перелетали осенью на юг, то останавливались по пути отдохнуть на Багамах. Осенью 1492 года стояла ужасная погода. Без конца бушевали бури и ураганы, и сойки никак не могли отправиться в путь до самой середины октября. Мой предок много лет был вожаком стаи. Но к этому времени он уже состарился, и для перелета в Венесуэлу на его место выбрали более молодого. Новый вожак оказался очень самонадеянным юнцом. Он решил, что раз его выбрали вожаком, то он уже все знает о погоде, навигации и морских перелетах. Вскоре

после того, как птицы наконец отправились в полет, к своему великому изумлению, они увидели несколько кораблей, которые направлялись на запад. Это случилось примерно на полпути между Бермудскими и Багамскими островами. Сойки в первый раз видели такие большие корабли — они привыкли только к маленьким каноэ, на которых плавали индейцы. Новый вожак очень испугался и дал приказ свернуть поближе к материку, чтобы их не заметили с больших кораблей. Он был довольно ограниченной птицей и старался держаться подальше от всего, чего не мог понять. Но мой предок не полетел вместе со всеми, а направился прямо к кораблям. Он отсутствовал около двадцати минут, но вскоре догнал стаю и сказал вожаку: «Там, на большом корабле, один храбрый человек попал в беду. Они долго плыли из Европы в поисках материка, и матросы, не зная, что земля совсем близко, взбунтовались против своего капитана. Я многожил на этом свете и знаю этого храброго мореплавателя. Однажды, когда я летел через море — самый первый раз в моей жизни, — началась буря и я отбился от стаи. Целых три дня шторм мотал меня над океаном и отнес далеко к востоку, к Старому Свету. И когда я от слабости уже едва не падал в воду, я увидел корабль. Мне был необходим отдых. Я был измучен борьбой со штормом и умирал от голода. И я из последних сил подлетел к кораблю и полумертвым свалился на палубу. Матросы хотели поймать меня и посадить в клетку. Но капитан корабля — тот самый мореплаватель, чьей жизни сейчас угрожают взбунтовавшиеся матросы, — накормил меня крошками и, можно сказать, вернул к жизни. А потом, когда погода стала лучше, он отпустил меня и я полетел в Венесуэлу.

Матросы взбунтовались против своего
капитана.

Надо спасти жизнь этому капитану. Мы — сухопутные птицы, и если мы подлетим поближе к кораблям, матросы увидят нас и поймут, что земля уже где-то близко, и тогда они снова будут повиноваться своему капитану».

— Да-да, — проговорил Доктор. — Продолжай, пожалуйста. Я припоминаю, что Колумб упоминал о сухопутных птицах в своем дневнике. Продолжай.

— И вот, — продолжал вожак соек, — вся стая повернула к кораблям, которыми командовал Колумб. Они успели как раз вовремя. Матросы уже совершенно вышли из повиновения. Они твердили в один голос, что никакой земли здесь нет и быть не может, и грозили убить своего капитана, если он немедленно не повернет обратно в Испанию. Но когда они увидели, как огромная стая сухопутных птиц пролетела над кораблями, причем в юго-западном, а не в западном направлении, то они воспряли духом и поняли, что земля должна находиться где-то поблизости. Так птицы указали им путь на Багамы, и на седьмой день рано утром с криками «Земля! Земля!» команда пала на колени и вознесла благодарственные молитвы небесам. Впереди по курсу у них лежал омываемый лучезарным морем остров Уотлинг, один из самых маленьких Багамских островов. Тут матросы собрались вокруг капитана Христофора Колумба, которого еще совсем недавно они собирались убить, и прокричали «ура!» в его честь, провозгласив его величайшим мореплавателем мира, что, между прочим, вполне соответствовало действительности. Но сам Колумб так никогда и не узнал, что та беспомощная птичка, которая упала когда-то на палубу его корабля, указала ему самый короткий путь к материку Нового Света. Вот видите, Доктор, — закончил свою

историю вожак соек, торопясь лететь за своей стаей, — если бы не мой предок, то Колумбу пришлось поворачивать назад, иначе бы его убили, и Америка была бы открыта много позже. До свидания! Мне уже пора. Спасибо за желуди!

ГЛАВА 4

МАЯК НА МЫСЕ СТИВЕНА

На побережье Западной Африки примерно в двадцати милях к северо-западу от Фантиппо, был мыс, выдававшийся далеко в море, на котором стоял маяк, который назывался маяк мыса Стивена. Правительство страны, на чьей территории находился маяк, тщательно следило, чтобы он всегда горел и все корабли могли видеть огонь издали и определять по нему свое местоположение. Эта часть побережья была очень опасной для навигации. Мыс Стивена окружали всевозможные скалы и отмели, и если бы ночью огонь маяка погас, то все корабли, находящиеся в этой части моря, сильно рисковали потерпеть крушение.

Однажды вечером, вскоре после того, как золотистые сойки улетели на запад, Доктор сидел у окна в своей конторе и писал письма при свете свечи. Было уже поздно, и все звери давно спали крепким сном. Вдруг Доктор услышал вдалеке какой-то странный звук, который донесся через открытое окно. Он отложил перо и прислушался.

Это был крик какой-то морской птицы, летевшей далеко в открытом море. Доктор знал, что морские птицы обычно не кричат в полете, если только они не летят большой стаей. А здесь, похоже, кричала одинокая птица.

Доктор высунул голову в окно и огляделся. Ночь была черной, как сапожная вакса, и он ничего не смог увидеть, тем более что его глаза не сразу привыкли к темноте после света свечи. Загадочный крик повторялся снова и снова и звучал, как призыв о помощи. Доктор не знал, что ему делать, но

Мыс Стивена окружали всевозможные скалы
и отмели.

тут ему стало казаться, что крики приближаются. Тогда, схватив свою шляпу, он выбежал на веранду и закричал в темноту: «Кто там? Что случилось?» Никто ему не ответил, но почти сразу же большая чайка опустилась на перила рядом с ним, чуть не погасив его свечу мощным взмахом крыльев.

— Доктор, — задыхаясь проговорила чайка, — погас огонь на маяке мыса Стивена. Не знаю, как это могло случиться. Раньше он все время горел. Мы всегда ориентировались по нему, когда возвращались ночью с моря. Ночь сегодня черней чернил. Как бы какой-нибудь корабль не налетел на скалы возле мыса. Я подумала, что надо бы предупредить вас.

— Боже мой! — воскликнул Доктор. — Что же могло случиться на маяке? Ведь там живет смотритель, который должен следить за огнем. А вечером сегодня свет горел?

— Не знаю, что было вечером, — ответила чайка. — Я целый день ловила селедку там, к северу, — сейчас ведь самый сезон — и вернулась только ночью. Из-за того, что маяк не горел, я заблудилась и залетела гораздо южнее, чем мне нужно. Сообразив это, я повернула назад, но старалась держаться как можно ближе к берегу. На маяке мыса Стивена было совершенно темно, и я сама могла бы врезаться в скалы, если бы не летела очень осторожно.

— Как это далеко отсюда? — спросил Джон Дулитл.

— По суше будет миль двадцать пять, — ответила чайка, — но по морю примерно вдвое меньше.

— Хорошо, — сказал Доктор, поспешно надевая пальто. — Подожди минутку, я только разбужу Даб-Даб.

Доктор поспешил на кухню и разбудил несчастную домоправительницу, которая крепко спала возле кухонной плиты.

— Даб-Даб, проснись! — проговорил доктор, тряся ее за плечо. — Огонь на маяке мыса Стивена погас!

— Что такое? — спросила Даб-Даб, приоткрыв заспанные глаза. — В плите огонь погас?

— Да нет, на маяке мыса Стивена, — нетерпеливо ответил Доктор. — Только что прилетела чайка и рассказала мне об этом. Все корабли в страшной опасности! Да проснись же ты, ради всего святого!

Наконец бедная Даб-Даб совсем проснулась и поняла, в чем дело. Через секунду она уже была на ногах и готова к действию.

— Я знаю, где это, Доктор. Я полечу прямо туда. Нет, чайка может меня не провожать. Лучше пусть она показывает дорогу вам. Сейчас же следуйте за мной на каноэ. Если мне удастся что-нибудь узнать, то я встречу вас на полдороге. А если нет — буду ждать вас у башни маяка. Слава Богу, хоть ночь сегодня спокойная — жаль только, что очень темная!

Взмахнув крыльями, Даб-Даб вылетела через открытое окно и исчезла в темноте, в то время, как Доктор схватил свой маленький саквояж и, крикнув чайке, чтобы она летела за ним, побежал на другой конец плавучего домика, отвязал каноэ и прыгнул в него. Он оттолкнулся веслом от своей конторы, обогнул Землю-без-людей и стал грести изо всех своих сил в открытое море в направлении мыса Стивена. Где-то на полпути Даб-Даб уже встретила каноэ Доктора — хотя как она смогла найти его в этом кромешном мраке, руководствуясь только зву-

ками шлепающих весел, знает один Господь всемогущий.

— Доктор, — сказала она, — если смотритель маяка и на месте, то он или болен, или с ним что-то случилось. Я стучала во все окна, но никто мне не ответил.

— Ах ты, Боже мой! — пробормотал Доктор, продолжая энергично грести. — Что же там могло произойти?

— Это еще не самая плохая новость, Доктор, — добавила Даб-Даб. — С другой стороны мыса — отсюда это нельзя увидеть — я разглядела ходовые огни большого корабля, который движется на юго-запад и идет прямо на скалы. Они не видят маяка и не знают, в какой они опасности.

— Силы небесные! — простонал Доктор и едва не сломал весло, с силой оттолкнув воду за кормой.

— Как далеко от скал находится корабль сейчас? — спросила чайка.

— Около мили, я думаю, — ответила Даб-Даб. — Но судя по высоте мачтовых огней, это большой корабль и он очень скоро окажется у самых скал.

— Гребите прямо, Доктор, — сказала чайка. — Я слетаю за парочкой моих друзей.

Чайка расправила крылья и полетела к берегу, издавая те же самые крики, которые Доктор слышал из окна плавучей почты.

Джон Дулитл понятия не имел, что она собиралась сделать. Да и сама чайка совсем не была уверена, что ей удастся поспеть вовремя и выполнить свой план. Но тут она с радостью услышала, как на ее призывы кто-то откликнулся у черных береговых скал. И вскоре уже сотни чаек кружили вокруг нее в темноте.

Спустя мгновение они уже все летели к большому кораблю, который, ничего не подозревая, спокойно шел прямо на скалы навстречу верной гибели. Подлетев к мостику, где рулевой стоял у штурвала и поглядывал на компас, качавшийся перед ним в тусклом свете маленького фонаря, чайки стали бросаться прямо в лицо рулевого, закрывая от него стекло компаса и всячески мешая управлять кораблем. Рулевой начал громко звать на помощь, и прибежавшие на его крики офицеры и матросы принялись отгонять назойливых птиц прочь. Но это было не так-то просто.

А тем временем Доктор в своем каное достиг оконечности мыса Стивена и, выпрыгнув на берег, взобрался по скалам туда, где огромная башня маяка возвышалась над черным морем. Пробираясь наощупь, он нашел дверь и застучал что было сил. Но ему никто не ответил, а Даб-Даб хриплым шепотом сказала ему на ухо, что огни корабля еще приблизились — меньше чем полмили теперь отделяли его от скал.

Доктор разбежался и всем телом бросился на дверь. Но петли и замок были рассчитаны на то, чтобы выдержать тяжелые удары морских волн — они даже не дрогнули, как будто Доктор был невесомым, словно муха.

Тогда Доктор с яростным криком схватил огромный валун, размером с хороший арбуз, и ударил изо всех сил по висячему замку. Дверь с треском распахнулась и Доктор вбежал внутрь башни.

А на корабле матросы все еще отбивались от настырных чаек. Капитан, видя, что рулевой не может удержать курс, приказал на время остановить корабль и приготовить водяные шланги. Мощные потоки воды обрушились на чаек, которые

вились возле рулевого, и они уже не могли приблизиться к нему. Корабль снова устремился вперед по направлению к мысу.

В башне маяка было еще темней, чем снаружи. Вытянув перед собой руки, Доктор поспешно шагнул вперед и сразу же споткнулся о тело человека, лежащего прямо возле двери. Даже не остановившись посмотреть, что с ним случилось, Доктор перешагнул через тело и наощупь устремился наверх по винтовой лестнице к прожектору маяка.

Тем временем Даб-Даб оставалась внизу у дверей и смотрела на мачтовые огни корабля, который после недолгой остановки снова двигался в сторону скал. Даб-Даб надеялась, что вот-вот загорится яркий огонь маяка и моряки увидят, в какой они страшной опасности. Но вместо этого она услышала отчаянный голос Доктора, который кричал ей с верхней ступеньки лестницы:

— Даб-Даб! Даб-Даб! Я не могу его зажечь! Мы забыли взять спички!

— А где же ваши спички, Доктор? — отозвалась Даб-Даб. — Вы же всегда носили их в кармане пальто!

— Я оставил их рядом с моей трубкой на справочном столе, — донесся из темноты голос Доктора. — Но ведь на маяке должны быть спички! Надо их срочно найти!

— А вдруг мы не найдем их? — испугалась Даб-Даб. — Здесь темнотища такая, что хоть глаз выколи. А корабль подходит все ближе!

— Посмотри в карманах у смотрителя маяка! — прокричал Джон Дулитл. — Скорее!

В одну секунду Даб-Даб вывернула карманы человека, который неподвижно лежал на полу.

— Ну, надо же, как не везет! — пробормотал Джон Дулитл.

Мертвая тишина повисла в башне, пока Доктор и Даб-Даб на разных концах лестницы мрачно думали, что теперь большой корабль разобьется только потому, что у них не оказалось спичек. Но вдруг в неподвижной темноте они услышали где-то поблизости тихое, ласковое щебетание.

— Даб-Даб! — радостно закричал Доктор. — Ты слышала? Это же канарейка! Она наверняка живет в клетке где-нибудь на кухне!

В следующее мгновение он уже с грохотом мчался вниз по лестнице.

— Идем! — кричал он. — Мы должны найти кухню! Канарейка должна знать, где лежат спички. Ищи кухню!

Держась за стены, они наощупь пробирались в темноте и вскоре наткнулись на низенькую дверь, толкнув которую, оба скатились вниз по коротенькой лестнице, ведущей на кухню. Это была маленькая полуподвальная комнатка, что-то вроде погреба, вырубленного в скале. Если там когда-то и горел свет, то к этому времени он уже давно погас, потому что темнота внутри была такая же непроницаемая, как и везде. Но едва они открыли дверь, как птичий щебет стал слышен гораздо громче.

— Скажи-ка мне, только побыстрей, — заговорил Джон Дулитл на языке канареек, — где у вас тут лежат спички?

— Ну, наконец-то кто-то пришел, — раздался тихий, вежливый голосок из темноты. — Не будете ли вы так любезны накинуть покрывало на мою клетку? Здесь ужасные сквозняки и я не могу уснуть. Почему-то никто не приходил ко мне с полудня вчерашнего дня. Ума не приложу, что

уснуть. Почему-то никто не приходил ко мне с полудня вчерашнего дня. Ума не приложу, что могло случиться со зрителем. Он всегда накрывает мою клетку, когда заходит солнце. Но сегодня он про меня забыл, и мне приходится все время петь. Вы легко найдете мое покрывало на...

— Спички! Спички! Где лежат спички? — заверещала Даб-Даб. — Маяк погас и корабль сейчас врежется в скалу! Где хранятся спички?

— На камине, рядом с коробкой перца, — ответила канарейка. — Подойдите к моей клетке и поищите наверху, слева от нее.

Доктор одним прыжком пересек комнату, свалив при этом стул, и нащупал противоположную стену. Его рука почувствовала угол каменной полки, и тут же Даб-Даб издала глубокий вздох облегчения, услышав жизнерадостное погромыхивание спичечного коробка.

— А на столе еще есть свечка, там, сзади вас, — сказала канарейка, когда пламя от спички тускло осветило кухню.

Трясущимися руками Доктор зажег свечу, и прикрыв пламя ладонями, выбежал из комнаты.

— Наконец-то! — бормотал он, взбега по лестнице. — Будем надеяться, что еще не поздно!

У дверей кухни ему навстречу метнулась чайка.

— Доктор, — закричала она, — мы задержали корабль, насколько могли! Но глупые матросы, не понимая, что мы хотим спасти их, стали поливать нас из брандспойтов, и нам пришлось отступить. Корабль уже совсем близко!

Не говоря ни слова, Доктор бежал вверх по ступенькам винтовой лестнице. Он бежал так быстро, что у него закружилась голова и стали подгибаться ноги. Добежав до верхней комнаты, где стоял

Дрожащими руками Доктор зажег свечу.

огромный стеклянный прожектор, он поставил свечу на стол и, запалив сразу две спички, с двух сторон зажег толстый фитиль.

В это время Даб-Даб уже выбралась наружу и со страхом смотрела на приближающийся корабль. Он был в какой-нибудь сотне ярдов от скалистого берега, когда мощный луч света из башни маяка внезапно осветил море! Тут же раздался крик вперёдсмотрящего, слышались команды капитана, засвистели дудки, зазвенели колокола — огромный корабль в последний момент успел повернуть нос в сторону моря и, скрипя снастями, проплыл мимо.

ГЛАВА 5

ЧАЙКИ И КОРАБЛИ

ПЕРВЫЕ лучи утреннего солнца, пробивавшиеся через окошко маяка, застали Доктора в хлопотах над бедным смотрителем, который все еще лежал без сознания у подножия лестницы.

— Он приходит в себя, — проговорила Даб-Даб.
— Видите, у него начинают дрожать ресницы.

— Принеси-ка мне еще чистой воды из кухни,
— сказал Доктор, промывая большущую шишку на голове смотрителя.

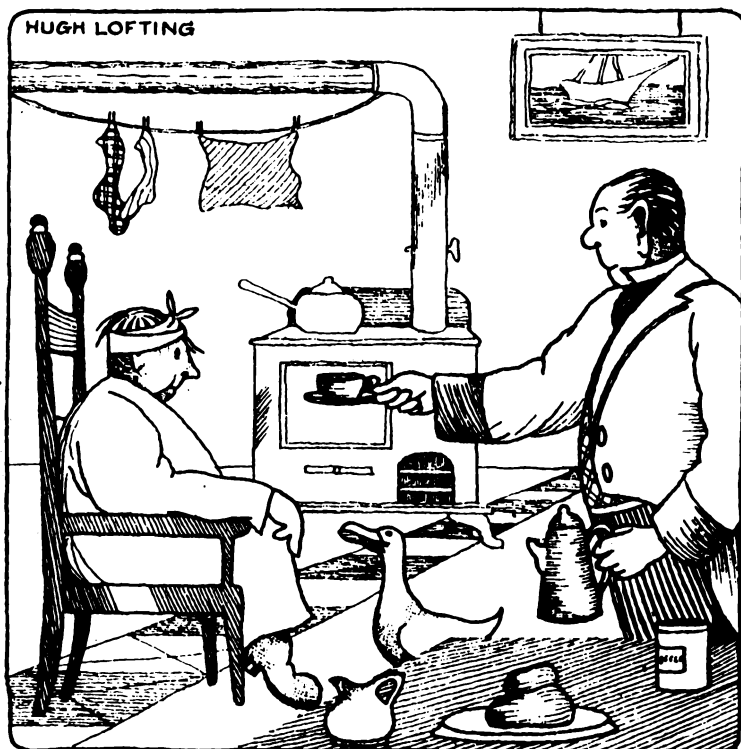
Наконец смотритель широко открыл глаза и уставился на Доктора.

— Кто? Что?.. — невразумительно пробормотал он. — Огонь! Я должен зажечь огонь! Я должен зажечь огонь! — он сделал слабую попытку приподняться.

— Все в порядке, — сказал Доктор. — Огонь был зажжен. А сейчас уже утро. Вот, выпейте-ка это — вам станет полегче.

И Доктор поднес к его губам лекарство, которое он вынул из своего черного саквояжа. Через некоторое время смотритель почувствовал себя способным встать на ноги и с помощью Доктора добрался до кухни, где Джон Дулитл и Даб-Даб осторожно усадили его в кресло, разожгли печку и приготовили завтрак.

— Не знаю, как вас благодарить, незнакомец, — сказал смотритель. — Обычно мы работаем вдвоем, я и мой напарник Фред. Но вчера утром я отпустил Фреда половить устриц и остался один. Где-то около полудня я поменял фитили в прожекторе и, когда спускался вниз, оступился на лестни-

Доктор и Даб-Даб приготовили для
смотрителя завтрак.

це и упал. Я, должно быть, ударился головой о каменную стену, потому что сразу потерял сознание, и не знаю, сколько пролежал там, пока вы не нашли меня.

— Ну, все хорошо, что хорошо кончается, — сказал Доктор. — Выпейте лучше кофе — вы, наверное, умираете с голоду.

И он подал смотрителю большую дымящуюся чашку.

Около десяти часов утра на маленьком баркасе вернулся Фред. Он, как и первый смотритель (который к тому времени уже почти оправился от удара), был родом из Лондона и служил в свое время моряком. Его ужасно встревожило, что несчастный случай произошел как раз тогда, когда он без уважительных причин отлучился с вахты.

Оба смотрителя оказались очень симпатичными людьми. Им не слишком весело жилось на этом одиноком маяке, и они были очень рады обществу Доктора. Они провели его по всем помещениям маяка и с гордостью показали свой маленький садик у подножья башни, в котором росли помидоры и настурции. Раз в году у них был отпуск, и тогда специальный корабль приходил за ними к самому мысу Стивена и увозил их на шесть недель в Англию. А вместо них оставалась другая пара смотрителей, которые работали на маяке, пока они отдыхали.

Смотрители все спрашивали у Доктора, как дела в их любимом Лондоне. Но Дулитлу пришлось признаться, что и сам он давно не бывал там. В этот момент на кухню, где они разговаривали, залетел Чипсайд, который с самого утра нигде не мог найти Доктора. Воробей ужасно обрадовался, когда узнал, что оба смотрителя были из лондонских кокни.

Используя Доктора в качестве переводчика, он рассказал им все последние сплетни про Уэппинг, Лаймхауз, Вест-Индские доки, верфи и даже про движение кораблей по Темзе.

Когда Доктор начал объясняться с Чипсайдом при помощи чирикания, оба зрителя сперва подумали, что он определенно рехнулся. Но услышав от воробья вполне разумные ответы на свои вопросы, они увидели, что здесь нет никакого подвоха.

Чипсайд потом говорил, что физиономии этих двух моряков из Лондона были самым приятным из всего, что он видел с тех пор, как прилетел в Африку. И теперь он в свободное время частенько заглядывал на маяк повидать своих новых друзей. Он, конечно, не мог с ними поговорить, потому что ни один из них не знал воробьиного языка, а, тем более, — воробьиного кокни. Но Чипсайд все равно любил проводить время в их обществе.

— После всех этих местных олухов-язычников, — говорил он, — приятно посмотреть на лицо добропорядочного христианина. Вы бы только послушали, как Фред поет «Посади ж ты травку на мою могилку»!

Смотрители маяка очень огорчились, когда Доктор сказал, что ему пора домой. Они не отпускали его до тех пор, пока он не пообещал, что приедет с ними пообедать в следующее воскресенье. На прощанье они подарили Доктору целую гору красных помидоров и изящный букет настурций, и Доктор вместе с Даб-Даб и Чипсайдом уселись в каноэ и поплыли в сторону Фантиппо, а смотрители долго махали им вслед со ступенек башни.

Они проплыли еще совсем немного, когда над каное появилась та чайка, которая принесла известие о погасшем маяке.

— Все в порядке, Доктор? — поинтересовалась она, выписывая изящные круги вокруг каное.

— Да, — ответил Джон Дулитл, уплетая помидор. — Смотритель упал со ступенек и расшиб голову. Но скоро он уже совсем поправится. Хотя, если бы не канарейка, которая сказала нам, где лежат спички, и не ты, которая задержала корабль, дело могло кончиться очень плохо.

Доктор бросил за борт кожицу от помидора, и чайка ловко подхватила ее на лету, прежде чем она упала в воду.

— Хорошо, что мы успели вовремя, — сказала птица.

— Скажи, — спросил Доктор, задумчиво наблюдая, как чайка зависает над волнами и кружит вокруг его маленькой лодки, — что заставило тебя прилететь ко мне и поднять тревогу? Ведь обычно чайки не слишком беспокоятся о том, что может случиться с людьми и их кораблями — разве нет?

— Вы ошибаетесь, Доктор, — ответила чайка, с невероятным изяществом поймав на лету вторую кожицу от помидора. — И корабли, и люди на них для нас совсем не безразличны — хотя здесь, на юге, это не так важно. А вот на севере, если бы не корабли, то нам, чайкам, было бы почти нечем прокормиться зимой. Когда наступают холода, в море становится совсем мало рыбы и другой еды. Иногда, чтобы не умереть с голоду, нам приходится даже подниматься вверх по рекам в большие города и жить на искусственных водоемах в парках, где держат разных экзотических водоплавающих птиц. В парки приходят люди и бросают птицам печенье.

Доктор бросил за борт кожицу от помидора, и чайка ловко подхватила ее на лету.

Но мы успеваем перехватить это печенье на лету, прежде чем оно упадет в воду. Вот так, — и чайка, сделав молниеносный пируэт, поймала еще один кусочек помидора.

— Но ты начала говорить про корабли, — напомнил Доктор.

— Да, — продолжала чайка не очень членораздельно, потому что рот у нее был набит кожурой от помидора, — мы считаем, что около кораблей зимой можно еще лучше прокормиться. Понимаете, в общем-то это не очень хорошо — отнимать всю еду у водоплавающих в парках. Мы обычно этим и не занимаемся без крайней необходимости. Как правило, на зиму мы пристраиваемся сопровождать корабли. Вот, помню, два года назад я и мой кузен целый год обретались при кораблях и питались остатками еды, которые стюарды выбрасывали за борт. И чем хуже была погода, тем больше еды нам доставалось, потому что во время качки пассажиры почти ничего не едят и все достается нам. Так что мы с кузеном приписались, как говорится, к компании Трансатлантик Пэкетлайн, чьи корабли курсируют между Глазго и Филадельфией, и путешествовали себе туда и обратно через океан. Правда, потом мы перебрались на маршрут Тилбери — Бостон, компании Биннакль.

— А почему? — спросил Доктор.

— Мы узнали, что там лучше кормят пассажиров. Они бросали нам за борт остатки печенья от завтрака и полдника, целые бутерброды после ужина, не говоря уже о трехразовой горячей пище — словом, откармливали нас, как бойцовых петухов. Мы чуть было не решили всю жизнь пролетать за кораблями. Это шикарная жизнь — ничего не надо делать, только есть до отвала. И поэтому, Доктор,

чайкам совсем не безразличны люди и корабли, очень даже не безразличны! И я бы ни за что не хотела, чтобы что-нибудь случилось с кораблем — особенно с пассажирским.

— Хм! Это очень интересно, — пробормотал Доктор. — А ты много видела несчастных случаев — ну, когда корабли попадали в беду?

— Сколько угодно, — ответила чайка — штормы, ночные столкновения, туманы, когда корабли теряют курс, и все такое. Насмотрелась я на эти несчастные случаи!

Доктор поднял голову от весел.

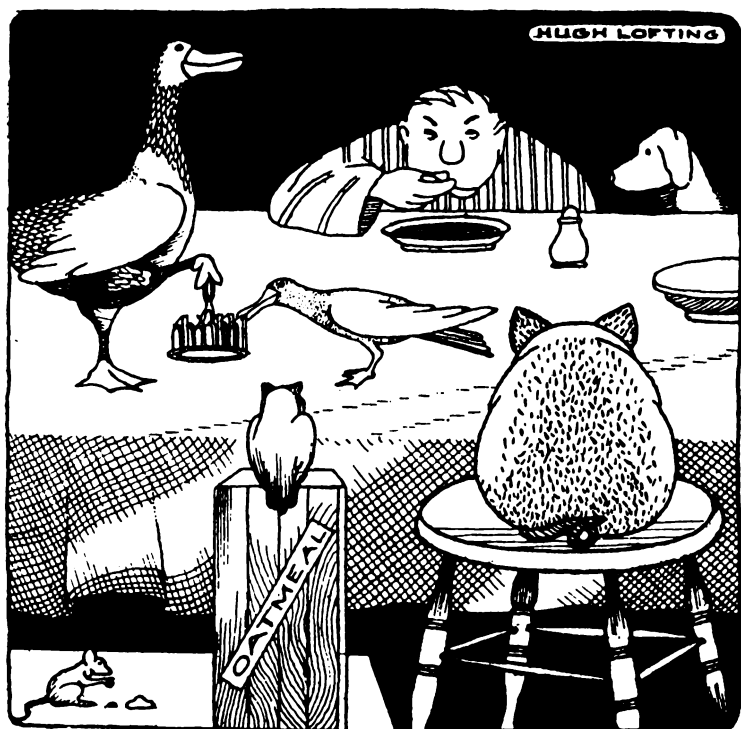
— Ага! — воскликнул он. — Мы уже почти приплыли на нашу почту. А вот и Тяни-Толкай звонит в колокол — зовет на обед. Мы как раз вовремя. Я чувствую запах печенки и сала — эти помидоры будут очень кстати! Не хочешь ли присоединиться к нам? — спросил он чайку. — Я бы хотел еще послушать твои рассказы о кораблях. Ты навела меня на одну весьма интересную мысль.

— Спасибо, — ответила чайка. — Вы очень добры. Я действительно не прочь поклевать что-нибудь. Это будет в первый раз, когда я буду есть не при корабле; а на корабле.

Каное причалило, и путешественники уселись обедать за кухонным столом.

— Вот ты тут говорила о туманах, — сказал Доктор, как только все расселись по местам. — А что ты сама делаешь в такую погоду — я имею в виду, что ведь ты видишь в тумане не лучше чем моряки, не так ли?

— Это правда, — ответила чайка. — Мы видим в тумане не лучше их. Но — Боже мой! — если бы мы были такими же беспомощными в тумане, как моряки, мы бы постоянно сбивались с пути. Когда

Путешественники уселись обедать за кухонным
столом.

мы летим куда-нибудь и попадаем в туман, мы просто поднимаемся над туманом, туда, где тумана нет, и с легкостью находим дорогу.

— Понятно, — сказал Доктор. — А что вы делаете, когда начинается шторм?

— Ну, конечно, в шторм — в настоящий шторм — даже морские птицы не могут лететь куда им хочется. Мы, чайки, никогда не летим против ветра, если он действительно очень сильный. Буревестники иногда делают так, но мы — нет. Это отнимает слишком много сил. Мы, правда, всегда можем опуститься на воду и немного поплавать для отдыха, но все равно это очень опасная игра. В сильный шторм мы отдаемся на волю ветра — просто летим, куда он нас несет, а когда ветер стихает, возвращаемся обратно и летим, куда нам надо.

— Но шторм может затянуться, и вы потеряете очень много времени, — сказал Доктор.

— Верно, — ответила чайка, — при этом теряешь время. Но дело в том, что мы очень редко даем шторму застать нас врасплох.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Джон Дулитл.

— Мы обычно знаем, где может начаться шторм, и обходим стороной это место. Ни одна опытная морская птица не сунет свой клюв туда, где начинается сильный шторм.

— Но как же вы узнаете, где он может начаться?

— Мы, птицы, — ответила чайка, — имеем перед людьми два очень больших преимущества, которые позволяют нам заранее определять, где может начаться шторм, — это наше прекрасное зрение и наш опыт. Мы, например, можем подняться высоко над морем и увидеть все, что делается вокруг на расстоянии пятидесяти-шестидесяти миль. И если с какой-

нибудь стороны надвигается шторм, мы можем всегда повернуть в другую сторону и улететь от него. Мы ведь летаем быстрее, чем любой шторм. И потом есть еще одно важное обстоятельство: у нас гораздо больше опыта, чем у моряков. Моряки, эти несчастные тупицы, думают, что они знают о море все — потому что, якобы, всю жизнь проводят на воде. Но, поверьте, они знают так мало! Половину своего времени они сидят в каютах, часть времени — на берегу, а сколько времени они просто спят? И даже когда они выходят на палубу, разве они смотрят на море? Они занимаются своими канатами, швабрами и ведрами...

— Я думаю, они и так достаточно устают от моря, бедняги! — пробормотал Доктор.

— Возможно. Но, в конце концов, если ты хочешь стать хорошим моряком, то что для тебя может быть важнее, чем море, и что еще ты должен непрестанно изучать? И вот мы, морские птицы, изучаем море всю нашу жизнь. Днем и ночью, весной и летом, осенью и зимой мы непрерывно всматриваемся в него. И что же в результате? — спросила чайка, беря новый кусочек тоста из плетеной корзинки, которую ей пододвинула Даб-Даб. — В результате мы знаем море. Можете закрыть меня в маленьком ящике без окошек и вывезти на середину любого океана — когда вы выпустите меня наружу, я не только скажу вам, какой это океан, но и с точностью до мили определю, в какой его части мы находимся. Мне только нужно будет знать точную дату.

— Потрясающе! — воскликнул Доктор. — Как же вы это делаете?

— Мы смотрим, какого цвета море, какие рыбы и морские животные обитают в нем, как рябь ложится на воду и какой формы волны, как оно

пахнет, какого оно вкуса, насколько оно соленое и еще на сотни других признаков. Хотя в большинстве случаев — не всегда, но очень часто — я могла бы определить, где мы находимся, и с закрытыми глазами, только по тому, как ветер обдувает мои перья.

— Не может быть! — воскликнул Доктор.

— Вот в этом-то и есть самое слабое место моряков, Доктор. Они не знают ветры так, как должны были бы знать. Они еще могут худо-бедно отличить северо-восточный ветер от западного и слабый от сильного. Но это, в общем-то, все. А если бы они, подобно нам, провели большую часть жизни среди морских ветров, используя их потоки для того, чтобы подняться вверх, соскользнуть вниз или просто держаться в воздухе, они бы могли понять, что ветры можно различать не только по направлению и силе. То, как высоко или низко над морем они дуют, как часто они ослабевают или набирают силу, может рассказать очень о многом тому, кто знает эту науку.

ГЛАВА 6

БЮРО ПРЕДСКАЗАНИЯ ПОГОДЫ

ПОСЛЕ обеда Доктор придвинул кресло к печке и зажег свою трубку.

— Твои рассказы о морях, ветрах и штормах, — сказал он чайке, — навели меня на мысль, не открыть ли нам при нашей почтовой конторе бюро предсказания погоды? Ведь многие птицы, которые так помогли мне в организации почтовой службы, могут быть прекрасными предсказателями погоды.

— А что это такое — бюро предсказания погоды? — спросил Джип, который сметал крошки со стола, чтобы потом разбросать их для птиц по палубе плавучей конторы.

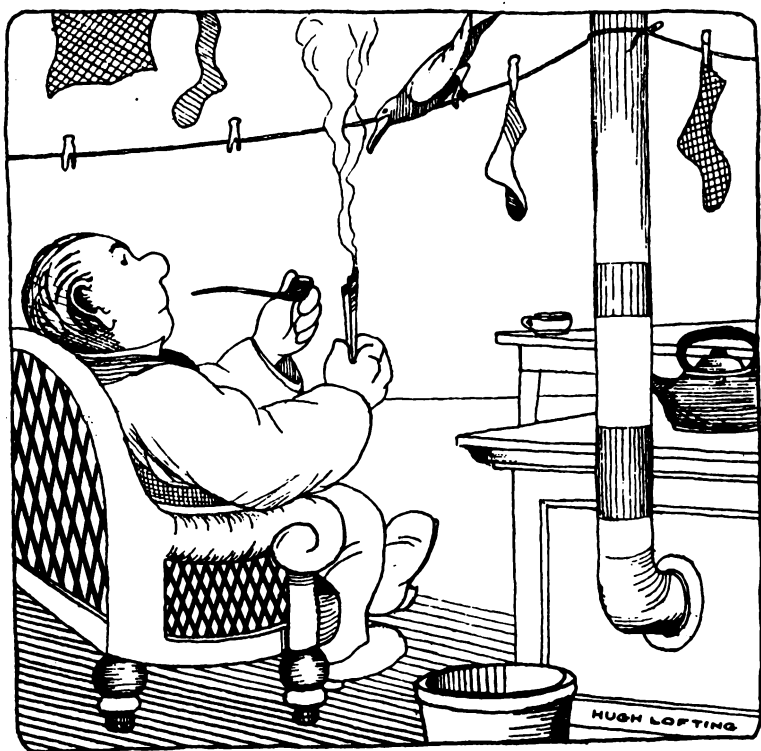
— Бюро предсказания погоды, — ответил Доктор, — это очень нужное учреждение, — особенно для моряков и фермеров. Это такая организация, которая может предсказать, какая будет погода.

— А как же это делается? — спросил Габ-Габ.

— Это довольно трудное дело, — сказал Доктор, — и пока еще оно не слишком хорошо получается. Очень часто предсказания бывают ошибочными. А делаются предсказания погоды с помощью всяческих приборов — термометров, барометров, гигрометров, измерителей силы ветра и многого чего еще. До сих пор большинство таких бюро не могли похвастаться особыми успехами. Но я думаю, что с помощью наших птиц, мы сможем добиться гораздо лучших результатов. Птицы почти никогда не ошибаются в предсказании погоды.

— Ну, а для какой части света вы хотите предсказывать погоду, Доктор? — спросила чайка.

— Если только для Фантиппо или западной Аф-

Доктор придвинул кресло к печке и зажег
свою трубку.

рики, то это легче легкого. Здесь нечего предсказывать, кроме торнадо*. А все остальное время года — просто стоит невыносимая жара и больше ничего. Но если вы хотите предсказывать погоду для Магелланова пролива или для Новой Земли, где в любой момент можно ждать чего угодно, то это уже совсем другое дело. А уж предсказывать погоду для Англии — себе дороже. Лично у меня такое впечатление, что погода там сама не знает, какой она собирается быть в следующую минуту

— Кому это тут не нравится английская погода?
— вмешался Чипсайд, уже готовый начать драку.
— Если всякие тут будут задира́ть свой длинный нос перед Англией... А здесь что — лучше? По моему, это не климат, а турецкие бани. В Англии, по крайней мере, есть разнообразие, и мы любим это разнообразие. Поэтому у всех англичан такие приятные красные и обветренные лица. А здесь эти зачуханные туземцы аж почернели от своего хорошего климата!

— Мне бы хотелось, — сказал Доктор, — чтобы мы могли предсказывать погоду для всех частей света. Собственно, почему бы и нет? Наша контора и ее заграничные отделения находятся в постоянном контакте с птицами, которые бывают во всех уголках мира. Мы могли бы очень помочь развитию фермерства и сельского хозяйства на всей планете. Но особенно меня интересуют предсказания погоды для моряков.

— Да, — сказала чайка, — от меня было бы мало толку в предсказании погоды на суше. Но если речь идет о морской погоде, то я знаю одну птицу, которая может рассказать об этом столько, что вам и не снилось.

*Торнадо — смерч, проносящийся над сушей.

— Вот как? — удивился Доктор. — И что же это за птица?

— Мы зовем ее Одноглазый, — ответила чайка. — Это старый, очень старый альбатрос. Никто даже точно не знает, сколько ему лет. Он потерял один глаз, сцепившись из-за камбалы с морским орлом. Любая морская птица скажет вам, что это самый лучший предсказатель погоды, какой только жил на земле. Никто еще не слышал, чтобы он хоть раз ошибся.

— Правда? — спросил Доктор. — Я бы очень хотел с ним познакомиться.

— Я приведу его к вам, — сказала чайка. — Он живет недалеко отсюда — на скале неподалеку от побережья Анголы. Он поселился там, потому что на этой скале полно моллюсков, а он уже слишком стар и слаб, чтобы ловить рыбу. Теперь, после всех путешествий и приключений его бурной молодости, у него довольно скучная жизнь. Он будет очень польщен, что вам понадобилась его помощь. Я сейчас же полечу к нему и расскажу о ваших планах.

— Это было бы прекрасно, — сказал Доктор. — Я думаю, что твой друг нам может очень пригодиться.

И чайка, поблагодарив Доктора и Даб-Даб за превосходный обед и захватив с собой парочку почтовых открыток, адресованных в Анголу, отправилась к одноглазому альбатросу.

Ближе к вечеру она вернулась, и с ней прилетел великий Одноглазый, самый старый среди птиц-предсказателей погоды. Позже Доктор говорил, что ни одна из птиц так не напоминала ему старого моряка. У Одноглазого была неторопливая походка вразвалочку, как у заправского морского волка, от

него так же пахло рыбой и морем и, заговаривая о погоде, он так же хитро поглядывал на небо своим единственным глазом.

Старый альбатрос согласился, что идея Доктора насчет бюро прогнозов погоды вполне осуществима и что с помощью птиц эти прогнозы можно сделать гораздо более точными, чем они были до сих пор. Затем, на протяжении полутора часов он читал Доктору лекцию о всевозможных ветрах и их свойствах, а Джон Дулитл записывал каждое его слово в свою записную книжку.

Оказалось, что перемена погоды почти всегда зависит от смены направления ветра. Если, например, вы знаете, что около пяти часов пополудни в четверг над островами Ла-Манша идет дождь и при этом дует северо-восточный ветер, то вы можете быть совершенно уверены, что этот дождь достигнет берегов Англии не позже, чем к вечеру того же дня.

После этого Доктор написал всем почтмейстерам заграничных отделений, чтобы те условились со всеми вожаками стай о точных датах, когда птицы будут начинать свои ежегодные перелеты — не просто во вторую неделю ноября или что-нибудь в этом роде, а такого-то числа и в такой-то час. Тогда, зная, с какой скоростью летит каждый вид птиц, Доктор смог бы вычислить с точностью почти до минуты, когда они прибудут на место назначения. И если они опоздают, тогда ему будет ясно, что их задержала в пути плохая погода или же что они отложили вылет до тех пор, пока не уляжется шторм.

Доктор, чайка, Одноглазый, Даб-Даб, Чипсайд, Быстрей-Ветра и Гу-Гу, отличающийся математическими способностями, почти всю ночь обсуждали, что надо предусмотреть и продумать

для того, чтобы организовать надежную службу прогнозов. И несколько недель спустя на дверях почтовой конторы доктора рядом с доской, где отмечались прибывающая и убывающая почта, появилась еще одна доска объявлений. На ней было написано «Прогноз погоды», а выглядели эти прогнозы примерно так:

«Зеленые журавли с Сандвичевых островов прибыли на мыс Горн с опозданием на один день, три часа и девять минут. Направление ветра: юго-юго-восток. Штормовую погоду следует ожидать вдоль западного побережья Чили. Незначительные штормы возможны также в Антарктическом море».

Между тем, сухопутные птицы и, в первую очередь, те, что питаются ягодами, регулярно и с большой точностью сообщали Доктору, какую погоду следует ожидать в их стране. И Джон Дулитл стал рассылать во все концы света информацию для фермеров, сообщая, что предстоит им в текущем году — морозная зима, дождливая весна или засушливое лето, — и это, конечно, очень помогало им в ведении хозяйства.

Кроме того, жители Фантиппо, которые раньше из-за штормов боялись выходить далеко в открытое море, теперь, когда у них появилась хорошая служба предсказания погоды, начали строить большие корабли вместо своих маленьких ненадежных каноэ и плавать вдоль всего западного побережья Африки. Они стали тем, что называется «торговой нацией». Их торговые суда заходили в страны к северу и к югу от Фантиппо и даже заплывали в Индийский океан, огибая мыс Доброй Надежды.

Королевство Фантиппо стало еще богаче и влиятельней, чем прежде, и король Коко пожаловал международной почтовой службе большую сумму

**Джон Дуалта увидел, как какой-то пожилой
джентльмен внимательно высматривает все на
почте.**

денег, которую Доктор употребил на то, чтобы расширить свою плавучую контору и сделать ее более комфортабельной.

Вскоре Бюро прогнозов погоды на Земле-безлюдей стало известно далеко за пределами королевства. Английские фермеры, которые получали от Доктора такие точные прогнозы, отправились в Лондон и сообщили правительству, что государственные службы предсказания погоды никуда не годятся, тогда как некий доктор Джон Дулитл откуда-то из Африки регулярно присылает им гораздо более надежные предсказания.

В правительстве это сообщение вызвало всеобщее замешательство, и Королевской Метеоролог был послан в Фантиппо, чтобы на месте разобраться, как же все это удастся Доктору.

В одно прекрасное утро Джон Дулитл увидел, как какой-то пожилой седовласый джентльмен внимательно высматривает все на почте, тщательно изучает доски объявлений и пытается что-то разузнать. Но Королевский Метеоролог так и не уразумел, в чем тут дело, и, вернувшись в Англию, доложил правительству:

«У него нет никаких современных технических средств. Он просто шарлатан. Все его оборудование состоит из старой баржи и стайки грязных птиц, которые летают вокруг».

ГЛАВА 7

УРОКИ ПО ПОЧТЕ

В СВОЕЙ знаменитой речи перед жожаками птиц Джон Дулитл не зря говорил, что основную задачу своей почтовой службы он видит в просветительской деятельности среди животных — деятельность эта расширялась с каждым днем. Как Доктор и предсказывал Быстрей-Ветра, едва только птицы и звери увидели, насколько почта полезна для них, они стали пользоваться ею все чаще и чаще. И, как предсказывал Быстрей-Ветра Доктору, большинство своих писем они направляли именно ему.

Вскоре бедный Доктор был с головой завален письмами, в которых у него просили медицинских советов. Эскимосские упряжные собаки из-за Полярного круга спрашивали, что им делать, чтобы у них не выпадала шерсть — ведь только шерсть защищала их от арктических ветров и морозов. И Джон Дулитл всю субботу и воскресенье ставил на Джипе всевозможные эксперименты с лосьонами, пытаясь найти подходящее средство. Джип проявил завидное терпение, зная, что Доктор проделывает на нем свои опыты ради его собратьев собак. Он даже ни разу не принимался ворчать, хотя и сказал Даб-Даб, что, после того, как Доктор перепробовал на нем все свои масла для волос, он чувствует себя, как ходячая аптека. Он только жаловался, что все эти эксперименты напрочь отбили у него нюх на целые две недели.

Помимо просьб о медицинской помощи, Доктор получал еще тысячи писем со всех концов света с вопросами, чем кормить детенышей, какие матери-

Джон Дуалита ставил на Джипе всевозможные эксперименты.

алы использовать для строительства гнезд и все в таком роде. В своем стремлении к просвещению звери задавали иной раз самые невероятные вопросы, какие только можно придумать, причем на некоторые из них ни Доктор, ни кто-либо еще не мог бы найти удовлетворительного ответа: где делаются звезды? Почему прилив приходит и уходит — и нельзя ли его остановить?

И тогда, чтобы как-то справиться с этим огромным количеством вопросов, Джон Дулитл, впервые за всю историю, организовал заочные курсы обучения для животных.

Он заказал множество брошюр с такими названиями: «Это должен знать каждый молодой кролик», «Уход за лапами в морозную погоду» и тому подобное и тысячами рассылал их по почте.

А затем, поскольку к нему приходило много писем с просьбой рассказать о хороших манерах, он написал «Книгу этикета для зверей». Эта книга очень популярна и в наши дни, хотя, конечно, сейчас она давно уже стала библиографической редкостью. Но когда Доктор ее только написал, она была напечатана в пятидесяти тысячах экземплярах и разослана по почте за одну неделю. Примерно в то же время он написал и распространил другую очень известную книгу, которая называлась «Одноактные пьесы для пингвинов».

Но, увы! Рассылка всех этих книг и брошюр не только не сократила количество писем, приходящих на имя Доктора, но, напротив, увеличила его в сотни раз.

Вот, например, какое письмо он получил от одной юной свинки из Патагонии:

«Дорогой Доктор!

Я прочитала вашу «Книгу этикета для зверей», и она мне очень понравилась. Я скоро выхожу

замуж. Будет ли это приличным, если я попрошу гостей принести на свадебную церемонию турнепсы вместо цветов? И еще: когда вы представляете одну чистопородную свинью другой, то надо ли говорить: «мисс Вирджиния Ветчина, *познакомьтесь* с мистером Фрэнком Бездельником», или: «мисс Вирджиния Ветчина, *позвольте представить вам* мистера Фрэнка Бездельника?»

Искренне ваша

Берта Бекон.

P.S. Я всегда носила мое обручальное кольцо в носу. Правильно ли я поступала?»

На что Доктор отвечал:

«Дорогая Берта!

Представляя одну свинью другой, я бы не стал употреблять слова «позвольте представить вам». Лучше просто сказать: «познакомьтесь». Помните, что этикет придуман, чтобы облегчить, а не затруднить общение.

Я полагаю, что турнепсы вполне подойдут для свадебного вечера. Можно попросить гостей не обрывать с них ботву — тогда они будут больше походить на букеты.

Искренне ваш

Джон Дулитл».

ЧАСТЬ III

ГЛАВА I

ЖУРНАЛ ДЛЯ ЖИВОТНЫХ

ТЕПЕРЬ, пожалуй, самое время рассказать о конкурсе на лучшую историю.

Дело в том, что и Гу-Гу, и Габ-Габ, и Джип, и белая мышка очень гордились тем, что принадлежат к домашнему кругу такого великого человека, как Доктор Дулитл, и в своих письмах к другим животным они, чтобы подчеркнуть свои близкие отношения с ним, много рассказывали о домашних вечерах в Падлби-на-болоте, когда Доктор развлекал своих питомцев всевозможными забавными историями. И вскоре благодаря регулярным почтовым сообщениям животные всего мира знали, что Джон Дулитл не только прекрасный врач, но и замечательный писатель для зверей. Доктору только этого не хватало. Теперь, помимо своей и без того весьма обширной корреспонденции, он начал получать тысячи писем с просьбами прислать его книги и рассказы.

Особенно много писем приходило с Крайнего Севера от белых медведей, моржей и песцов. Они просили, наряду с медицинскими брошюрами и книгой по этикету, прислать им какого-нибудь легкого чтения. Они писали, что в полярную ночь (которая на севере длится очень долго), когда сидишь на одинокой плавающей льдине или в берлоге, занесенной снегом, становится ужасно скучно — ведь нельзя же все это время спать, надо как-то и развлекаться.

Первое время Доктор был настолько занят другими, более важными делами, что никак не мог

выполнить их просьбу. Но он ни в коем случае не забывал о ней. А тут еще его домашние звери тоже начали поговаривать, что по вечерам в плавучей конторе им стало скучновато. И вот как-то раз, когда все они сидели на веранде плавучего домика, придумывая, в какую бы поиграть игру, Джип вдруг заявил:

— Я знаю, что мы будем делать — пусть Доктор расскажет нам какую-нибудь историю.

— Да вы уже слышали все мои истории, — сказал доктор. — Может, вам лучше сыграть в «найди тапок»?

— У нас тут слишком мало места, — ответила Даб-Даб. — Последний раз, когда мы в нее играли, Габ-Габ даже застрял между рогами у Тяни-Толкая. Вы же знаете так много историй, Доктор! Расскажите нам хоть одну — самую коротенькую.

— Ну, и о чем же мне вам рассказать? — спросил Джон Дулитл.

— Про поле турнепса, — попросил Габ-Габ.

— Нет, это не годится, — сказал Джип. — Доктор, а почему бы вам не сделать, как вы обычно делали, когда мы сживали у камина в Падлби-на-Болоте? Помните, вы вынимали из карманов все подряд, пока не попадался предмет, напоминающий вам о какой-нибудь истории?

— Хорошо, — согласился Доктор. — Но...

И тут ему в голову пришла идея.

— Послушайте, — сказал он. — Вы знаете, что ко мне по почте приходит очень много просьб прислать какие-нибудь рассказы. Особенно плохо приходится зверям, которые живут у Северного полюса, — им совершенно нечего почитать во время

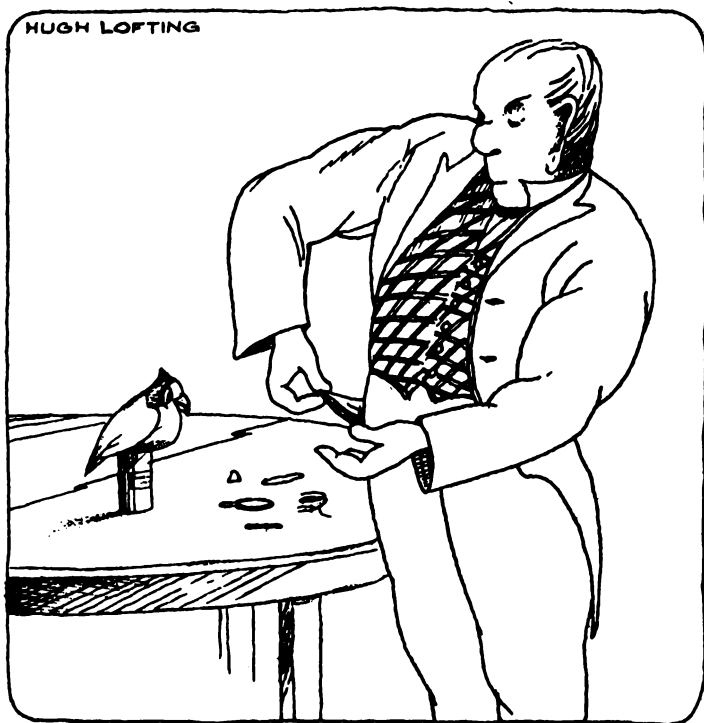
длинной полярной ночи. Давайте выпускать для них журнал — назовем его «Арктический Ежемесячник». Мы будем по почте высылать тираж, а распространять его возьмется наше отделение на Новой Земле. С этим все понятно. Главная проблема — это где взять столько рассказов, иллюстраций и статей, чтобы заполнить журнал. Вот это будет не очень-то просто. Давайте сделаем так: сегодня вечером историю расскажу я, но в следующие вечера каждый из вас расскажет свою историю. Это даст нам уже семь историй. В каждом номере мы будем печатать только по одной, а остальное место в журнале будут занимать новости дня, колонка советов врача, страничка матери и ребенка и всякие другие мелочи. И кроме того, мы объявим конкурс на лучшую историю, и когда читатели напишут нам о своем выборе, победитель получит приз. Что вы на это скажете?

— Какая прекрасная идея! — закричал Габ-Габ.
— Я расскажу свою историю завтра вечером. Я знаю одну очень хорошую. А теперь начинайте вы, Доктор.

Джон Дулитл принялся выкладывать на стол содержимое своих карманов, чтобы найти какой-нибудь предмет, напоминающий ему о чем-то интересном. Это было совершенно необыкновенное собрание самых различных предметов — обрывки веревок, куски проволоки, огрызки карандашей, перочинные ножики со сломанными лезвиями, застёжки от сапог, увеличительное стекло, компас, отвертка и так далее.

— Похоже, ничего подходящего у меня здесь не найдется, — сказал Доктор.

— Посмотрите в карманах вашего жилета, — посоветовал Гу-Гу. — В них всегда лежит самое

В карманах Доктора находилось совершенно
необыкновенное собрание самых различных
предметов.

интересное. Вы ведь ничего не вынимали оттуда с тех пор, как выехали из Падлби-на-Болоте. Там наверняка скопилась уже уйма всего.

Доктор вывернул свои жилетные карманы. В них лежали двое часов (одни из них ходили, а другие — нет), рулетка, кусочек сапожного воска, пенсовая монетка с дырочкой посередине и градусник.

— Что это такое? — спросил Габ-Габ, указывая на градусник.

— Этой штукой измеряют температуру у людей, — ответил Доктор. — Постойте, это как раз напоминает мне...

— Какую-нибудь историю? — воскликнул Гу-Гу.

— Я так и знал, — сказал Джип. — Такая вещь непременно должна быть связана с хорошей историей. Как она будет называться, Доктор?

— Ну, что же, — сказал Доктор, поудобнее устраиваясь в кресле, — назовем ее, пожалуй, «Забастовка инвалидов».

— А что такое забастовка? — спросил Габ-Габ.

— А что такое инвалид? — крикнул со своего места Тяни-Толкай.

— Забастовка, — ответил Доктор, — это когда люди отказываются делать свою работу, добиваясь, чтобы кто-то дал им то, что они хотят получить. А инвалид — инвалид это такой человек, который постоянно в большей или меньшей степени нездоров.

— А какая же тогда работа может быть у инвалидов? — спросила белая мышка.

— Их работа состоит в том, чтобы... э-э... болеть, — ответил Доктор. — И хватит задавать вопросы, а то я так никогда и не начну свой рассказ.

— Одну минуточку, — сказал Габ-Габ. — У меня нога затекла.

— Ох, как надоела нам твоя нога! — закричала Даб-Даб. — Пусть Доктор начинает свою историю.

— А это хорошая история? — спросил Габ-Габ.

— Ну, — ответил Доктор, — я вам ее расскажу, а вы уж сами будете судить, хорошая она или плохая. Перестаньте вертеться, и я начну. А то уже становится поздно.

ГЛАВА 2

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ РАССКАЗАЛ ДОКТОР

ДОКТОР зажег свою трубку, хорошенько ее раскурил и начал рассказывать:
— Я купил этот градусник много лет тому назад, когда был еще совсем молодым, полным надежд доктором и только-только начал свою практику. Я считал себя очень хорошим врачом и удивлялся, почему никто вокруг этого не замечает. На протяжении многих месяцев после того, как я открыл свой кабинет, ко мне не обратился ни единый пациент, и мне даже не на ком было опробовать мой новый градусник. Я часто мерил температуру самому себе, но я всегда был здоров, как бык, и у меня никогда не поднималась температура. Я старался подцепить хотя бы простуду — то есть я, конечно, не хотел простужаться, но надо же было мне как-то удостовериться, что мой новый градусник работает — но и это мне не удалось. И я ужасно переживал — был совершенно здоровым и ужасно переживал.

И вот в это время я встретился с другим молодым доктором, который находился в таком же положении, как и я, — у него тоже не было пациентов. И он сказал мне: «Я знаю, что нам нужно сделать — давайте откроем санаторий».

— Что такое санаторий? — спросил Габ-Габ.

— Санаторий, — ответил Доктор, — это что-то среднее между больницей и гостиницей — там живут и лечатся люди со слабым здоровьем, то есть инвалиды... Словом, я согласился с этим предложением. И тогда я и мой молодой друг — его звали Фиппс, доктор Корнелиус К. Фиппс — сняли за

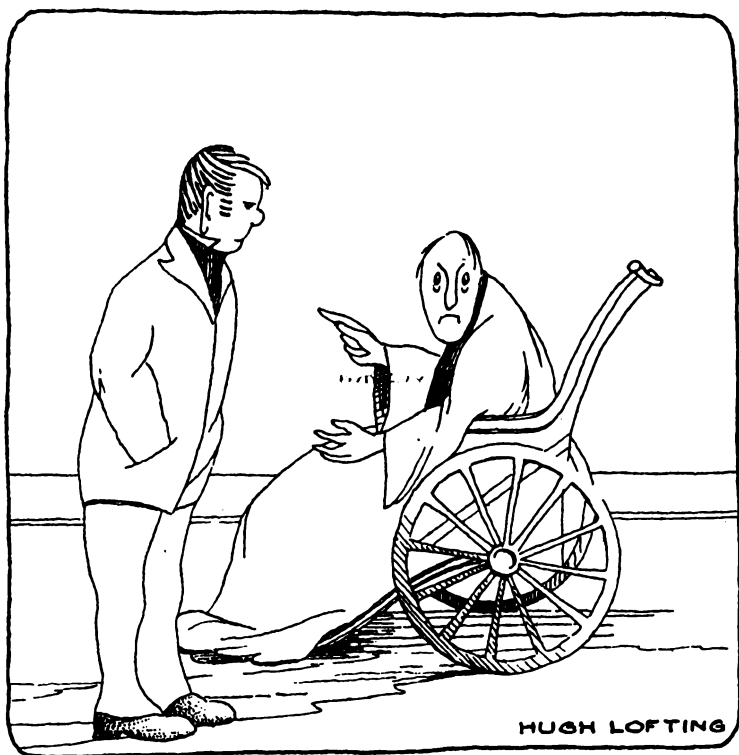
городом симпатичный домик, завезли туда кресла-каталки, грелки, слуховые рожки и кучу других предметов, без которых не могут обходиться инвалиды, и к нам сотнями повалили пациенты. Вскоре наш санаторий был заполнен до отказа, и мой градусник уже никогда не лежал без дела. Конечно, мы зарабатывали много денег, потому что больные платили нам очень хорошо. Фиппс был безмерно счастлив.

Но мне не все нравилось в нашей работе. Я заметил одну странную вещь: за все время ни единый из наших инвалидов не поправился и не уехал от нас. И как-то раз я заговорил об этом с Фиппсом.

— Мой дорогой Дулитл, — ответил он мне. — Вы хотите, чтобы они уезжали от нас? Но зачем? Нам как раз и нужно, чтобы они от нас не уезжали. Нам нужно, чтобы они оставались здесь и продолжали платить деньги.

— Фиппс, — сказал я, — мне кажется, что это не очень честно. Я стал врачом, чтобы лечить людей, а не чтоб выколачивать из них деньги.

Короче говоря, мы разругались вдрызг. Я ужасно рассердился и заявил ему, что отказываюсь быть его партнером и завтра же собираю свои вещи и уезжаю. Когда я в ярости вышел из его кабинета, мне по дороге встретился сэр Тимоти Квисби, один из самых богатых наших пациентов. Он сидел в кресле-качалке, и когда я проходил мимо, он попросил измерить ему температуру, поскольку полагал, что у него снова начинается лихорадка. Я никогда не мог установить, чем же был на самом деле болен сэр Тимоти, и думал, что болеть для него — это что-то вроде хобби. Поэтому, будучи очень рассерженным, я, вместо того чтобы измерить ему

Сэр Тимоти был взбешен.

температуру, довольно грубо сказал: «А шли бы вы к чертовой бабушке!»

Сэр Тимоти был взбешен. Он вызвал доктора Фиппса и потребовал, чтобы я немедленно извинился, но я заявил, что и не подумаю. Тогда сэр Тимоти сказал, что если я не извинюсь, то он организует забастовку больных. Фиппс ужасно забеспокоился и стал умолять меня извиниться перед таким солидным клиентом. Но я все равно отказался.

И тут случилось невероятное. Сэр Тимоти, который всегда казался таким слабым, что даже не мог ходить, вдруг вскочил со своего кресла и, яростно размахивая слуховым рожком, побежал по всему санаторию, рассказывая о том, как возмутительно с ним обошлись и призывая всех больных сейчас же начать забастовку и отстоять свои поруганные права.

И представьте себе, наши пациенты забастовали. За ужином они категорически отказались принимать свои лекарства — и до еды, и после. Доктор Фиппс спорил с ними, умолял их, упрашивал вести себя, как подобает больным, и выполнять предписания врачей. Но они его и слушать не хотели. Они начали есть все, что им было запрещено, а после ужина те, которым была предписана прогулка, остались в помещении, а те, кому запрещалось много двигаться, наоборот — выбрались из дома и разгуливали туда-сюда по улице. Вечер они закончили тем, что перед сном устроили драку подушками, только вместо подушек у них были грелки. А на следующее утро они собрали свои вещи и разъехались по домам. Вот так наш санаторий и прекратил свое существование.

Но самое странное во всей истории это то, что все они, как я выяснил потом, совершенно выздоровели! Забастовка так благоприятно на них подействовала, что, выбравшись из своих кресел-качалок, они перестали чувствовать себя инвалидами. Так что я оказался не очень хорошим санаторным врачом. Хотя, впрочем, как сказать... Похоже, что покончив с нашим заведением, я смог вылечить гораздо больше людей, чем Фиппс, который хотел бы держать их там вечно.

ГЛАВА 3

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ РАССКАЗАЛ ГАБ-ГАБ

НА следующий вечер, когда после ужина все опять собрались на веранде, Доктор спросил:

— Ну, кто сегодня будет рассказывать историю? Кажется, Габ-Габ говорил, что у него есть кое-что в запасе?

— Не разрешайте ему ничего рассказывать, Доктор, — сказал Джип. — Наверняка это будет какая-нибудь глупость.

— Он еще слишком молод, чтобы знать хорошие истории, — добавила Даб-Даб. — У него нет никакого жизненного опыта.

— Его ничего не интересует в жизни, кроме еды, — заявил Гу-Гу. — Пусть лучше рассказывает кто-нибудь другой.

— Постойте, — воскликнул Доктор. — Что это вы все на него так набросились? Каждый когда-то был молодым. Пусть он расскажет свою историю. Он еще, может быть, выиграет приз. Кто знает? Давай, Габ-Габ, начинай. Как называется твоя история?

Габ-Габ покраснел до ушей, поерзал на месте и наконец сказал:

— Это такая немного странная история. Но она интересная. Это... э-э-э... свинская сказка. Она называется «Волшебный Огурец».

— О, Господи! — заворчал Джип.

— Опять про еду! — пробормотал Гу-Гу. — Ну, что я вам говорил?

— Пи-пи-пи, — пропищала белая мышка.

— Продолжай, Габ-Габ, — сказал Доктор. —

Не обращай на них внимания. Я тебя слушаю.

— Однажды, — начал Габ-Габ, — маленький поросенок пошел в лес со своим папой, чтобы нарыть трюфелей. Папа-хряк замечательно умел искать трюфели. Ему достаточно было просто понюхать землю, чтобы точно сказать, где они растут. В тот день он привел поросенка на одно хорошее место под большими дубами, где вскоре они выкопали огромный трюфель и сразу стали его есть. И вдруг к своему великому удивлению они услышали, как из той ямки, откуда они выкопали свой трюфель, доносятся какие-то голоса.

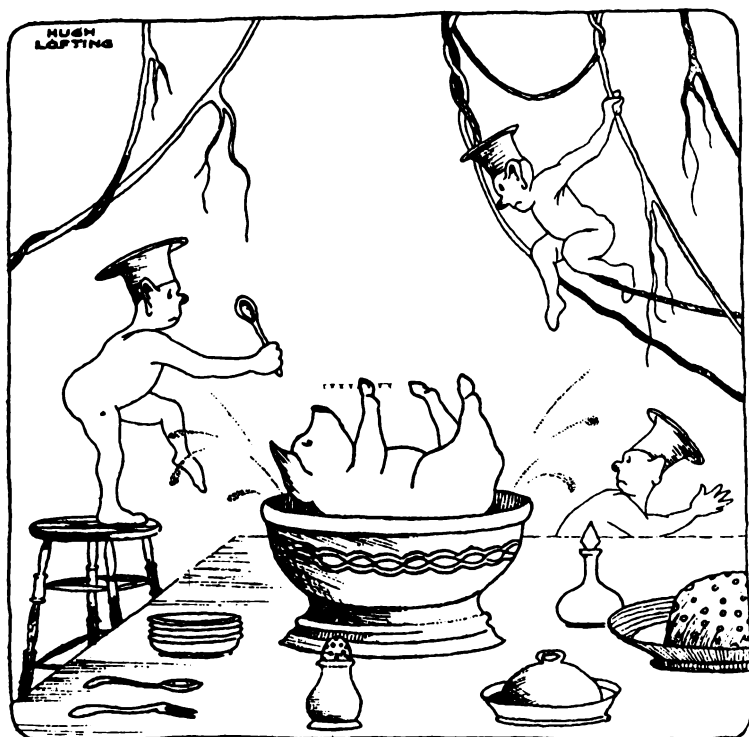
Папа-хряк не любил всякого волшебства и поспешил увести своего поросенка подальше от этого места. Но в ту же ночь, когда родители крепко уснули, малыш выбрался из своего загончика и отправился в лес. Ему очень хотелось узнать, что это были за подземные голоса.

И вот, отыскав ту ямку, он начал разрывать ее. Но вдруг земля стала проваливаться у него под ногами, и он почувствовал, что куда-то падает. Он летел довольно долго, пока не упал кверху ногами прямо на середину накрытого обеденного стола, причем угодил точнехонько в миску с супом. Поросенок стал осматриваться и увидел, что вокруг стола сидят маленькие человечки. Все они были вдвое меньше него ростом и вдобавок какого-то темно-зеленого цвета.

— Где я? — спросил поросенок.

— Ты в супе, — ответили человечки.

Сначала поросенок ужасно испугался. Но когда он увидел, что человечки за столом такие маленькие, его страх прошел. Он выхлебал из супницы весь суп, вылез наружу и спросил человечков, кто они такие. И они ответили:

Поросенок угодил точнехонько в миску с супом.

— Мы — кухонные домовые. Мы живем под землей и занимаемся только тем, что придумываем новые блюда и едим их. Ты слышал наши голоса из под земли, когда мы пели Гимн Еде. Мы всегда поем его, пока готовим что-нибудь особенно вкусное.

— Отлично! — сказал поросенок. — Я попал как раз туда, куда мне нужно. Давайте же скорей продолжим обед!

Только они хотели было приступить к рыбному блюду (как вы понимаете, супа к этому времени уже не осталось), как вдруг снаружи раздался громкий шум, и в зал вбежала целая толпа маленьких человечков ярко-красного цвета. Это были поганкины домовые, старинные враги кухонных домовых. Началась всеобщая драка; причем одни использовали зубочистки вместо шпаг, а другие — щипцы для орехов вместо дубинок. Поросенок, конечно, принял сторону своих новых друзей, кухонных домовых, и поскольку был вдвое больше каждого из врагов, то вскоре обратил их всех в бегство.

Кухонные домовые были очень благодарны поросенку за его военную помощь. Они назвали его героем-победителем и, увенчав венком из петрушки, посадили на почетное место. Обеденная зала была прибрана, и обед продолжался, как ни в чем не бывало.

Маленький поросенок еще никогда в жизни не ел с таким удовольствием. В течение обеда выяснилось, что кухонные домовые не только придумывали новые удивительно вкусные блюда, но и с большой фантазией относились к сервировке стола. Например, к рыбным блюдам они подавали специальные подушечки. В эти подушечки можно было втыкать рыбные кости вместо того, чтобы складывать их на

свою тарелку. Другим их изобретением были веера для пудинга — ими полагалось обмахивать горячие пудинги, чтобы они быстрее остывали. Потом еще у них были такие плечики для пенок из какао — игрушечные маленькие вешалки, на которые можно было аккуратно развешивать пенки из вашего какао (все знают, как это неопрятно, когда пенки висят по краям чашки). А к фруктам у кухонных домовых подавались теннисные ракетки. И если с другого конца стола у вас просили яблоко, то вместо того, чтобы передавать туда всю тяжелую вазу с фруктами, вы могли взять одно яблоко и ударом ракетки отправить его просившему, а тот должен был поймать его на свою вилку.

Все эти выдумки очень оживляли атмосферу за столом, а некоторые из них представляли собой довольно полезные изобретения. Еще там была специальная говорильная труба, в которую можно было говорить о тех вещах, про которые не принято упоминать за столом.

— Говорильная труба? — перебила белая мышка.
— Что-то я не пойму, зачем она нужна?

— Ну, — сказал Габ-Габ, — вы же знаете, как нас все время воспитывают: «Ты не должен говорить о таких вещах за столом!» И вот, у кухонных домовых была в обеденной комнате такая специальная труба, которая другим концом выходила на улицу. Когда им хотелось сказать что-нибудь неприличное, они вставали из-за стола, подходили к трубе и говорили в нее все, что хотели сказать, а потом возвращались на свое место. Это было великое изобретение... Словом, поросенок очень хорошо провел время, и когда обед закончился, он сказал, что ему пора возвращаться в свой загончик, пока не проснулись его родители.

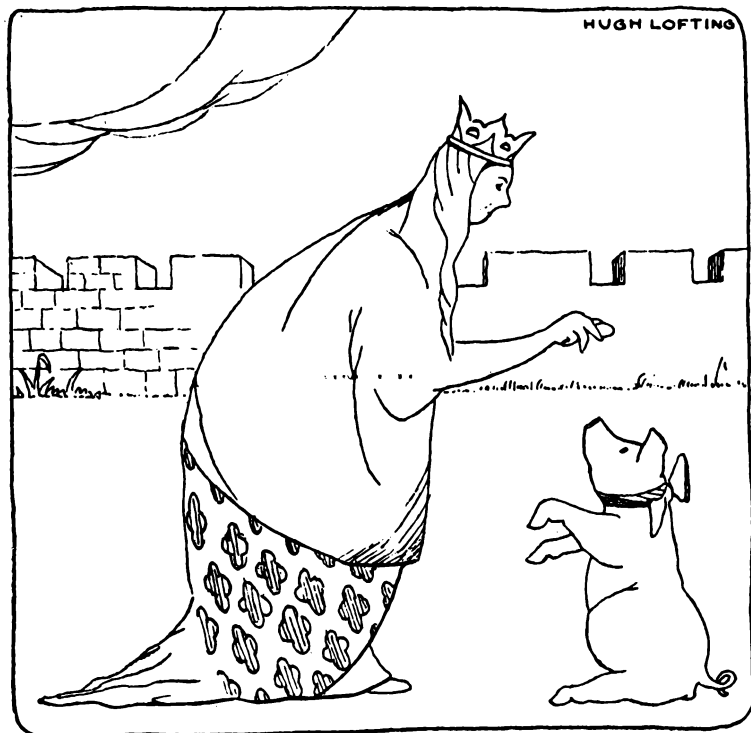
Кухонные домовые ужасно огорчились, что он уходит. И на прощанье, в благодарность за то, что он помог им в битве против их заклятых врагов, они подарили ему Волшебный Огурец. Этот огурец обладал таким замечательным свойством, что, если вы отрежете от него даже самый маленький кусочек и посадите в землю, то на этом месте вырастет целое поле любого растения, какого вы захотите. Вам надо только произнести вслух название этого растения. Поросенок поблагодарил кухонных домовых, сердечно перецеловался со всеми и отправился восвояси.

Когда он вернулся домой, его родители еще спали. Поросенок надежно спрятал огурец под полом коровника, пробрался в свой загончик и тоже крепко заснул.

Случилось так, что через несколько дней соседний король затеял войну против короля той страны, где жил поросенок со своей семьей. Военное счастье было на стороне неприятеля, и видя, что враги приближаются, король повелел всем людям и домашним животным королевства перебраться под защиту стен своего замка. Семейству поросенка тоже пришлось отправиться туда. Но перед этим поросенок откусил кусочек своего Волшебного Огурца и взял его с собой.

Вскоре королевский замок был окружен войсками противника. Осада длилась много недель — враги знали, что рано или поздно король и его подданные начнут голодать, и им придется сдаться.

Пока длилась осада, королева заметила маленького поросеночка, который бегал по двору замка. Она была принцессой из ирландского дома и очень любила животных. Но к этому поросенку она почему-то сразу почувствовала особенную симпатию —

Королева часто играла с поросенком.

она повязала ему на шею зеленую ленточку и часто играла с ним к большому неудовольствию своего мужа, короля.

Но вот, на четвертую неделю осады запасы пищи в замке подошли к концу, и король приказал резать свиней. Королева подняла ужасный плач и умоляла, чтобы ее любимца пощадили. Но король был тверд.

— Мои солдаты голодают, — сказал он. — Из вашего любимого поросенка, мадам, завтра сделают сосиски.

И тогда поросенок понял, что пришло время применить волшебный подарок домовых. Выбежав в дворцовый сад, он выкопал ямку и посадил кусочек своего огурца прямо в середину лучшей королевской клумбы с розами.

— Пастернак! — прохрюкал он, засыпая ямку. — Пусть вокруг вырастет много пастернака!

И едва он произнес эти слова, как густые всходы пастернака заполнили весь королевский сад. Даже гравийные дорожки сплошь заросли пастернаком.

Теперь у короля и его солдат было достаточно еды, и через некоторое время, отъевшись на питательном пастернаке и набравшись сил, они предприняли вылазку, наголову разбили неприятеля и обратили его в бегство.

Королева получила разрешение оставить при себе своего любимца поросенка, который доставлял столько радости ее доброму ирландскому сердцу. Поросенок был провозглашен национальным героем, и ему отвели загон, украшенный драгоценными камнями, прямо посреди королевского сада — на том самом месте, где он посадил свой Волшебный Огурец. И они все жили долго и счастливо. Так кончается свинская сказка.

ГЛАВА 4

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ РАССКАЗАЛА ДАБ-ДАБ

ВСЕ звери теперь с нетерпением ждали вечеров на веранде плавучей конторы. Было решено, что следующей свою историю расскажет Даб-Даб.

Когда все расселись по местам, почтенная домоправительница пригладила клювом свои перья и с большим достоинством начала:

— Неподалеку от Падлби-на-болоте живет фермер, который по сей день клянется, что его кошка понимает каждое слово. Это, конечно, не так, но и фермер, и его жена уверены в обратном. И сейчас я вам расскажу, что привело их к этому заблуждению.

Однажды, когда Доктор уезжал в Шотландию искать скелеты ископаемых животных, он оставил меня присматривать за домом. И как-то вечером старая лошадь пожаловалась мне, что крысы съедают весь ее овес. Я вышла из конюшни и, прогуливаясь по саду, стала размышлять, чем помочь старой лошади. И тут я заметила большую персидскую кошку, которая важно расхаживала вокруг. Ну, вы знаете, я сама не очень-то люблю кошек. Во первых, они воруют утят, а во-вторых, они вообще довольно подозрительные существа. И я приказала этой особе убираться из имения Доктора. К моему удивлению, она повела себя очень вежливо — сказала, что зашла в чужие владения по ошибке и повернулась, чтобы уйти. Мне стало немного советно, ведь я знала, что Доктор всегда такой гостеприимный, и к тому же кошка не делала ничего плохого. Я догнала ее и сказала, что если только она не собирается здесь охотиться, то она может

приходить и гулять по нашей территории, когда ей вздумается.

Мы разговорились, как это водится у людей, и я узнала, что эта кошка живет у одного фермера, примерно в четверти мили вниз по дороге на Оксенторп. Мне она понравилась, и я пошла ее немного проводить. По дороге я рассказала ей про крыс на конюшне, и про то, как мне трудно заставить их вести себя прилично, потому что Доктор строго-на-строго запретил кому бы то ни было убивать их. Кошка сказала, что, если я хочу, то она может провести несколько ночей в конюшне, и крысы, скорее всего, сами уберутся оттуда, как только почуют ее запах.

Так она и сделала. Результаты оказались прекрасными — крысы разбежались все до одной и никто уже не трогал кормушку с овсом нашей старой лошади. А потом кошка вдруг куда-то пропала, и несколько ночей я ее не видела. Я подумала, что хотя бы из благодарности мне бы надо сходить навестить ее на ферму.

Я отправилась туда и сразу увидела ее во дворе. Я поблагодарила ее за то, что она сделала для меня, и спросила, почему она не показывается у нас в последнее время.

— У меня родились котята, — сказала она. — Их шесть, и я не могу оставить их ни на минуту. Сейчас они в гостиной у моего хозяина. Пойдемте, я вам их покажу.

Мы зашли в дом. На полу гостиной в круглой корзинке сидели шесть самых очаровательных котят, каких я только видела. Мы долго на них любовались, но вдруг услышали, как фермер и его жена спускаются по лестнице. Подумав, что им может не понравиться, если они увидят утку в своей

гостиной (среди людей порой встречаются такие ужасные снобы!), я при их появлении спряталась за дверь чулана.

Они склонились над корзинкой с котятками, погладили белую кошку и заговорили между собой. Кошка, конечно же, не понимала, о чем они говорят, но я, так долго прожив у Доктора, с которым мы не раз обсуждали, чем отличается человеческий язык от утиного, понимала каждое слово. И вот что я услышала. Фермер сказал своей жене:

— Оставим себе вон эфтого черно-белого. А энтих остальных я завтра утром утоплю. Мы, Лиза, не можем, шоб у нас здесь бегала целая орава кошек.

Его грамматика была чудовищной.

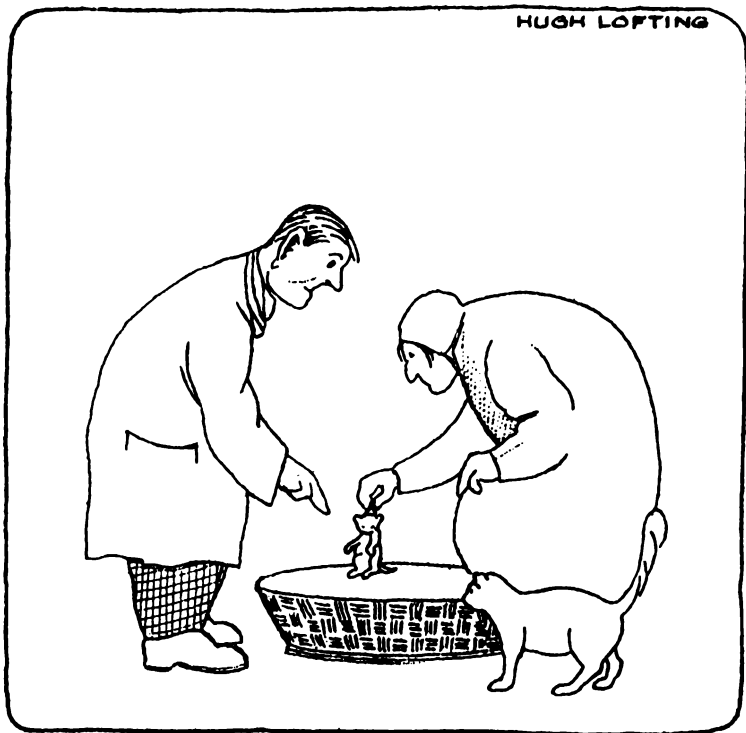
Как только они ушли, я вышла из-за двери чулана и сказала белой кошке:

— Я надеюсь, что вы воспитаете своих котят так, что они никогда не причинят никакого зла утятам. А теперь слушайте: сегодня вечером, после того, как фермер и его жена улягутся спать, возьмите всех своих котят, кроме черно-белого, и спрячьте на чердаке. Ваш хозяин собирается завтра утопить их.

Кошка сделала, как я ей сказала. И на следующее утро, когда фермер спустился вниз, чтобы забрать котят, он обнаружил в корзинке только одного черно-белого котенка — того самого, которого он собирался оставить себе. Он ничего не мог понять. А спустя несколько недель жена фермера делала весеннюю генеральную уборку на чердаке и наткнулась на остальных котят, которых белая кошка там потихоньку растила. Но теперь они уже немного подросли и смогли удрать от нее через слуховое окно.

Вот потому-то фермер и его жена с тех пор клянутся, что их кошка понимает по-английски.

HUGH LOFTING

— Оставим себе вон эфтого, черно-белого.

Они считают, что она тогда подслушала их разговор над корзинкой с котятами. И теперь каждый раз, когда они при своей кошке сплетничают про соседей, они говорят только шепотом, чтобы она ничего не могла услышать. Хотя, между нами говоря, она и так не понимает ни единого слова.

ГЛАВА 5

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ РАССКАЗАЛА БЕЛАЯ МЫШКА

— Кто сегодня будет рассказывать свою историю? — спросил Доктор, когда на следующий вечер остатки ужина были убраны со стола.

— Мне кажется, что сегодня очередь белой мышки, — ответил Джип.

— Ну, что ж, — сказала белая мышка. — Я расскажу вам одну историю, которая случилась в дни моей молодости. Доктор знает ее, но все остальные, по-моему, никогда ее не слышали.

Она разгладила свои белые усы, обернула розовый хвостик вокруг маленького изящного тельца и, дважды моргнув, начала:

— Когда я родилась, нас было семеро близнецов. Но все мои братья и сестры были обычного серого мышинового цвета, и только я одна из всей семьи оказалась белой. Мои родители очень из-за этого огорчались. Они говорили, что, как только я вынусь из норы, меня тут же сцапает первая попавшаяся сова или кошка.

А мы жили в городе, не где-нибудь еще — и моя семья гордилась этим. Наш дом был под полом шляпного магазина. Через дорогу от нас находился мясной магазин, а по соседству располагалась красивая лавка, где красили ткани в разные цвета, прежде чем отдать их раскраивать на костюмы.

Пока мы росли, родители всячески готовили нас к самостоятельной жизни и особенно тщательно учили, как уберечься от кошек, собак, хорьков и

прочих хищников. Но они только грустно качали головами, глядя на меня, бедняжку. Они и вправду не верили, что меня может ждать благополучная жизнь с этим моим белым мехом, который видно за версту.

В общем-то, они не так уж и ошиблись. В первую же неделю, после того как я покинула родительский дом, со мной случилась большая неприятность. Впрочем, это было не совсем то, чего опасались мои родители. Как-то утром сын владельца нашей лавки случайно увидел меня в ящике с овсом.

— Ага! — закричал он. — Белая мышь! Как раз то, что мне и надо!

Он поймал меня рыбацкой сетью и посадил в клетку. Он хотел, чтобы я стала его домашним зверьком.

Сначала я очень тосковала. Но через некоторое время я привыкла быть пленницей. Мальчик — ему было всего восемь лет — хорошо ко мне относился и каждый день вкусно кормил. Я уже почти полюбила этого смешного, курносого паренька и стала такая ручная, что, когда он изредка выпускал меня из клетки, бегала вверх и вниз по его рукаву.

Однако, через несколько месяцев я поняла, что устала от такой жизни. И потом, все мыши, живущие на воле, так ужасно ко мне относились! Они приходили по ночам и говорили, указывая на меня сквозь прутья решетки:

— Посмотрите-ка на эту ручную белую мышь! Ха-ха-ха! Игрушка для детей! Миленькая белая мышка! Пойди и умой свое личико!

Несчастные тупицы! Как будто они не могли понять!

В конце концов я придумала хитрый план, как мне выбраться на свободу. Я прогрызла дырку в

полу моей клетки и до поры до времени прикрывала ее соломой, чтобы мальчик ничего не заметил. И вот однажды ночью, когда он тихо посапывал в своей кровати (он всегда ставил мою клетку у изголовья), — я пролезла в эту дырку и убежала.

Это все случилось зимой, и снег толстым слоем покрывал землю. Я стала исследовать большой мир, радуясь своей свободе. Сколько же неприятностей у меня было с кошками!

Однажды ночью, пробираясь по задворкам, я перешла из двора шляпника во двор красильщика, нашего соседа. Там стоял большой сарай, в котором помещалась красильная мастерская, и в лунном свете я заметила, что на ее крыше сидят две совы.

Войдя в сарай, я увидела крысу, очень старую и ужасно худую. Она сказала мне:

— Я самая старая крыса в городе и знаю все на свете. Но скажи мне, что тебе надо в этом красильном сарае?

— Я искала, чего бы поесть, — ответила я.

Старая крыса рассмеялась трескучим, дрожащим смехом, но в этом смехе не было веселья.

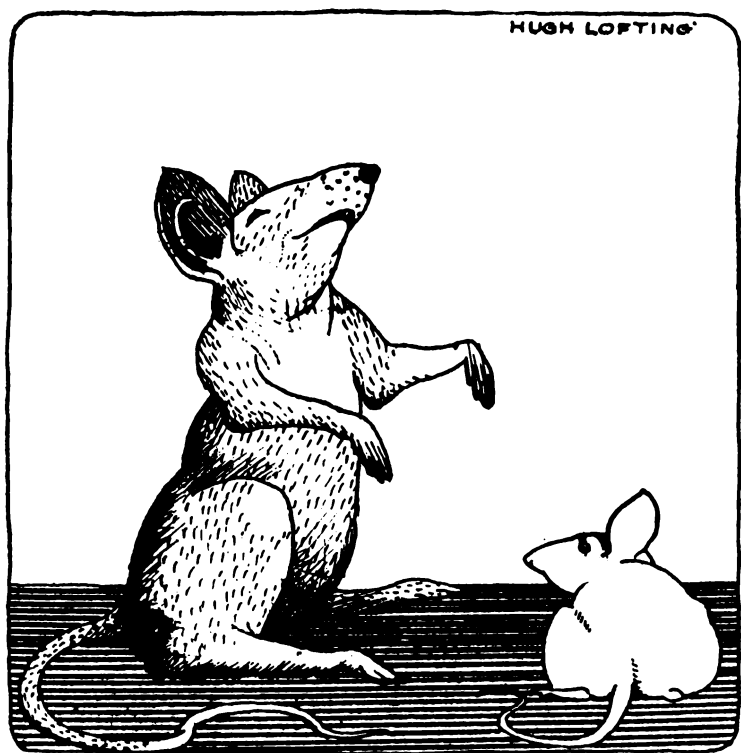
— Здесь нет никакой еды, — сказала она, — только одни разноцветные краски.

И она указала на ряды огромных красильных чанов, которые возвышались в темноте над нашими головами.

— Я уже давно съела всю еду, которая здесь была, — печально продолжала крыса, и я не могу выйти отсюда, потому что на крыше меня караулят две совы. Они увидят мой темный мех на снегу, и тогда я пропаду. Я уже почти умираю от голода.

Она покачнулась на своих старых ногах.

— Но теперь появилась ты. Наверно, какая-то добрая фея послала тебя мне. Я неделями не высо-

Старая крыса рассмеялась трескучим,
дрожащим смехом.

вывала отсюда носа и ждала, что ко мне забредет белая мышь. Ведь совы не могут заметить твой белый мех на снегу, потому-то они и не сцапали тебя, когда ты шла сюда. Это называется «защитной окраской». Я хорошо знаю естественные науки — не удивляйся, ведь я очень старая. Ради всего святого, выйди отсюда и принеси мне хотя бы что-нибудь поесть! У меня крошки не было во рту, с тех пор как выпал снег. Днем меня подстерегают кошки, а по ночам — совы. Только ты можешь теперь спасти мою жизнь!

Я вышла из сарая и по залитому лунным светом снегу пошла через двор, а совы сидевшие на крыше, даже не обратили на меня внимания. Я была почти совсем невидима на белом снегу. Я была очень горда собой — наконец-то мой белый цвет оказался кстати.

Я нашла мусорный ящик и, отыскав в нем кожуру от ветчины, принесла ее оголодавшей крысе. Как она меня благодарила! Она ела, и ела, и не могла наесться — клянусь моими усами! Наконец она сказала:

— Вот теперь я чувствую себя получше.

— Вы знаете, — стала жаловаться я, — я ведь только что вырвалась на свободу. Я была домашним зверьком у одного мальчика, и он держал меня в клетке. До сих пор белый цвет моего меха приносил мне одни неприятности. Кошкам так хорошо видно меня, что жизнь превращается в сплошное мученье.

— Я знаю, что мы теперь сделаем, — сказала старая крыса, — переселяйся ко мне в красивую мастерскую. Здесь не так плохо — под полом довольно тепло и уютно, а в подвале полным-полно всяких щелей, проходов и других мест, где можно

спрятаться. Пока лежит снег, ты будешь выбирать-ся отсюда и приносить еду нам обоим, а когда зиме придет конец и земля опять станет темной, добывать еду буду я. В жизни здесь есть и еще один плюс — тут не хранится ничего, что крысы или мыши могли бы попортить, и поэтому люди нас не будут трогать. В других местах — в жилых домах, продуктовых магазинах или на мельницах — они составляют мышеловки или натравливают на нас кошек и хорьков. Но никто не станет беспокоиться, если крысы живут в красильном сарае, понимаешь? Глупые молодые крысы и мыши ищут жилье там, где много еды. Но умная и опытная крыса поступает совсем по-другому!

Целый год я прожила в красильном сарае вместе со старой мудрой крысой. И, без сомнения, это было славное время! Ни одна живая душа нас не беспокоила. В зимнее время я раздобывала провизию, а когда наступило лето, то приходила очередь моей престарелой компаньонки, которая знала, где в городе можно найти самую лучшую еду, и наш буфет всегда был полон отборными деликатесами. Ах, сколько прекрасных минут провели мы под полом красильного сарая, наслаждаясь вкусной едой и слушая, как красильщики, которые разводили краски в огромных чанах, болтали о городских новостях!

Но все мы так глупо устроены и никогда не бываем довольны тем, что имеем. К началу второго лета я уже мечтала о другой жизни, хотела быть свободной мышью, бродить по белу свету и все в таком роде. И, кроме того, мне еще ужасно хотелось выйти замуж. Возможно, на меня так подействовала весна. И вот однажды вечером я сказала старой крысе:

— Послушайте, уважаемая крыса, — сказала я ей, — я влюбилась. Всю зиму, когда я выходила за провизией, я каждый день встречалась с молодым мышонком из хорошей семьи и с прекрасными манерами. Мы с ним решили пожениться и обзавестись собственным домом. А сейчас настает лето, и мне опять придется все время сидеть взаперти в этом несчастном сарае, только потому, что у меня такой отвратительный цвет.

Старая крыса с минуту задумчиво смотрела на меня, и я поняла, что она собиралась произнести что-то особенно мудрое.

— Милочка, — сказала она наконец, — если ты решила уйти, то я, конечно, не смогу тебя остановить, хотя я и считаю, что ты задумала ужасную глупость. Вдобавок, одному только Богу известно, как я тут буду обходиться без тебя зимой. Но за то, что ты тогда спасла меня от голода, я тоже помогу тебе.

Сказав так, она повела меня наверх, туда, где стояли красивые чаны. Уже наступили сумерки, и все рабочие разошлись по домам. Мы едва могли различить силуэты этих огромных чанов, которые возвышались над нашими головами. Старая крыса подняла с пола кусочек веревки и, взобравшись на средний чан, опустила ее внутрь.

— Зачем вы это делаете? — спросила я.

— Это для того, чтобы ты смогла выбраться наружу, после того, как примешь ванну. Ты погибнешь, если среди лета выберешься наружу в своей белой шубке. И поэтому я собираюсь покрасить тебя в черный цвет.

— Сырные угодники! — вскричала я. — Покрасить меня в черный цвет?

— Вот именно, — ответила крыса. — Это довольно просто. Забирайся на средний чан, встань на самый

краешек и ныряй! Не бойся, это не так страшно. А по этой веревочке ты выберешься обратно.

Я всегда была немного авантюристкой в душе. И вот, набравшись смелости, я залезла на чан и встала на самый его край. Было ужасно темно, и я едва могла разглядеть краску, которая маслянисто и мрачно поблескивала где-то далеко внизу.

— Ну, смелей, — сказала старая крыса. — Не бойся, разок окунешься и можно вылезать.

Не так-то просто было решиться на этот прыжок. Если б не любовь, я бы никогда не отважилась на такое. Но я собралась с духом и прыгнула.

Очутившись в густой краске я сперва подумала, что не смогу вынырнуть, а когда все-таки вынырнула, то чуть было снова не утонула, пока не нашла в темноте веревочку и, задыхаясь, выкарабкалась из проклятого чана.

— Замечательно! — сказала старая крыса. — Теперь побегай немного, чтобы не простудиться, а потом ложись в постель и хорошенько укройся. Утром ты встанешь уже совсем другой мышью!

И вот — я до сих пор не могу без слез об этом вспоминать — на следующий день, когда я проснулась и оглядела себя, то увидела, что вместо элегантного и модного черного цвета моя шкурка покрашена в вульгарный ярко-голубой! Эта проклятая старая дура перепутала чаны!

На минуту белая мышка замолкла — чувства переполняли ее. Но вскоре она продолжала:

— За всю свою жизнь я ни на кого так не злилась, как на эту старую крысу.

— Посмотри! — закричала я ей. — Посмотри, что ты со мной сделала! Это даже не темно-синий цвет. Я теперь просто страшилище!

— Я не понимаю, что произошло, — пробормотала она. — В среднем чане всегда была черная краска, уж я-то знаю. Они, наверное, переставили их. Голубая раньше была в левом чане.

— Молчи уж, глупая старуха! — ответила я ей и в ярости выбежала из красильного сарая, чтобы больше уже никогда туда не возвращаться.

Но теперь я стала еще в сто раз заметней, чем до сих пор. Мою яркую, небесно-голубую шкурку было прекрасно видно и на черной земле, и на зеленой траве, и на белом снегу, и на коричневом полу. Не успела я выскочить из сарая, как на меня прыгнула огромная кошка. Я увернулась от нее и выбежала на улицу. Там меня сразу заметили неслосные ребятишки и, крича во всю глотку, что они видели голубую мышь, стали гоняться за мной по сточной канаве. На углу улицы дрались две собаки. Увидев меня, они прекратили драку и присоединились к погоне. Вскоре за мной гнался уже весь этот проклятый город. Это было ужасно. Меня не оставляли в покое, пока не настала темнота, и к этому времени я была так вымотана беготней, что буквально валилась с ног.

Около полуночи я встретила под фонарным столбом с тем молодым мышонком, в которого была влюблена. И что вы думаете? — он даже не захотел со мной разговаривать! Он просто-напросто отшил меня!

— Это ради тебя я оказалась в таком кошмарном положении, — сказала я ему, в то время как он вышагивал возле меня, задрав кверху нос. — Ты — неблагодарный тип, вот кто ты такой!

— О-ла-ла-ла! — самодовольно заухмылялся он. — Неужели ты думаешь, что уважающий себя мышонек будет водиться с какой-то голубой мышью?

Целую ночь я пыталась найти пристанище, но все мыши, которые попадались мне навстречу, только показывали на меня пальцами, смеялись и издевались надо мной. Я чуть не плакала от обиды. Я отправилась к реке в надежде, что смогу смыть с себя краску и снова стать белой. Во всяком случае, это было бы лучше, чем то, какой я была сейчас. Я долго мылась, плавала и полоскала в воде свой мех, но краска никак не смывалась — разве смоешь краску простой водой?

В глубоком отчаянье я сидела на берегу и дрожала от холода. Небо на востоке стало бледнеть... Дневной свет! Скоро наступит утро, и все опять увидят мой отвратительный цвет. Значит, мне снова целый день терпеть насмешки и скрываться от погони.

И тогда я приняла очень тяжелое решение — возможно, это самое тяжелое решение, которое может принять свободная мышь. Я решила, что лучше опять стану домашним зверьком и буду сидеть в клетке, чем сносить такие издевательства и преследования. Тот курносый сын шляпника, по крайней мере, кормил меня и заботился обо мне. Я вернусь к нему и буду жить в неволе. Не нужна мне такая свободная жизнь, где друг способен отвернуться, а возлюбленный — предать только потому, что у тебя изменился цвет шкурки! Пускай я стану пленницей — может быть, когда-нибудь все они еще пожалеют обо мне — но будет уже слишком поздно!

Устало поднявшись, я медленно направилась к магазину шляпника. На самом пороге я остановилась. Ужасен и бесповоротен был шаг, который мне предстояло сделать! «Как печальна жизнь!» — думала я, пустыми глазами глядя перед собой, и вдруг увидела, что через улицу прямо ко мне идет мой родной брат!

Его хвост был туго перевязан белоснежным бинтом. Мы с братом уселись на ступеньки, и я, рыдая, рассказала ему все, что со мной произошло, с тех пор как мы покинули родительский кров.

— Бедняжка, как тебе не повезло! — сказал он, когда я закончила свой рассказ. — Хорошо хоть я успел перехватить тебя, прежде чем ты опять попала в неволю. Мне кажется, я знаю, как найти выход.

— Какой может быть выход? — с горечью сказала я. — Жизнь для меня потеряла смысл!

— Тебе надо пойти к Доктору, — заявил мой брат.

— К какому еще доктору? — спросила я.

— Тебе нужен только один Доктор, — ответил он. — Неужели ты никогда о нем не слышала?

И тогда брат рассказал мне про Доктора Дулитла. Это было как раз в ту пору, когда Доктор еще только начинал становиться знаменитостью среди зверей, но я, живя в сарае со старой крысой, конечно, ничего о нем не знала.

— Я как раз возвращаюсь от него, — сказал мой брат. — Мне прищемило мышеловкой хвост, и Доктор сделал мне перевязку. Он замечательный человек — добрый и честный. Он даже умеет говорить на зверином языке. Отправляйся к нему — я уверен, что он придумает, как смыть с тебя голубую краску. Он знает все на свете.

Вот так я и попала в дом Джона Дулитла в Падлби-на-болоте. Когда я рассказала доктору про свои несчастья, он первым делом взял маленькие ножницы и состриг весь мой мех, так что я стала совершенно лысая и розовая, как поросенок. Потом он натер меня специальным составом для ращения шерсти на мышах — его собственное патентованное

изобретение. И очень скоро у меня отросла замечательная новая меховая шубка, белая, как снег!

А после, наслышавшись от меня о том, как трудно белым мышам прятаться от кошек, Доктор разрешил мне поселиться в его старом пианино. Ни одна мышь не могла бы мечтать о большем! Доктор даже предлагал послать за моим вероломным возлюбленным, который теперь, несомненно, переменил бы свое отношение ко мне. Но я сказала:

— Нет, Доктор. Пусть себе живет, как хочет, а я не желаю больше иметь никаких отношений с мужчинами.

Г Л А В А 6

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ РАССКАЗАЛ ДЖИП

НА следующий вечер наступила очередь Джипа рассказывать свою историю. Он на минуту задумался и сказал:

— Пожалуй, я расскажу вам историю про собаку нищего.

Джип и раньше рассказывал животным доктора всякие интересные истории, и поэтому они приготовились слушать его особенно внимательно.

— Когда-то, — начал Джип, — знал я одного пса, который принадлежал нищему. Мы случайно познакомились с ним, когда на улице перевернулась тележка мясника. Тележку вез посыльный мясника, противный мальчишка, которого терпеть не могли все собаки в городе. Так что, едва его тележка налетела на фонарный столб и перевернулась, рассыпав свиные отбивные и бараньи ноги по мостовой, как все мы оказались на месте и, пока он вылезал из канавы, растащили его мясо.

Вот тогда-то, как я уже говорил, мы и познакомились с этим псом. Он что было духу весело улепетывал бок о бок со мной, держа в зубах прекрасный кусок вырезки. Я и сам стянул целую связку сосисок, но эти проклятые сосиски все время путались у меня под ногами — до тех пор пока тот пес не показал мне, как надо их свернуть, чтобы бежать и не спотыкаться.

После этого случая мы с ним стали большими друзьями. Я узнал, что его хозяин был очень старым и у него была всего одна нога.

— Он ужасно беден, — рассказывал мой друг, — и слишком стар. Даже если бы у него было две

ноги, он все равно уже не смог бы работать. Поэтому он стал уличным художником. Это очень просто — берешь цветные мелки, рисуешь всякие картины прямо на мостовой и подписываешь под ними: «Это мои работы». А потом сидишь рядом и ждешь, пока тебе в кепку кто-нибудь бросит несколько пенсов.

— Да, — сказал я, — я знаю. Я видал таких уличных художников и раньше.

— Так вот, — грустно сказал мой друг, — моему нищему никогда ничего не подают. И я знаю почему: дело в том, что его картины слишком плохи даже для уличного художника. Я сам не слишком разбираюсь в изящных искусствах, но его картины действительно никуда не годятся — они просто ужасны. Недавно одна добрая старушка остановилась возле нашей выставки — она, наверно, пожалела моего хозяина и хотела сделать ему что-нибудь приятное — и, показывая на одну из картин, сказала: «Какое прелестное деревце!» А на этой картине был изображен маяк посреди бушующего океана. Такой вот художник мой хозяин. Ума не приложу, что мне с ним делать!

— Послушай, — сказал я, — у меня есть идея. Раз твой хозяин не может сам заработать на хлеб, давай мы с тобой займемся прокатом костей.

— А это еще что такое? — спросил он.

— Ну, — ответил я, — люди ведь берут напрокат велосипеды и пианино, правда? А почему бы нам не сдавать в прокат кости, чтобы другие собаки могли их погрызть? Конечно, они не смогут платить нам деньгами, но вместо этого пусть приносят вещи. Тогда твой нищий сможет продавать эти вещи и зарабатывать себе на жизнь.

— Отличная мысль! — сказал он. — Давай начнем прямо завтра.

И вот, на следующий день мы нашли хорошее местечко на свалке и вырыли большую яму для нашего ателье проката. Потом мы с утра пораньше обошли все задние дворы богатых домов и набрали самых лучших костей из мусорных баков. Некоторые кости нам пришлось буквально выхватить из-под носа у собак, сидевших там на цепи, и они даже не могли за нами погнаться. Конечно, порядочный пес не станет так поступать, но у нас была благородная цель и не приходилось быть слишком щепетильными. Потом мы отнесли эти кости в нашу яму и закопали их. Во-первых, чтобы нашу добычу не украли, а, во-вторых, потому что некоторые собаки предпочитают грызть кости, которые какое-то время полежали в земле. Это как бы придает костям особую пикантность.

А утром следующего дня мы разложили наши богатства и стали зазывать всех собак, которые пробегали мимо:

— Кости напрокат! Говяжьи кости, ветчинные кости, бараньи кости, куриные кости! Самые сочные! Самые свежие! Подходите, джентельмены, и выбирайте! Кости напрокат! На любой вкус!

С самого начала наши дела пошли прекрасно. Слух о нас облетел всю округу, и все окрестные собаки валом валили к нам за костями. Плату за прокат костей мы брали в зависимости от срока проката. Например, если вы берете хорошую ветчинную косточку на один день, вы приносите, скажем, свечку или щетку для волос; на три дня — скрипку или зонтик. А если вы хотите грызть ее целую неделю, то вам надо принести что-нибудь посущественнее, допустим, мужской костюм.

Первое время все шло по нашему плану. Нищий

продавал те вещи, которые мы получали, и ему вполне хватало денег на житье.

Честно говоря, мы даже не задумывались, откуда собаки берут все эти вещи. Нас это попросту не интересовало. Однако спустя неделю после открытия нашего предприятия мы заметили, что много людей стало ходить по улицам, озираясь по сторонам, как будто они что-то потеряли. И вскоре эти люди обнаружили наш магазин на пустыре и собрались вокруг, переговариваясь между собой. А в это время к нам как раз подошел один ретривер. В зубах он держал золотые часы с цепочкой, которые принес в обмен на ветчинную косточку.

Вы бы видели, как заволновались эти люди! Владелец часов с цепочкой, к несчастью, оказался среди них и поднял невообразимый скандал. Вот тут-то и выяснилось, что, оказывается, все наши клиенты как один приносили нам вещи из домов своих хозяев! Люди были ужасно возмущены. Они немедленно прикрыли нашу торговлю, и этому прибыльному бизнесу пришел конец. Хорошо хоть они не узнали, что вся выручка доставалась одному нищему, а то его могли бы, чего доброго, отдать под суд.

К сожалению, денег, которые мы заработали, хватило ему ненадолго, вскоре он опять впал в нищету и снова начал рисовать картинки на мостовой, причем теперь они были еще хуже, чем прежде.

И вот однажды, гуляя за городом, я встретил одного чрезвычайно нахального спаниеля. Он прошел мимо меня такой гордой походкой и так высоко задрав нос, что я не выдержал и спросил его:

— Эй, ты, задавака, что это тебя так распирает?

Ретривер держал в зубах золотые часы с цепочкой.

— Моему хозяину заказали написать портрет принца, — ответил он, изо всех сил стараясь казаться элегантным.

— А я уж было подумал, что это тебе заказали написать портрет принца, — сказал я. — А кто твой хозяин?

— Мой хозяин — знаменитый художник! — ответил он.

— И как же его фамилия? — спросил я.

— Джордж Морланд, — надменно ответил спаниель.

— Джордж Морланд! — воскликнул я. — А он что, сейчас в наших местах?

— Да, — ответил спаниель. — Мы остановились в «Роял Джордж». Мой хозяин пишет здесь пейзажи, а на следующей неделе мы уезжаем обратно в Лондон, где он начнет рисовать портрет принца.

Дело в том, что мне уже приходилось встречаться с Джорджем Морландом, который был и, возможно, остается самым знаменитым художником среди тех, кто рисует картины из сельской жизни. Особенно хорошо у него получалось изображать лошадей на конюшне, свиней в загонах, петухов и собак, которые ошиваются возле дверей кухни, и тому подобные вещи. И я всегда был чрезвычайно горд этим знакомством.

И вот, тайком от спаниеля я проследил, куда он направляется. Он привел меня на старую заброшенную ферму среди холмов. Там, спрятавшись в кустах, я имел счастье наблюдать, как великий Морланд писал один из своих знаменитых сельских пейзажей.

Вскоре он отложил кисть и пробормотал себе под нос:

— Вот здесь, около корыта, хорошо бы вписать какую-нибудь собаку или кошку. Интересно, сможет ли этот бестолковый спаниель полежать спокойно пять минут... Сюда, Спот! Спот, ко мне!

Его спаниель подошел к нему. Джордж подвел его к корыту с водой, приказал лечь и лежать смирно. Я знал, что Джордж Морланд просто обожал рисовать животных, спящих на солнце, и ему, конечно, хотелось, чтобы Спот тоже притворился спящим.

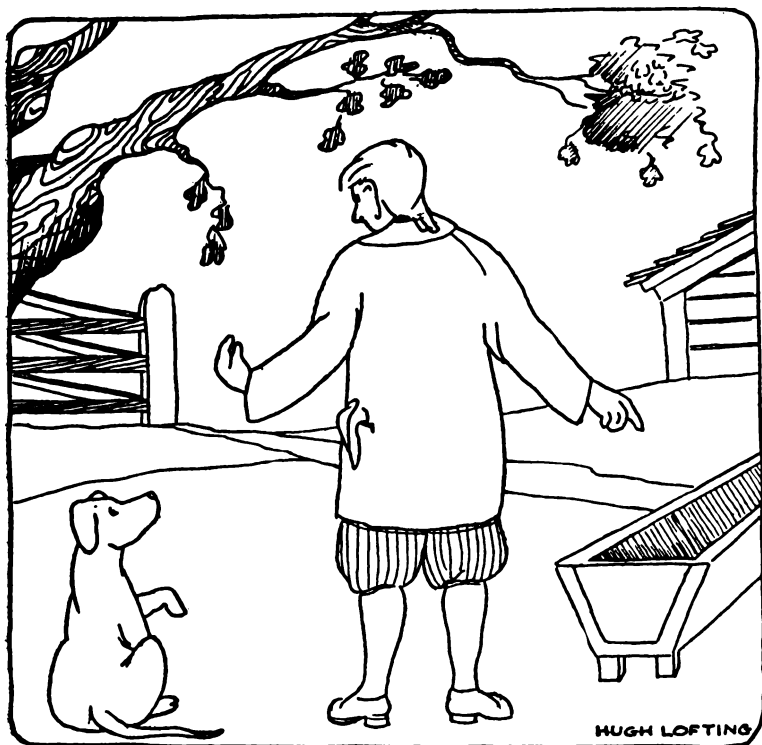
Но этот тупоголовый спаниель не мог ни минуты усидеть на месте. Сначала он стал ловить мух, которые кусали его за хвост, потом принялся с ожесточением чесать себя за ухом, потом он увидел кошку... Естественно, Джорджу было совершенно невозможно его рисовать, и в конце концов он так рассердился, что даже швырнул в Спота своей кистью.

И тут мне в голову пришла замечательная идея — одна из лучших идей за всю мою жизнь. Я вышел из кустов и, помахивая хвостом, неторопливо подбежал к Джорджу. И, представьте себе, великий Морланд сразу же узнал меня! А ведь мы с ним встречались только однажды — аж в августе 1802 года. Я был невероятно польщен.

— Ба, да это же Джим! — закричал он. — Хорошая собачка. Иди ко мне. Тебя-то мне и нужно.

Ища в траве свою кисть, которую он швырнул в спаниеля, художник разговаривал со мной — ну, как люди обычно разговаривают с собаками. Конечно, он не думал, что я его понимаю, но я-то все понимал — каждое словечко.

— Я хочу, чтобы ты прилег вот здесь у корыта, Джим, — сказал он. — Тебе ничего не надо делать, только лежи смирно. Можешь поспать, если хо-

— Я хочу, чтобы ты прилег здесь, у корыта,
— сказал художник.

чешь. Но, главное, постарайся не двигаться минут десять. Можешь это сделать?

Он подвел меня к корыту, где я улегся и застыл совершенно неподвижно, пока он вписывал меня в свою картину. Эта картина теперь висит в Национальной Галерее. Она называется «Вечер на ферме». Сотни людей видят ее каждый год. Но никто из них не знает, что та симпатичная собачка, которая спит около корыта, не кто иной, как Джип собственной персоной — никто, кроме Доктора, которому я однажды показал ее, когда мы ездили в Лондон за покупками.

Но во всем этом у меня была своя корысть. Я надеялся, что Джордж Морланд сможет, в свою очередь, оказать мне одну услугу. Правда, он не понимал собачьего языка, и мне было довольно трудно с ним объясниться. И вот, пока он укладывал свои краски и холсты, я на секунду скрылся из виду, как будто собирался уйти. Потом я со всех ног прибежал обратно, взволнованно лая и пытаюсь дать ему понять, что он должен пойти со мной.

— Что случилось, Джип? — спросил он. — Надеюсь, не пожар или еще что-нибудь в этом роде?

Я снова залаял и, оглядываясь на него, пробежал немного в направлении города, чтобы он понял, куда нужно идти.

— Что делается с этой собакой? — недоумевал он. — Реки здесь рядом нет, тонуть, вроде бы, нигде... Ну, хорошо, Джип, я сейчас пойду с тобой. Подожди только, пока я отмою свои кисти.

И мы пошли в город. По пути Джордж время от времени бормотал себе под нос:

— В чем же там может быть дело? Но что-то случилось, это ясно, иначе собака так бы себя не вела.

Я провел его по центральной улице города к тому месту, где нищий обычно сидел со своей собакой и выставлял картинки. Как только Джордж их увидел, ему пришло в голову, что он знает, в чем дело.

— Силы небесные! — воскликнул он. — Что за отвратительная выставка! Неудивительно, что собака чуть не взбесилась!

Как раз в это время одноногий нищий работал над своим новым произведением. Он сидел на тротуаре, и рисовал мелком кошку, лакающую молоко. Это вполне соответствовало моему плану. Я рассчитывал, что великий Морланд, который был очень добросердечным человеком, что бы там про него ни говорили, увидев эту ужасную мазню, нарисует для нищего несколько по-настоящему хороших картин. И мой план сработал.

— Только посмотрите, — закричал Джордж, указывая на рисунок нищего, — разве у кошки спина может так выгибаться? Дайте-ка мне мелок, я вам сейчас покажу, как надо.

Стерев каракули нищего, Джордж Морланд нарисовал всё заново. Кошка получилась как живая, казалось, было даже слышно, как она лакает молоко.

— Вот это да! — восхищенно проговорил нищий. — Хотел бы я уметь так рисовать. И рисуете-то вы так быстро, как будто это вам ничего не стоит.

— Ну, мне это действительно не так трудно, — сказал Джордж. — Впрочем, быстрота еще не признак мастерства. Но скажите, много ли вы зарабатываете вашим ремеслом?

— Очень мало, — грустно ответил нищий. — Сегодня за весь день я выручил только два пенса.

Вся беда в том, что я не умею так хорошо рисовать, как вы.

Я наблюдал за лицом Морланда во время всего разговора, и выражение его лица сказало мне, что я не зря привел сюда этого великого человека.

— Послушайте, — сказал он нищему. — Вы не будете возражать, если я сейчас перерисую заново все ваши картины? Конечно, то, что нарисовано на тротуаре, нельзя продать, но у меня с собой есть несколько лишних холстов, и вы сможете за них что-нибудь выручить. Я продал много своих картин в Лондоне, но еще никогда не пробовал ремесло уличного художника. Забавно посмотреть, что из этого получится!

И вот Джордж Морланд с энтузиазмом и энергией школьника взялся перерисовывать картины нищего. Он так этим увлекся, что не заметил, как вокруг него собралась целая толпа зевак. Его рисунки были так хороши, что люди не могли оторвать глаз от кошек, собак, коров и лошадей, которых он рисовал. Все начали шепотом спрашивать друг у друга, кто же этот незнакомец, рисующий картины для уличного попрошайки.

Людей становилось все больше и больше. Наконец, среди них нашелся человек, видевший работы Морланда раньше, и в толпе пронесся шепот: «Это Морланд — сам великий Морланд!» Кто-то сбегал за торговцем картинами, который держал магазин на Хайстрит, и рассказал, что Джордж Морланд в городе и рисует картины прямо на улице возле рынка.

Торговец картинами, конечно, поспешил туда. Там собрался уже весь город во главе с мэром. Нашлось очень много желающих сейчас же купить картины великого художника, и люди стали спра-

шивать у нищего, почему он хочет их продать. Бес-толковый старик сдуру хотел было запросить за них по шесть пенсов за штуку, но Морланд успел шепнуть ему на ухо:

— Двадцать гиней! Двадцать гиней — и не пенса меньше! Они заплатят!

Конечно же, торговец картинами и другие богатые горожане с радостью купили все картины по двадцать гиней за штуку. И когда в этот вечер, я шел домой, я чувствовал, что мои дневные труды не пропали даром. Хозяин моего друга, несчастный одноногий нищий, теперь имел достаточно денег, чтобы безбедно жить до конца своих дней.

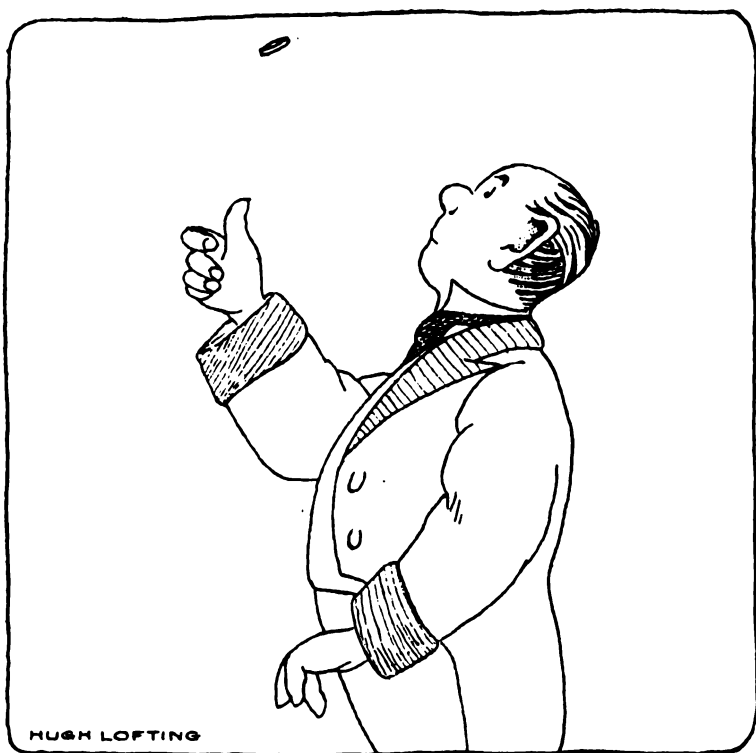
ГЛАВА 7

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ РАССКАЗАЛ ГУ-ГУ

ВСЕ звери уже рассказали свои истории — остались только филин Гу-Гу и Тяни-Толкай. И на следующий вечер, в пятницу, было решено бросить монетку (то самое пенни Доктора, в котором была дырка) и определить, кто же из них будет рассказывать сегодня. Если выпадет «решка», то — Тяни-Толкай, а если «орел», то — Гу-Гу. Доктор подбросил пенни и выпал «орел».

— Что ж, — сказал Гу-Гу. — Значит, сегодня моя очередь. Я расскажу вам о том случае — единственном случае в моей жизни, — когда меня приняли за добрую фею. Только представьте себе меня в роли феи! — захихикал маленький кругленький филин. — И вот как это произошло: в один октябрьский день, ближе к вечеру, я летал по лесу. В воздухе уже чувствовалось приближение зимы, и все пушные зверьки были заняты тем, что копошились в сухой, шуршащей листве, запасая на зиму орехи и семена. А я тем временем спокойно охотился за землеройками. Мне очень нравился их вкус, и пока они занимались поисками еды, их было нетрудно поймать.

И вдруг, летя над лесом, я услышал детские голоса и лай собаки. Теперь, услышав такие звуки, я бы улетел подальше в чащу, но в молодые годы я был очень любопытной птицей и из-за своего любопытства часто попадал в различные истории. И вот, вместо того, чтобы спрятаться подальше, я полетел прямо на эти голоса, осторожно пробира-

Доктор подбросил пенни, и выпал «орел».

ясь от дерева к дереву. Я хотел все увидеть, но сам при этом остаться незамеченным.

Вскоре я увидел небольшую полянку, где дети устроились на пикник — несколько мальчиков и девочек уплетали ужин посреди дубовой рощи. Один мальчик, который был постарше остальных, дразнил собаку. А двое других — маленькие мальчик и девочка — жалели собаку и просили его перестать. Но сорванец и ухом не вел. Тогда эти маленькие мальчик и девочка накинулись на него с кулаками и, к его удивлению, весьма прилично его отделали. Собака тем временем убежала домой, а мальчик и девочка — позже я узнал, что это были брат и сестра, — отделились от всей компании и пошли собирать грибы.

Мне очень пришлось по душе их храбрость — ведь они не побоялись вступить в драку с мальчишкой, который был гораздо старше и сильнее их. И когда они ушли в лес одни, я (опять-таки из любопытства) отправился за ними. Дети забрели довольно далеко. Между тем, солнце село, и в лесу стало темнеть.

Дети решили возвратиться к своим друзьям и повернули назад, но они плохо ориентировались в лесу и пошли совсем в другую сторону. С каждой минутой становилось темнее, а мальчик и девочка все шли и шли, спотыкаясь в темноте о корни деревьев, пока совершенно не выбились из сил.

Все это время я незаметно и бесшумно кружил у них над головами. Наконец дети сели на землю, и девочка сказала:

— Вилли, мы заблудились! Что же нам теперь делать? Наступает ночь, а я так боюсь темноты.

— Я тоже, — ответил мальчик. — С тех пор, как тетя Эмилия рассказала нам ту жуткую историю про привидение в комод, я до смерти боюсь темноты.

Я был просто потрясен. До этого случая мне никогда не приходилось слышать, чтобы кто-то боялся темноты. Ведь я всю жизнь предпочитал грубому и слепящему дневному свету прохладу и покой ночи и просто не мог поверить, что кто-то может так испугаться только из-за того, что солнце на несколько часов перестало светить.

Некоторые люди считают, что летучие мыши и совы могут видеть в темноте, потому что у них по-особому устроены глаза. Это не так. У нас по-особому устроены уши, а совсем не глаза. А в темноте мы хорошо видим, потому что регулярно упражняемся в этом. Здесь все зависит от тренировки — так же как в игре на фортепьяно или в чем-нибудь другом в этом роде. Мы встаем, когда все остальные ложатся спать, мы ложимся, когда все остальные встают. Вы не поверите, насколько такой распорядок приятнее, если к нему привыкнешь. Конечно, нам, филинам, немного легче, потому что в детстве наши родители специально учат нас ориентироваться в темноте. Но до определенной степени любой может добиться того же самого — дело, повторяю, только в тренировке.

Но вернемся к нашим детям. Они сидели на земле, не зная, что им теперь делать, и плакали от страха и волнения. Тогда я, вспомнив историю с собакой, за которую они так смело заступились, решил, что мне, пожалуй, следует помочь им. Я перелетел на дерево, под которым они сидели и самым добрым и мягким голосом сказал:

— Гу-уит! Гу-ху! — что, как вы знаете, означает на совином языке: «Добрый вечер! Как вы поживаете?»

Вы бы видели, как эти бедняжки подпрыгнули от страха!

— Ох! — сказала девочка, обхватив своего брата за шею. — Что это было, привидение?

— Я не знаю, — ответил мальчик. — Господи, как страшно! Какая жуткая темнотища!

Я сделал еще пару попыток успокоить их, ласково разговаривая с ними на совином языке. Но они только еще больше пугались. Сначала они предположили, что я привидение, потом — что я людоед, потом — что я лесной великан. Это я-то, которого они могли запросто засунуть себе в карман! Право же, эти человеческие существа воспитывают своих детей в ужасном невежестве! Может быть, конечно, в лесу или где-нибудь еще и существуют какие-то привидения, людоеды или великаны, но я, во всяком случае, еще никогда с ними не встречался.

Увидев, что дети только сильнее пугаются, когда я пытаюсь с ними заговорить, я подумал, что если я полечу через лес и буду все время подавать голос, то они пойдут за мной и я смогу вывести их из леса и показать дорогу домой. Я попробовал, но эти маленькие несмышленики, конечно, не пошли за мной — они ведь считали меня лешим или какой-то еще нечистью. Все, что мне удалось добиться своим непрерывным уханьем, это разбудить где-то неподалеку еще одного филина, который подумал, что я зачем-то его зову.

Словом, ничего у меня с ними не получалось, и я решил поговорить с этим филином — может, он сумеет что-нибудь придумать. Я нашел его на пень-

ке трухлявой березы. Он только что вылез из постели и недовольно протирает заспанные глаза.

— Добрый вечер, — говорю ему я. — Прекрасная нынче ночь!

— Это точно, — ответил он, — только недостаточно темная. Чего это ты там раскричался в такое время? Взял и разбудил меня, когда еще толком не стемнело!

— Мне очень жаль, — сказал я, — но там в лошадке двое маленьких детей, они заблудились. Эти маленькие глупыши сидят и плачут, потому что уже совсем темно и они не знают, что им делать.

— О, Господи! — ответил филин. — Ничего себе история! Что ж ты их не вывел из леса? Они, наверно, живут на одной из тех ферм, что возле дороги.

— Я пробовал, — сказал я. — Но они так напуганы, что ни в какую не хотят идти за мной. Они принимают меня за людоеда или еще за какую-то дрянь. Может, им голос мой не нравится?..

— Ну, — говорит он, — тогда тебе придется притвориться каким-нибудь другим животным, которого бы они не боялись. Ты умеешь подражать чужим голосам? Скажем, лаять, как собака?

— Нет, — ответил я. — Зато я могу мяукать, как кошка. Я научился этому у американского дрозда, который жил в клетке на конюшне, где я иногда бывал прошлым летом.

— Отлично, — сказал он. — Вот и попробуй. Может, что и получится!

Я вернулся к детям. Они сидели на том же месте и плакали еще горше, чем прежде. Тогда, хорошенько спрятавшись среди кустов у самой земли, я начал мяукать, как самая настоящая кошка: «Мяу! Мяу!»

— Ой, Вилли, — сказала девочка своему брату, — мы спасены! (заметьте, она сказала «спасены», хотя ни одному из этих несмышленишек не грозила ни малейшая опасность!) Мы спасены! — говорит она. — Это Таффи, наша кошка, она пришла за нами. Она покажет нам дорогу домой. Кошки всегда могут найти дорогу домой, ведь правда, Вилли? Пойдем за ней!

Какое-то время пухленькие бока Гу-Гу сотрясались от беззвучного смеха, пока он снова представлял себе эту сцену.

— Тогда, — продолжал он, — я немного отлетел в сторону, стараясь, чтобы меня нельзя было заметить, и замяукал опять.

— Она вот там! — воскликнула девочка. — Она зовет нас. Пойдем, Вилли.

И вот таким манером, двигаясь впереди них и непрерывно мяукая, я в конце концов вывел детей из леса. По пути они часто спотыкались и падали, а длинные волосы девочки все время цеплялись за колючие кусты. Но я всегда поджидал их, если они отставали. Наконец, когда мы вышли на открытое место, мы увидели силуэты трех домов. Средний из них был весь залит огнями, и вокруг него, как сумасшедшие, бегали люди с фонарями, обшаривая все вокруг.

Когда родители увидели своих ребятишек, они подняли такой ужасный крик и плач, как будто мальчик и девочка спаслись от какой-то страшной опасности. Глядя на то, как радовались мать и отец, можно было подумать, что их дети потерпели кораблекрушение и прожили несколько лет на необитаемом острове, а не провели пару часов в тихом и приятном ночном лесу. Вообще я заметил, что взрос-

лые люди, как правило, еще более глупы, чем их дети.

— Как же вы смогли найти обратную дорогу? — спросила мать, вытирая слезы и смеясь от счастья.

— Таффи привела нас домой, — ответила девочка. — Она пришла за нами и своим мяуканьем указывала нам дорогу.

— Таффи? — удивилась мать, совершенно сбита с толку. — Но ведь она спит в гостиной у камина — и спала там весь вечер с самого обеда.

— Ну, значит это была какая-то другая кошка, — сказал мальчик. — Она должна быть где-то здесь, ведь она довела нас почти до самых ворот.

Их отец стал светить вокруг фонарем в поисках этой кошки, а я не успел отскочить в сторону с низкого куста шалфея — и свет упал прямо на меня.

— Ой, это же сова! — закричала девочка.

— Мяу! — сказал я, чтобы немного пофорсить. — Гу-уит! Гу-ху! Мяу! Мяу!

И махнув на прощанье крылом, я скрылся в темноте над крышей конюшни. Но в последний момент я услышал, как девочка взволнованно пролепетала:

— Ой, мама, это же добрая фея! Это фея привела нас из леса. Она только притворилась совой! Наконец-то я увидела настоящую фею!

Да, это был первый и последний случай в моей жизни, когда я смог сойти за добрую фею. Впрочем, со временем я познакомился с этими детишками поближе. Они были и впрямь очень милой парочкой, хотя девочка упорно продолжала настаивать, что я — это не я, а фея, превратившаяся в сову. Я часто по ночам охотился за мышами и крысами возле их амбара. Но если эти малыши случайно замечали меня, они не отходили от меня ни на шаг.

После того, как я в ту ночь вывел их из леса, они пошли бы за мной хоть через пустыню Сахару, ни минуты не сомневаясь, что будут в совершенной безопасности. Они взяли в привычку приносить мне бараньи отбивные, креветок и всякие другие лакомства со взрослого стола. С такой пищи я так растолстел и обленился, что уже не смог бы поймать даже хромую мышь.

Они больше уже никогда не боялись темноты. Потому что, как я однажды сказал Доктору, когда мы с ним беседовали о философии, таблице умножения и других отвлеченных предметах, страх обычно порождается невежеством. Стоит хоть раз познакомиться с явлением, и вы больше уже никогда не будете его бояться. Те двое малышей познакомились с темнотой и поняли, что она точно так же безопасна, как и светлое время.

Я стал водить их с собой ночью в лес, через холмы и овраги, и им это очень понравилось — ведь все дети любят приключения. Я подумал, что было бы неплохо, если бы люди — хотя бы некоторые из них — умели передвигаться без дневного света, и я научил этих ребят видеть в темноте. Они быстро поняли, в чем тут штука, особенно, когда заметили, как я всегда щурюсь при ярком свете, чтобы глаза не привыкали к нему. И скоро эти малыши стали настоящими специалистами в этом деле. Конечно, не такими хорошими, как филин или летучая мышь, но они уже вполне прилично могли видеть в темноте, хотя родители и не учили их этому с младенчества.

И однажды им это очень и очень пригодилось. Как-то весной в этой части Англии ночью началось сильное наводнение, и во всей округе невозможно было найти ни единой сухой спички и зажечь огонь.

людей, знали, как в темноте использовать свои глаза.

Гу-Гу зевнул и сонно прищурился на лампу, висящую у них над головами.

— Умение видеть в темноте, — закончил он, — целиком зависит от тренировки — это все равно что игра на фортепьяно или что-нибудь еще в этом роде.

ГЛАВА 8

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ РАССКАЗАЛ ТЯНИ-ТОЛКАЙ

И вот наконец наступил вечер, когда свою историю должен был рассказывать Тяни-Толкай. Он был ужасно застенчивым, и когда животные принялись его упрашивать, очень скромно и вежливо сказал:

— Мне так жаль вас разочаровывать, но я боюсь, что не знаю никаких историй — по крайней мере, ничего такого, что было бы интересно для вас.

— Давай-давай, Тяни-Толкай, — подбодрил его Джип. — Не будь таким стеснительным. Мы ведь все уже рассказали свои истории, так что не ломайся. Ты ведь не хочешь сказать, что прожил всю жизнь в африканских джунглях и не видел ничего интересного? Да ты, наверно, знаешь сотни всяких историй!

— Видите ли, в моей жизни не было никаких крупных событий, — сказал Тяни-Толкай. — Животные моей породы всегда держатся очень замкнуто и уединенно. Нам хватает своих забот, и мы не любим вмешиваться в разные скандалы, ссоры и чужие дела.

— Ну, ты подумай еще минутку, — попросила Даб-Даб. — Что-нибудь обязательно придет тебе в голову... Не приставайте к нему! — прошептала она остальным. — Дайте ему собраться с мыслями. У него же две головы — и в одну из них что-нибудь обязательно придет. А вы его только смущаете!

В течение минуты или двух Тяни-Толкай постукивал по палубе своими изящными копытцами,

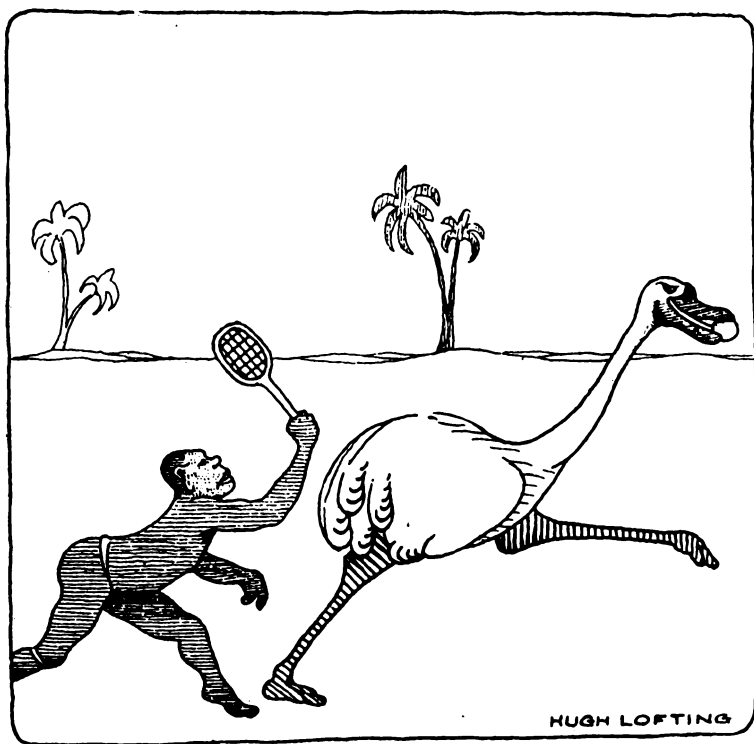
погруженный в глубокое раздумье. Затем одна голова поднялась и тихим голосом начала рассказ, в то время как другая смущенно покашливала под чайным столиком.

— Э-э... эта история ничего особенного из себя не представляет, честное слово. Но, может быть, она и сгодится, чтобы провести время. Я расскажу вам про бадамошских охотников на страусов. Вы должны знать, что у чернокожих есть много различных способов охоты на диких животных. И способ охоты зависит от того, на какое животное они собираются охотиться. Например, если это жираф, то они вырывают глубокую яму и прикрывают ее сверху тонкими ветками и пучками травы. Потом они ждут, пока какой-нибудь жираф не провалится в эту яму, и тогда они подбегают и ловят его. Чтобы охотиться на один вид довольно глупых антилоп, они делают из веток нечто похожее на щит, высотой примерно в рост человека. И охотник, держа этот щит перед собой, осторожно подбирается к доверчивой антилопе, которая принимает его за обычное дерево, и выпускает свое копьё или стрелу.

У них есть еще множество других охотничьих уловок, в большей или меньшей степени хитрых и нечестных. Но прием, который придумали бадамошские охотники на страусов, наверное, самый подлый из всех. Вкратце, вот в чем он состоял: насколько вам известно, страусы, как и копытные животные, обычно ходят небольшими стадами. И, кроме того, они не слишком умны. Вы все слышали о том, что при приближении человека, страусы зарывают голову в песок, думая, что, если они не видят человека, то и он не может их увидеть. Это, согласитесь, не с лучшей стороны характеризует их умственные способности. Правильно? Ну, так вот.

А в стране Бадамоши песок встречался довольно редко, и страусам некуда было зарывать свои головы, что, в общем-то, оказалось для них совсем не так плохо. Потому что при появлении людей, они стремглав убегали — очевидно, на поиски песка — и это спасало их жизни. Бадамошским охотникам необходимо было придумать какую-нибудь уловку, чтобы подобраться к страусам на такое расстояние, с которого они могли бы убить их. И то, что они придумали, было довольно остроумным. Однажды я случайно набрел в лесу на группу охотников, которые отработывали свой новый трюк. У них было чучело страуса, и они по очереди надевали его на себя, стараясь ходить и вести себя, как настоящие страусы, причем длинную и тонкую страусиную шею они поддерживали на весу палкой. Спрятавшись, я наблюдал за ними и вскоре понял, что они затеяли. Один из них должен был притвориться страусом, пробраться в середину стада и наброситься на страусов с топором, который был спрятан внутри чучела.

А страусы из тех краев были моими большими друзьями — с тех самых пор, как они вывели из строя бадамошский теннисный корт. За несколько лет до этого, вождь тамошнего племени, найдя прекрасный луг с высокой и сочной травой, который, между прочим, был моим любимым пастбищем, приказал всю эту замечательную траву выжечь и превратил луг в теннисный корт. Он когда-то видел, как белые люди играют в теннис, и решил, что ему тоже следует поиграть в эту игру. Но страусы принимали теннисные мячики за яблоки и постоянно поедали их — они ведь ужасно неразборчивы в еде. Они прятались в джунглях поблизости от корта, и когда мячик вылетал из игры, они тут же

Страусы подхватывали теннисный мячик и
немедленно съедали.

подхватывали его и немедленно съедали. В очень короткое время они съели весь запас мячиков у вождя племени, положив таким образом конец и существованию корта. Вскоре на моем любимом пастбище снова отросла высокая трава, и я смог вернуться туда. Вот так получилось, что страусы стали моими большими друзьями.

Поэтому, узнав, какая ужасная опасность нависла над ними, я отправился к вожаку стада и все ему рассказал. Вожак страусов отнюдь не отличался сообразительностью, и мне пришлось битый час разъяснять и втолковывать ему, что и как.

— А теперь запомните главное, — сказал я на прощанье. — Вы всегда легко сумеете отличить охотника по цвету и форме ног. У страусов, как вы можете убедиться на собственном примере, ноги серые и тонкие, а у охотников — черные и толстые.

Дело было в том, что чучело страуса, которое собирались использовать бадамошские охотники, не прикрывало их ног.

— А сейчас, — сказал я, — вам надо пойти и сказать всем своим птицам, что, если какой-нибудь страус с черными и толстыми ногами попытается затесаться в стадо, то ему нужно задать хорошую взбучку. Это будет славный урок для бадамошских охотников!

Казалось бы, после таких подробных инструкций, можно было надеяться, что все сойдет благополучно... Но, к сожалению, я не учел необычайную глупость страусов вообще и их вожака, в особенности. Кто же мог предположить, что этот, с позволения сказать, вожак, пробираясь ночью домой, провалится в болото и облепит все свои дурацкие длинные ноги черной грязью, которая толстым слоем засохнет на них. И вот он возвращается в свое

стадо и перед тем, как лечь спать, добросовестно передает страусам все мои указания, а затем засыпает спокойным сном.

На следующее утро он просыпается позже всех и видит, что стадо уже ушло пастись на свое обычное место на склоне холма. И тогда этот идиот, не потрудившись даже счистить со своих ног засохшую черную грязь, гордо направляется к своему стаду, словно король в ожидании торжественного приема. И он получил торжественный прием, болван эдакий! Как только страусы увидели его черные ноги, они быстро сговорились и по сигналу все вместе накинулись на несчастного вожака. Беднягу чуть не забили до смерти! А в это время как раз подоспели бадамошцы. Бестолковые страусы так увлеклись избиением своего вожака, что чернокожие охотники сумели подобраться к ним совсем близко и перебили бы их всех до одного, если б я вовремя не закричал и не предупредил страусов об опасности.

После этого случая, я понял, что если я хочу спасти моих добрых, но очень глупых друзей от полного истребления, то на их помощь мне рассчитывать не приходится и надо что-то предпринимать самому.

И вот что я придумал: когда бадамошские охотники будут спать, я пойду и унесу у них это чучело страуса — ведь оно у них было только одно, — и тогда они ничего не смогут поделать.

Глубокой ночью я прокрался из джунглей к тому месту, где стояли хижины охотников. Мне пришлось пробираться с подветренной стороны, чтобы меня не учуяли собаки. Между нами говоря, я гораздо больше опасался собак, чем самих охотников. От людей я бы мог легко убежать, потому

что бегаю во много раз быстрее них, но от собак, с их прекрасным чутьем, даже в джунглях не так-то просто скрыться.

И вот, зайдя с подветренной стороны, я стал искать между хижинами чучело страуса. Сначала я никак не мог его найти и даже подумал, что оно спрятано где-нибудь в другом месте. А надо вам сказать, что бадамошцы, как и многие другие племена, всегда оставляют часового, когда ложатся спать. Я видел этого часового и, конечно, постарался не попасться ему на глаза. Но, пока я искал чучело страуса, часовой, который сгорбившись сидел на табуретке, ни разу не пошевелился. Подойдя поближе, я с ужасом увидел, что он спит, укрывшись чучелом, как одеялом, — ночь была довольно прохладной.

Теперь все дело было в том, как взять это чучело и не разбудить при этом спящего часового. На цыпочках, едва дыша, я подобрался вплотную и начал потихоньку стягивать чучело с его плеч. Но проклятый часовой умудрился подоткнуть его под себя, и не было никакой возможности это чучело из-под него вытащить, пока он не встанет.

Я просто не знал, что делать, и уже хотел отказаться от своей затеи, но, вспомнив об ужасной и неотвратимой участи, ожидающей моих несчастных глупых друзей, решился на отчаянный поступок. Сильным неожиданным толчком я поддел часового рогами под мягкое место. С ужасным криком, который, наверное, был слышен за милю, часовой подскочил в воздух. И едва я успел скрыться в джунглях со своей добычей, как бадамошцы, их жены, собаки — словом, вся деревня — бросились преследовать меня, словно стая голодных волков.

Хотелось бы надеяться, — вздохнул Тяни-Толкай, покачиваясь своим изящным телом в такт движениям плавучего домика, — что мне больше никогда не придется бегать так быстро, как в ту ночь. Меня до сих пор бросает в дрожь, когда я вспоминаю об этом — лай собак, крики мужчин, визг женщин, треск кустов, которые ломали мои преследователи, продираясь сквозь джунгли...

Меня спасла река. Стояло время дождей, и в реках было много воды. Задыхаясь от страха и усталости, я выбежал на берег бурлящего потока. Он был шириной добрых двадцать пять футов, и вода с бешеным ревом неслась по его руслу. Было бы безумием пытаться переплыть его. А сзади уже доносились крики моих преследователей, и тогда, отступив немного для разбега и зажав во рту это проклятое чучело, я разбежался и прыгнул — никогда в жизни я не совершал таких безрассудных прыжков — прыгнул прямо через реку на другой ее берег! Неловко приземлившись на том берегу, я увидел, что мои враги уже подбегали к реке. В лунном свете мне было хорошо видно, как, грозя кулаками, они пытались найти способ перебраться через бурлящий поток. Самые отчаянные из собак, которые буквально захлебывались яростным лаем, бросились было в реку, но быстрая и бурная вода снесла их, как щепки, вниз по течению, и другие испугались последовать их примеру.

Тогда, почувствовав себя в относительной безопасности, я торжественно поднял это драгоценное страусиное чучело и прямо на глазах у своих бегущих врагов швырнул его в воду, где оно мгновенно исчезло в стремительном водовороте. Вопль ярости вырвался у бадамошцев.

Зажав во рту это проклятое чучело, я
разбежался и прыгнул.

И тут я сделал то, о чем потом сожалел всю мою жизнь. Вы же знаете, как щепетильны животные моей породы в вопросах учтивости и хороших манер — ну, а я (я до сих пор краснею при этом воспоминании)... я, поддавшись минутному возбуждению, показал своим поверженным противникам оба моих языка одновременно. Этому нет оправдания — никогда нельзя извинить намеренную грубость. Мне лишь остается надеяться, что, поскольку дело было ночью, бадамощцы могли не заметить этого.

Итак, на этот раз все завершилось удачно, но мои настоящие злоключения еще только начинались. Бадамощцы на некоторое время забыли про страусов и сосредоточили все свои усилия на охоте за мной. Они буквально затравили меня и превратили мою жизнь в сущий ад. Они придумывали хитрые ловушки, ставили на меня капканы, рыли западни, натравливали на меня собак. Если я перебирался в другую часть страны, чтобы избавиться от их утомительных приставаний, они быстро находили мое новое местопребывание и продолжали преследовать меня. Целый год мне удавалось избегать опасностей, подстерегающих меня на каждом шагу, но я понимал, что рано или поздно...

А надо вам сказать, что бадамощцы, подобно большинству диких народов, ужасно суеверны. И, как вчера нам очень хорошо объяснил Гу-Гу, больше всего они боятся того, чего не могут понять. Причем, все явления, которых они не понимают, они приписывают нечистой силе.

И вот, понимая, что в конце концов они доберутся до меня, я решил, образно говоря, поймать их на их же удочку и сыграть с ними такую же шутку, какую они хотели сыграть со страусами. И однажды я набрел на шкуру дикого быка, которую какие-то

охотники распялили на дереве для просушки. Я сейчас же понял, что это как раз то, что мне нужно, стащил ее вниз и натянул на себя, так чтобы одна из моих голов оказалась под ней.

Это до неузнаваемости изменило мою внешность, и среди высокой травы я выглядел, как обычная антилопа. Замаскированный таким образом, я выбрался на открытое место и стал мирно пощипывать травку, ожидая, когда появятся мои друзья бадамощы. Они не заставили себя долго ждать.

Я заметил, как они — хотя они и не знали, что это был я — прячутся между деревьями на краю поляны, стараясь подобраться ко мне поближе. А их способ охоты на небольших антилоп таков: они залезают на дерево и, вытянувшись вдоль нижней ветви, очень тихо лежат, пока антилопа не окажется под этим деревом. Тогда они сверху прыгают ей на круп и валят на землю.

Я выбрал то дерево, на котором, как я заметил, затаился сам вождь, и остановился прямо под ним, делая вид, что ничего не подозреваю. И когда вождь прыгнул на то, что по его представлению было спиной обычной антилопы, я так поддел его второй парой своих рогов, спрятанных под бычьей шкурой, что он не забудет этого удара до конца своих дней.

С воплем суеверного ужаса, он кинулся прочь, крича своим людям, что его боднул дьявол. И все они тут же бросились врассыпную, как будто земля загорелась у них под ногами. С тех пор бадамощы уже никогда больше не пытались охотиться на меня.

Все истории были завершены, и конкурс рассказов на приз Арктического Ежемесячника был объявлен закрытым. Вскоре после этого вышел в свет и первый номер первого в мире журнала для

животных. Он был распространен почтовой службой Доктора Дулитла среди обитателей заполярного Севера. Успех журнала превзошел все ожидания. От тюленей, морских львов, канадских оленей и всех остальных полярных зверей приходило множество писем с благодарностью и с оценками за конкурсные рассказы. Математик Гу-Гу стал главным редактором журнала, Даб-Даб вела страничку матери и ребенка, Габ-Габ писал заметки для садоводов и публиковал рецепты диетических блюд. И на протяжении всего времени существования почтовой службы Доктора Дулитла Арктический Ежемесячник приносил радость в берлоги и на айсберги.

ЧАСТЬ IV

ГЛАВА I

ОТДЕЛЕНИЕ ПРИЕМА И ОТПРАВКИ ПОСЫЛОК

ОДНАЖДЫ Габ-Габ пришел к Доктору и сказал:

— Доктор, а почему на нашей почте нет отделения посылок?

— Боже мой, Габ-Габ! — воскликнул Доктор. — Не кажется ли тебе, что у нас и без того дел выше головы? Нам только еще посылок не хватает!

— Готов поспорить, что все в конце концов сведется к еде, — сказал Гу-Гу, который сидел за соседним столом и подсчитывал какие-то цифры.

— Дело в том, — ответил Габ-Габ. — что мне бы хотелось получить из Англии немного свежих овощей.

— Ну, что я говорил! — сказал Гу-Гу. — Он не в состоянии думать о чем-нибудь другом.

— Но, Габ-Габ, посылки слишком тяжелы для птиц, — сказал Доктор. — Самые большие птицы могли бы нести только самые маленькие посылки.

— Да, я знаю. Я уже думал об этом, — грустно сказал поросенок. — Но в этом месяце в Англии начнут собирать брюссельскую капусту. Вы же знаете, что это моя самая любимая еда — разумеется, после пастернака. Я слышал, что на следующей неделе из Англии в Африку вылетают большие дрозды. Ведь нет ничего такого, если попросить каждого из них взять с собой по маленькому кусочку брюссельской капусты, правда же? В полет отправятся сотни птиц, и, если каждая из них принесет хотя бы по одному кусочку, то у нас будет

запас на несколько месяцев. Доктор, я не ел никаких английских овощей с прошлого августа, и мне уже до смерти надоели все эти ямсы, бататы* и прочая африканская пакость!

— Хорошо, Габ-Габ, — сказал Доктор, — давай попробуем. Со следующей почтой мы пошлем в Англию письмо и попросим дроздов принести тебе немного брюссельской капусты.

Вот так на международной почте Фантиппо появилось еще одно отделение, отделение приема и отправки посылок. После того как Габ-Габ получил свою капусту (ее оказалось несколько тонн, потому что дроздов прилетело видимо-невидимо), многие животные начали обращаться к Доктору с просьбами прислать им еду из других стран, когда их собственные запасы подходили к концу. Доктор стал получать со всех концов света всевозможные семена и растения, что навело его на мысль провести несколько экспериментов по акклиматизации различных сортов фруктов, овощей и даже цветов.

За окном своей плавучей почты он приладил большой старый ящик с землей, в котором развел целый сад — там у него цвели герани, ноготки и циннии, выращенные из семян и побегов, принесенных птицами прямо из Англии. Таким же образом он посадил несколько видов английских овощей, и их до сих пор еще в диком виде иногда можно встретить на африканском побережье. А ведь они попали туда только из-за привязанности поросенка Габа-Габа к той пище, которую он ел в детстве.

Вскоре после этого с помощью больших птиц была организована регулярная (раз в два месяца) доставка посылок для жителей Фантиппо, и они

* Ямс — тропическое растение со съедобными клубнями, батат — сладкий картофель.

стали заказывать в Англии будильники, кастрюли и всякие другие вещи.

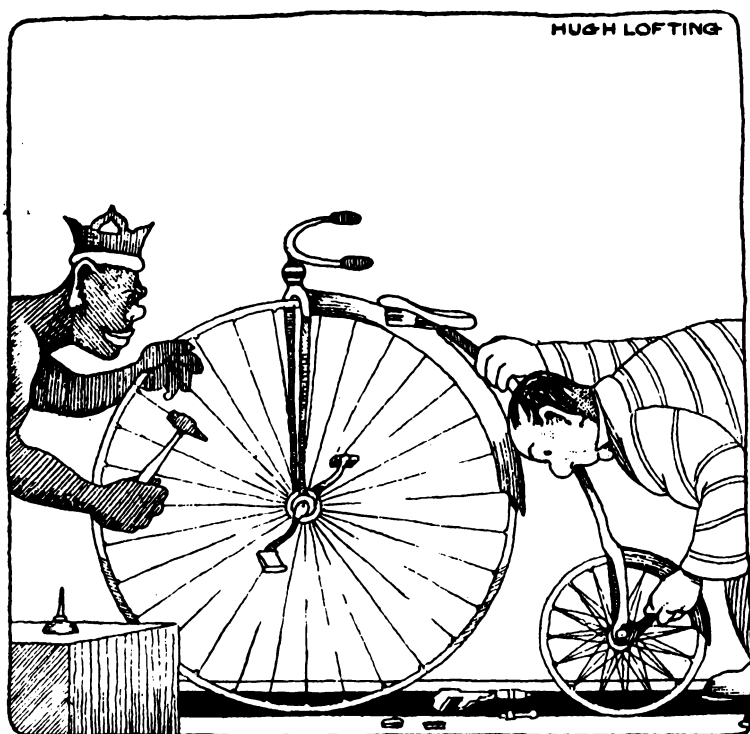
Король Коко даже заказал себе новый велосипед. Его пришлось транспортировать по частям: два аиста принесли по колесу, орел доставил раму, а вороны — разные мелкие детали, вроде педалей, гаечных ключей и банки смазочного масла.

Правда, когда на почте велосипед стали собирать, выяснилось, что в комплекте не хватает одного болта, но в этом не было вины отделения доставки посылок. Болт забыли вложить сами изготовители в Бирмингеме. Доктор со следующей же почтой отправил туда письмо-рекламацию, и болт был немедленно выслан. Когда король Коко с триумфом проехал по улицам Фантиппо на своем новом велосипеде, в честь этого выдающегося события в городе прошли народные гуляния. А старый велосипед король подарил своему брату, принцу Волла-Болла. Получив новый велосипед, король Коко торжественно объявил доставку посылок (которую на самом деле придумал поросенок Габ-Габ) весьма полезным начинанием.

Спустя несколько недель Доктор получил от одного фермера из Линкольншира такое письмо:

«Дорогой сэр!

Благодарю Вас за Ваши замечательные прогнозы погоды. С их помощью мне удалось вырастить самый лучший урожай брюссельской капусты во всем Линкольншире. Но ночью, как раз перед тем, как я собрался снять свой урожай, чтобы отвезти его на рынок, вся капуста до последнего побега внезапно исчезла с моих полей. Не представляю себе, как это могло произойти. Возможно, Вы сумеете помочь мне найти какое-нибудь объяснение этому загадочному явлению.

Король Коко даже заказал себе новый
велосипед.

Ваш покорный слуга,
Николас Скроггинс».

— Удивительное дело! — воскликнул Доктор.
— Куда же могла подеваться эта капуста?

— Ее съел Габ-Габ, — сказал Гу-Гу. — Это, должно быть, та самая капуста, которую нам принесли дрозды.

— Ай-яй-яй! — огорчился Доктор. — Это никуда не годится. Надо обязательно придумать, как возместить фермеру его убытки.

Между тем, уже на протяжении долгого времени домоправительница Даб-Даб, проявляя о Докторе поистине материнскую заботу, пыталась уговорить его взять отпуск и немного отдохнуть от почтовых дел.

— Послушайте, Доктор, — говорила она, — если вы будете работать так же, как последние несколько месяцев, вы наверняка заболеете — вот что с вами случится, хотите верить, хотите — нет. Нельзя так много работать и совершенно не отдыхать. Вы так вконец погубите свое здоровье. Теперь, когда почтовая служба налажена, почему бы вам не передать все дела королевским почтмейстерам и не съездить куда-нибудь отдохнуть? И потом, вы что, совсем не собираетесь возвращаться в Падлби-на-Болоте?

— Конечно, конечно, — рассеянно отвечал Джон Дулитл. — Все в свое время, Даб-Даб.

— Нет, вы обязательно должны поехать в отпуск, — настаивала утка. — Забудьте вы хоть на время про эту почту! Если уж вы так не хотите возвращаться домой, возьмите каноэ и отправляйтесь куда-нибудь вдоль побережья.

Доктор соглашался с Даб-Даб и говорил, что он — конечно же! — поедет, но — конечно же! — никуда не ехал — до тех пор, пока в области

естествознания не произошло нечто настолько серьезное, что заставило его наконец оторваться от почтовых дел. Вот как это случилось.

Как-то раз Доктор разбирал почту, пришедшую на его имя, и ему попалась посылочка, размерами и формой очень похожая на большое яйцо. Развернув обертку, сделанную из морских водорослей, он обнаружил письмо и пару устричных раковин, связанных вместе, как коробочка.

Немного озадаченный, Доктор решил сначала прочитать письмо, а Даб-Даб, которая как раз в это время в очередной раз приставала к нему с просьбами взять отпуск, читала через его плечо. В письме говорилось:

«Дорогой Доктор!

Посылаю Вам несколько занятных камушков, которые я недавно нашла, когда собирала устриц. Я никогда раньше не встречала гальку такого цвета, хотя живу у моря и всю жизнь питаюсь моллюсками. Мой муж говорит, что это яйца устриц, но я ему не верю. Не могли бы вы мне сказать, что же это такое? И пожалуйста, не забудьте прислать эти камушки назад, потому что мои дети очень любят играть с ними и я обещала им непременно вернуть их».

Доктор отложил письмо и, взяв перочинный нож, разрезал пряди водорослей, которыми были прочно связаны три маленькие раковины. Раковины раскрылись, и Доктор даже охнул от изумления.

— Ох, Даб-Даб, — воскликнул он, — какая красота! Смотри, смотри!

— Жемчужины! — завороченно прошептала Даб-Даб, глядя на раскрытую ладонь Доктора. — Розовые жемчужины!

— Вот это да! Правда они прекрасны? — бормо-

тал Доктор. — А ты когда-нибудь видела такие большие? Каждая из этих жемчужин, Даб-Даб, стоит целое состояние. Кто же, хотел бы я знать, надумал прислать их мне?

И он опять взялся за письмо.

— Это писала утка-широконоска, — сказала Даб-Даб. — Я узнаю их руку. Они — что-то вроде помеси бекаса с кроншнепом. Они любят селиться на пустынных берегах, охотясь на моллюсков, морских червей и все такое.

— Да, но откуда оно пришло к нам? — спросил Доктор. — Не можешь ли ты расшифровать этот адрес, вот здесь, наверху страницы?

Даб-Даб прищурилась и поднесла письмо поближе к глазам.

— Мне кажется, — сказала она, — что это похоже на Харматтанские Скалы.

— А где это? — спросил Доктор.

— Понятия не имею, — ответила Даб-Даб. — Но Быстрей-Ветра должен знать.

И она сейчас же отправилась искать знаменитого вожака ласточек.

Быстрей-Ветра сказал, что он, конечно же, хорошо знает Харматтанские Скалы — это группа маленьких островов недалеко от побережья Западной Африки, примерно в шестидесяти милях к северу от Фантиппо.

— Очень любопытно, — сказал Доктор. — Я бы не удивился, если бы этот жемчуг прислали с островов Южных морей. Но в первый раз слышу, чтобы в здешних водах находили хоть какие-то жемчужины, тем более такие большие и красивые. Их, конечно, нужно срочно отослать заказной бандеролью птенцам утки-широконоски. Хотя, по правде говоря, мне очень жаль расставаться с этими

жемчужинами — они такие прелестные. В любом случае, их нельзя будет отправить до завтра. Но где же мне их хранить все это время? За такими драгоценными вещами нужен глаз да глаз. Прошу тебя, Даб-Даб, никому не рассказывай о них, кроме Джипа и Тяни-Толкая, — они будут по очереди сторожить всю ночь у дверей конторы. Из-за таких жемчужин люди способны на что угодно. Но мы постараемся, чтобы никто о них не узнал, а завтра прямо с утра отошлем их обратно.

Доктор не успел договорить этих слов, как вдруг заметил, что на стол, возле которого он стоял, упала чья-то тень. Он быстро поднял голову. В справочном окне он увидел белого мужчину с самым неприятным лицом, какое только можно себе представить, который, широко раскрыв глаза, уставился на прекрасные жемчужины, лежащие на ладони у Доктора.

Джон Дулитл был так раздосадован и смущен, что в первый раз за всю свою почтовую карьеру забыл о вежливости.

— А вам что здесь надо? — спросил он, засовывая жемчуг в карман.

— Мне нужен бланк денежного перевода на десять шиллингов, — ответил мужчина. — Я хочу послать денег моей больной жене.

— Пожалуйста, — сказал Доктор, выписав квитанцию на почтовый перевод и приняв деньги, которые мужчина протянул ему через окошко.

Незнакомец ушел, и Доктор проводил его долгим взглядом.

— Очень подозрительный посетитель, — сказал он Даб-Даб.

— Это уж точно, — ответила утка. — Ничего удивительного, что его жена болеет — заболеешь, если у мужа такая физиономия!

— Я все думаю, кто он такой, — проговорил Джон Дулитл. — Белые люди нечасто заходят к нам. Мне он ужасно не понравился.

На следующее утро, после того как Доктор написал письмо, в котором он объяснил утке-широконоске, чем на самом деле являются эти «камушки», жемчужины были отправлены заказной бандеролью обратно на Харматтанские Скалы в точно такой же упаковке, в какой они были присланы.

Выбор посыльного пал на одного из тех дроздов, которые принесли из Англии брюссельскую капусту: их стая обосновалась где-то по соседству. Вообще, дрозд не настолько сильная птица, чтобы носить посылки, но сверточек-то был совсем маленький, а Доктору в тот день некого было больше послать. И вот, объяснив этому дрозду, что заказную бандероль нужно беречь пуще глаза, Доктор отослал жемчужины с ним.

После этого он отправился навестить короля Коко, что делал довольно часто. Во время разговора Джон Дулитл между прочим поинтересовался у его величества, не знает ли он, кем может быть тот белый незнакомец, который отправил денежный перевод с плавучей почты. И когда Доктор подробно описал королю это отвратительное косоглазое лицо, его величество сказал, что хорошо знает этого человека — охотника за жемчугом, который большую часть времени ищет его на Тихом океане, где этот промысел очень распространен. Но, сказал король, он зачем-то часто приезжает сюда, и во всей округе его знают как отпетого негодяя, который ради денег и драгоценностей готов буквально на все. Его зовут Джек Уилкинс.

Услышав это, Доктор очень порадовался, что успел отправить розовые жемчужины обратно. По-

том он сообщил королю, что собирается в скором времени взять отпуск, потому что очень устал и нуждается в отдыхе. Король спросил его, куда он хочет поехать, и Доктор ответил, что подумывает отправиться на недельку в своем каноэ к Харматтанским Скалам.

— Прекрасно, — сказал его величество, — если вы все равно направляетесь в ту сторону, может быть, заедете к нашему старому другу, великому вождю Ням-Ням? Ему принадлежат все земли в тех краях и сами Харматтанские Скалы. Правда, и он, и его народ живут в ужасной бедности, но он честный человек — и мы полагаем, что он вам понравится.

— Хорошо, — ответил Доктор, — я обязательно заеду к нему и передам от вас привет.

На следующий день, оставив управление почтой на Быстрей-Ветра, Чипсайда и Джипа, Доктор и Даб-Даб уселись в каноэ, и отпуск Джона Дулитла начался. Когда они выходили в открытое море, Доктор заметил шхуну, стоящую на якоре у входа в бухту Фантиппо. Это был корабль Джека Уилкинса, охотника за жемчугом.

К вечеру Доктор добрался до небольшого селения, состоящего из нескольких полуразвалившихся соломенных хижин, в котором жил вождь Ням-Ням. Благодаря рекомендации короля Коко, старый вождь очень хорошо принял Доктора. Он оказался добродушным пожилым человеком и хорошим собеседником. Вождь рассказал Доктору, что страна, которой он управляет, действительно пребывает в бедственном состоянии. Год за годом могущественные соседи со всех сторон нападали на старого вождя и отнимали у него самые лучшие земли, поля и пастбища, и теперь у его народа осталась только

Здесь куры напоминали Доктору старых
загнанных лошадей.

узкая полоска скалистого побережья, где почти ничего нельзя вырастить. Доктора особенно расстроила худоба кур и цыплят, которые бродили по улицам. Он сказал, что они напоминают ему старых загнанных лошадей.

И тут во время разговора в хижину вождя влетел Быстрей-Ветра. Он был в ужасном волнении.

— Доктор, — закричал он, — почта ограблена! Дрозд вернулся в контору и сказал, что в дороге у него пропала посылка. Жемчужины украдены!

ГЛАВА 2

ВЕЛИКОЕ ПОЧТОВОЕ ОГРАБЛЕНИЕ

— СИЛЫ небесные! — воскликнул Доктор, вскочив на ноги. — Пропали жемчужины? Ведь они были отправлены заказной бандеролью!

— Да, — сказал Быстрей-Ветра, — здесь со мной этот дрозд. Он сейчас сам вам все расскажет.

Подлетев к двери, он подозвал усталую и запыхавшуюся птицу.

— Доктор, — сказал дрозд, который тоже был невероятно расстроен, — честное слово, я не виноват. Я ни на секунду не спускал глаз с этих жемчужин. Я выбрал самую короткую дорогу к Харматтанским скалам, но для этого часть пути мне пришлось лететь над сушей. И пролетая над джунглями, я неожиданно увидел внизу на дереве свою сестру, с которой мы уже очень давно не встречались. Я подумал, что ничего не случится, если я немного поболтаю с ней, и спустился вниз. Она очень мне обрадовалась, но я не мог нормально разговаривать, потому что держал в клюве веревку от бандероли. И тогда я положил бандероль на ветку позади себя — прямо рядом с собой, понимаете? — и продолжал говорить со своей сестрой. А когда я повернулся назад, чтобы взять ее, бандероли там уже не было.

— Может быть она соскользнула с дерева, — предположил Доктор, — и упала вниз, в кусты?

— Это невозможно, — сказал дрозд. — Я положил ее в дупло. Она не могла ни соскользнуть, ни скатиться. Ее кто-то взял.

— Ну и дела, — вздохнул Джон Дулитл. —

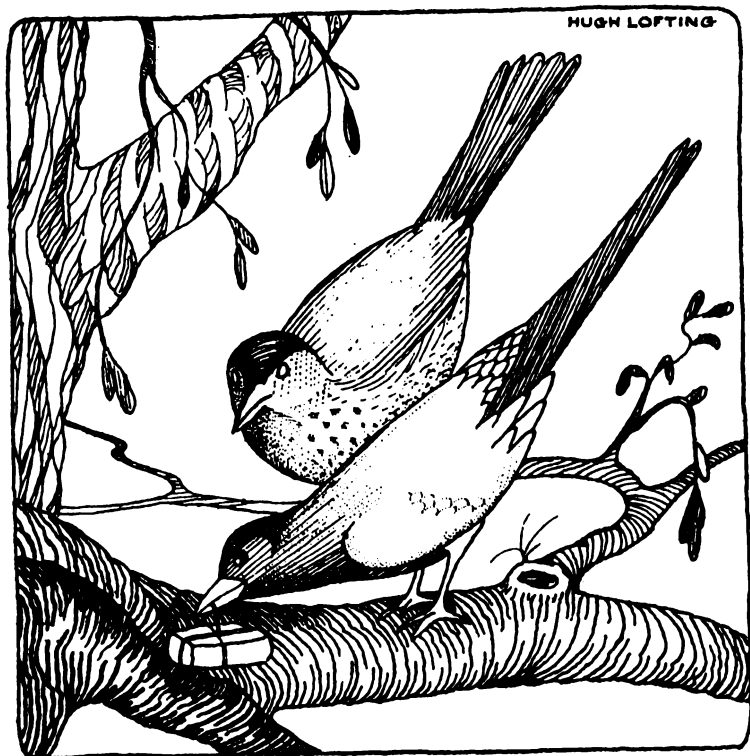
Ограбление почты — это очень серьезное преступление. Я все думаю, кто бы мог на такое пойти?

— Ручаюсь, что это Джек Уилкинс, этот косоглазый охотник за жемчугом, — прошептала Даб-Даб. — Человек с такой физиономией способен украсть что угодно. И он был единственным, кроме нас и Быстрей-Ветра, кто знал, что жемчужины отправят с почтой. Это Уилкинс, не сойти мне с этого места.

— Вполне возможно, — сказал Доктор. — У него очень скверная репутация в здешних краях. Ну, в любом случае, нам ничего не остается, как только вернуться сейчас же в Фантиппо и попытаться найти его. Почта несет ответственность за утерю заказного отправления, и если мистер Уилкинс действительно взял эти жемчужины, то я намерен во что бы то ни стало заполучить их обратно. А после этого нам нужно будет ввести правило, что те, кто доставляет заказную корреспонденцию, не имеют права разговаривать со своими сестрами или с кем-нибудь еще при исполнении служебных обязанностей. Несмотря на поздний час, Джон Дулитл поспешно попрощался с вождем Ням-Ням и при свете луны направил свое каноэ к бухте Фантиппо. А тем временем Быстрей-Ветра и дрозд полетели на почтовую станцию самой короткой дорогой — над сушей.

— Что вы собираетесь сказать Уилкинсу, Доктор? — спросила Даб-Даб, пока каноэ скользило по залитому лунным светом морю. — Плохо, что у вас нет пистолета, или чего-нибудь еще в этом роде. Этот Уилкинс похож на настоящего разбойника и едва ли отдаст жемчужины просто так.

— Я еще не знаю, что ему скажу. Там на месте будет видно, — ответил Джон Дулитл. — Главное, надо подобраться к нему очень осторожно, чтобы

— Я положил бандероль в дупло, — сказал
дрога.

он нас не заметил. Если он вдруг снимется с якоря и уплывет, то мы никогда не догоним его на нашем каноэ.

— Послушайте, Доктор, — сказала Даб-Даб, — давайте я полечу вперед и разведая, что там делается. Потом я вернусь и расскажу вам все, что смогу узнать. Может быть, его сейчас вообще нет на шхуне, и нам нужно искать в другом месте.

— Хорошо, — ответил Доктор. — Так и сделаем. А то такими темпами мне еще часа четыре добираться до Фантиппо.

Даб-Даб полетела вперед, а Джон Дулитл продолжал упорно грести изо всех сил.

Прошло не менее часа, пока он услышал в воздухе негромкое покрякивание и понял, что его верная домоправительница возвращается из разведки. Шелестя перьями, Даб-Даб опустилась у его ног. На ней было прямо написано, что она принесла ценные сведения.

— Он там, Доктор, и жемчужины у него — я сама видела! — возбужденно сказала она. — Я заглянула через окно — а он любит эти жемчужинами при свете свечки и все перекладывает их из одной коробочки в другую.

— Вот негодяй! — проворчал Доктор, налегая на весла. — Будем надеяться, он не догадается удрать, пока мы не доберемся до Фантиппо.

К несчастью, когда они увидели корабль Джека Уилкинса, уже начало светать, и приблизиться к шхуне незаметно было не так-то просто. Доктор решил обогнуть остров Земля-без-людей, чтобы подойти к кораблю с другой стороны, где на своем каноэ ему не придется пересекать такое большое открытое пространство.

Стараясь грести очень осторожно, Доктор сумел

подвести каноэ к самому носу корабля. Затем, привязав свое суденышко, чтобы оно не уплыло прочь, он взобрался по якорной цепи наверх и на четвереньках прокрался на палубу.

Еще не совсем рассвело, и в сумерках светилась тусклая лампа, которая освещала лестницу, ведущую в каюту. Доктор, как тень, проскользнул вперед, на цыпочках спустился по лестнице и заглянул в приоткрытую дверь каюты.

Косоглазый Уилкинс все также сидел за столом и разглядывал жемчужины. Еще два человека спали на полках, подвешенных к стенам каюты. Доктор резко распахнул дверь и ворвался внутрь. В ту же секунду Уилкинс вскочил, выхватил из-за пояса пистолет и прицелился в Доктора.

— Еще один шаг, и можете считать себя покойником! — прорычал он.

Доктор от неожиданности остановился и уставился на дуло пистолета, не зная, что делать дальше. А Уилкинс, не сводя с него глаз, левой рукой закрыл коробочку с жемчужинами и запихнул ее в карман.

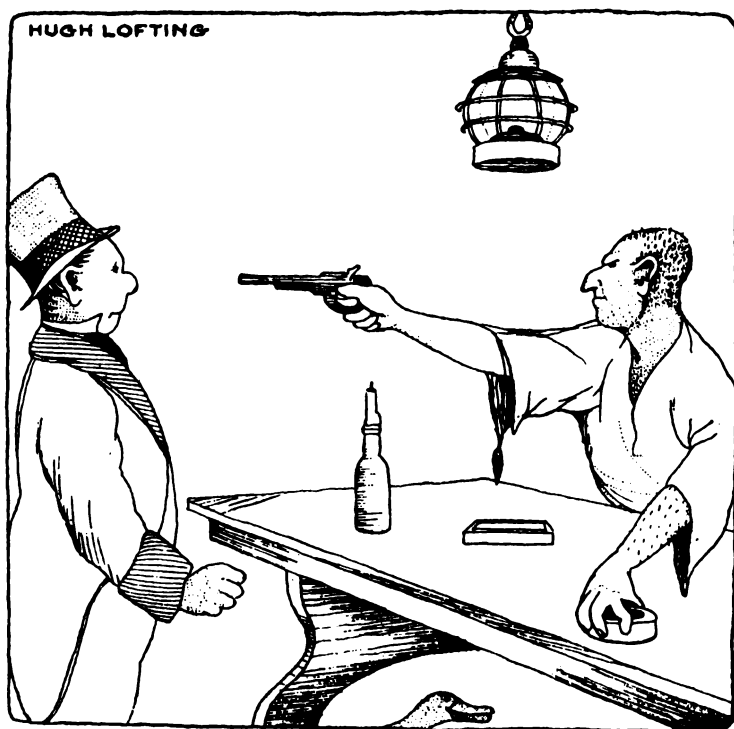
Но пока он это проделывал, Даб-Даб потихоньку прошмыгнула под стол и вцепилась в ногу охотника за жемчугом своим сильным клювом.

С воплем боли Уилкинс дернулся вниз, чтобы стряхнуть ее с ноги.

— Вот ваш шанс, Доктор! — завопила утка.

И в ту секунду, когда пистолет на мгновение опустился, Доктор прыгнул на спину вора и схватил его за горло. С грохотом они оба покатались по полу каюты.

Это была жестокая драка. Они катались туда-сюда по полу, сметая все на своем пути, причем Уилкинс пытался освободить руку, в которой сжи-

Улакинс выхватил пистолет и прицелился в
Доктора.

Уилкинс пытался освободить руку, в которой сжимал пистолет, а Доктор старался прижать ее к его туловищу. Даб-Даб, размахивая крыльями, прыгала и скакала вокруг, стремясь побольней клюнуть противника, когда его голова оказывалась сверху.

Наконец Доктор, который для своего сложения был очень сильным борцом, железной хваткой ухватил вора за шею так, что тот не мог пошевелиться. Доктор уже вынимал из руки противника пистолет, как вдруг, разбуженный шумом драки, проснулся один из спавших моряков и, перегнувшись через край своей койки, нанес Доктору сзади страшный удар бутылкой по голове. Джон Дулитл рухнул, как подкошенный, и остался без движения лежать на полу.

Битва была закончена — все трое набросились на Доктора с веревками и через минуту связали его по рукам и ногам.

Когда Доктор очнулся, он увидел, что лежит на дне своего каноэ, а Даб-Даб пытается клювом распутать веревки, которые стягивали его запястья.

— Где Уилкинс? — спросил он, словно в полусне.

— Сбежал, — сказала Даб-Даб — и жемчужины пропали вместе с ним. Какой мерзавец! Они швырнули вас в каноэ, подняли якорь, закрепили парус и уплыли. Они ужасно торопились и все время смотрели на море в подзорную трубу. Они очень боятся какого-то таможенного корабля. Их, должно быть, уже давно ищут за все их грязные делишки. Никогда в жизни не видела более отталкивающих физиономий. Ну вот, я развязала ваши руки, а ноги вы быстрее развяжете сами. У вас очень болит голова?

— Она еще кружится немного, — ответил Док-

Развязав веревку на ногах, Джон Дулитл встал в полный рост и оглядел горизонт. Далеко на востоке уже едва виднелись паруса шхуны Уилкинса.

— Негодяй! — процедил Доктор сквозь сжатые зубы.

ГЛАВА 3

ЖЕМЧУЖИНЫ И БРЮССЕЛЬСКАЯ КАПУСТА

ОГОРЧЕННЫЕ и раздосадованные, Доктор и Даб-Даб поплыли обратно.

— Я, пожалуй, заеду на почту, прежде чем возвращаться к вождю Ням-Ням, — грустно сказал Доктор. — Жемчужины теперь уже все равно не вернуть.

— Может быть, Уилкинса еще и поймают таможенники, — предположила Даб-Даб. — И тогда мы в конце концов получим назад наши жемчужины.

— На это мало надежды, — ответил Джон Дулитл. — Он, скорее всего, продаст их при первой же возможности. Ведь именно для этого они ему и нужны — из-за денег, которые можно за них выручить. А птенцы утки-широконоски любили играть с ними. Они доверили свои жемчужины мне, а я не сумел их сохранить. Какой позор! Ну что ж теперь делать — после драки кулаками не машут. Жемчужин больше нет — вот и все тут.

Подплывая к своей плавающей конторе, Доктор и Даб-Даб увидели, что вокруг нее причалено очень много каноэ. В этот день не должно было быть ни отправления, ни прибытия корреспонденции, и Доктор никак не мог понять причину такого оживления.

Он привязал свое каноэ и вошел в помещение почты. Внутри была огромная толпа народу. Доктор и Даб-Даб с трудом пробрались через нее и увидели, что все животные сгрудились вокруг маленькой черной белки. Лапки зверька были связаны красной почтовой тесьмой, и сам он имел очень

жалкий и испуганный вид. По обеим сторонам от него стояли на страже Быстрей-Ветра и Чипсайд.

— Что здесь происходит? — спросил Доктор.

— Мы поймали эту негодницу, которая украла жемчужины, — ответил Быстрей-Ветра.

— И жемчужины тоже нашлись! — воскликнул Гу-Гу. — Они в ящике для марок, и их стережет Джип.

— Ничего не понимаю, — сказал Джон Дулитл.

— Я же своими глазами видел, как Уилкинс удрал вместе в ними.

— Те он, должно быть, украл у кого-нибудь еще, — предположила Даб-Даб. — Давайте посмотрим, что там в ящике у Джипа.

Доктор подошел и открыл ящик для марок. Сомнений не было — там лежали именно те три прекрасные розовые жемчужины, которые он отослал заказной бандеролью.

— Как же вы их нашли? — спросил он, обернувшись к Быстрей-Ветра.

— После того, как вы уплыли на каноэ, — ответил вожак ласточек, — мы с дроздом решили по пути сделать остановку на том самом дереве, где он потерял посылку. Было слишком темно, чтобы попытаться ее искать, и мы стали ждать утра. И вот на рассвете мы увидели эту несчастную белку, которая скакала с ветки на ветку с нашей жемчужиной во рту. Я сразу же прыгнул на нее и прижал к земле, а дрозд тем временем отобрал жемчужину. Потом мы заставили ее рассказать, где она спрятала остальные две жемчужины, и, найдя их, доставили ее сюда.

— Вот так так! — сказал Доктор, глядя на несчастную преступницу, связанную красной поч-

товой тесьмой. — Зачем же ты украла эти жемчужины?

Поначалу казалось, белка была слишком испугана, чтобы говорить. Доктор взял ножницы и разрезал красную тесьму.

— Для чего ты это сделала? — повторил он.

— Я думала, что это брюссельская капуста, — робко заговорила белка. — Несколько недель тому назад, когда мы с мужем вечером сидели на дереве, мы почувствовали сильный запах брюссельской капусты. Я и муж, мы очень любим брюссельскую капусту, но сначала мы никак не могли догадаться, откуда исходит этот запах. И тут мы догадались посмотреть наверх и увидели тысячи дроздов, летящих у нас над головами и несущих в клювах брюссельскую капусту. Мы надеялись, что они сделают остановку, и мы сможем попросить у них немного для себя. Но они не остановились. Тогда мы подумали, что, может быть, через несколько дней они снова прилетят. И мы стали караулить их возле того самого дерева. И в то утро я увидела, как один из этих дроздов сел на наше дерево с каким-то сверточком в клюве. «Тш! — прошептала я своему мужу. — Это, должно быть, опять брюссельская капуста! Давай стянем этот сверточек, пока он не смотрит!» И я его стянула. Но когда мы развернули его, то не нашли в нем ничего, кроме этих дурацких безделушек. Я сперва подумала, что это, может быть, какие-то конфеты в скорлупе и как раз собиралась найти подходящий камень, чтобы разбить их, но тут эта птица схватила меня за шиворот и притащила сюда. Нужны мне были эти проклятые жемчужины!

— Да, — сказал Доктор. — Очень жаль, что пришлось доставить тебе такие неприятности. Я попрошу Даб-Даб, чтобы она отнесла тебя обратно

к твоей семье. Но, должен тебе сказать, что красть заказную почту — это очень серьезный проступок. Если уж тебе так захотелось брюссельской капусты, надо было написать мне. Так что не стоит обвинять птиц, что им пришлось так строго с тобой поступить.

— Ворованный кусок всегда слаще! — вмешался Чипсайд. — Дайте ей хоть тонну лучшего винограда из теплицы, он, небось, и вполтину не покажется ей таким вкусным, как две гнилые ворованные ягоды. Я бы на вашем месте, Док, впаял ей годика два каторжных работ, чтоб у нее больше и мыслях не было слямзить что-нибудь с нашей почты!

— Ну, ничего, — сказал Доктор, — давайте забудем об этом. Это была всего лишь ребяческая проделка.

— Хорошенькие проделки! — проворчал Чипсайд. — Солидная женщина, мать семейства — а замашки, как у лондонского карманника! Хотя все белки такие. Насмотрелся я в городских парках на ихние жеманные ужимки, которые люди называют «миленькими»! А на деле — это самые нахальные попрошайки, каких только видел свет. Чирикнуть не успеешь, как они стянут у тебя из-под носа последнюю крошку и утащат в свое дупло. Ребяческие проделки!

— Пойдем, — сказала Даб-Даб, беря преступницу в свои большие перепончатые лапы. — Я отнесу тебя обратно на сушу. И Бога благодари, что ты имеешь дело с Доктором. Другой бы на его месте засадил тебя в тюрьму.

— Поскорей возвращайся назад, Даб-Даб, — крикнул Доктор ей вслед, когда она уже вылетела в окно со своей ношей. — Как только ты вернешься, мы сразу поплывем к вождю Ням-Ням.

— Теперь уж я сам повезу эти жемчужины, — сказал он Быстрой-Ветра, — и лично передам их утке-широконоске. Не хватало только, чтоб с ними еще что-нибудь случилось.

Около полудня Доктор во второй раз отправился в свой отпуск, и поскольку Габ-Габ, Джип и белая мышка упросили взять их с собой, то каноэ было довольно сильно перегружено. А примерно в шесть часов вечера старый вождь Ням-Ням уже принимал их в своей резиденции. Впрочем, торжественный ужин в их честь оказался весьма скудным, и Доктор еще раз вспомнил о том, в какой бедности живет этот народ.

Из беседы со старым вождем Доктор понял, что самым опасным врагом страны было королевство Дагомея. Жестокий и могущественный сосед постоянно воевал с вождем Ням-Ням и кусок за куском отхватывал его лучшие земли, а несчастный народ становился все беднее и беднее. Причем армия в Дагомею состояла из амазонок — то есть из женщин-воинов. Несмотря на свой пол, они были очень крупными и сильными, а главное — их было ужасно много. И каждый раз, совершая набеги на своих слабых соседей, они легко побеждали и грабили все подряд.

И надо же такому случиться, что как раз в ту самую ночь, когда Доктор гостил у вождя Ням-Ням, амазонки устроили свой очередной набег. Около десяти часов вечера всех разбудили испуганные крики: «Война! Война! Амазонки наступают!»

Поднялась ужасная суматоха. И пока не взошла луна, люди в темноте бегали, кричали, падали, натыкались друг на друга и дрались, не различая своих и чужих. А когда стало возможно хоть что-то рассмотреть, Доктор увидел, что большинство лю-

дей вождя Ням-Ням убежали в джунгли, а амазонки огромными толпами бродили по селению и забирали все, что им понравится.

Доктор попытался усовестить их, но они только посмеялись над ним. Тогда белая мышка, которая все это время сидела у Доктора на плече, прошептала ему на ухо:

— Если вся эта армия состоит из женщин, то я знаю, как с ними справиться. Ведь женщины ужасно боятся мышей. Я сейчас сбегая поговорю со здешними мышами, и мы живо разделаемся с этими амазонками.

Белая мышка набрала по селению целую армию из двух сотен мышей, которые обитали в стенах и полах ветхих хижин, сделанных из травы или соломы, и маленькие мышки дружно накинулись на амазонок, кусая их за пятки.

С визгом и воплями грузные женщины-воины побросали свою добычу и в беспорядке обратились в бегство. Это было первое в истории поражение непобедимых амазонок из Дагомеи.

Доктор сказал своей белой мышке, что теперь ей есть чем гордиться. Без сомнения, она была единственной мышкой в мире, которой удалось выиграть войну.

ГЛАВА 4

ОХОТНИКИ ЗА ЖЕМЧУГОМ

НА следующее утро Доктор поднялся очень рано. После весьма легкого завтрака (в этой разоренной стране о плотном завтраке нечего было и мечтать), он спросил у вождя Ням-Ням дорогу к Харматтанским Скалам. Старый вождь объяснил, что они находятся прямо за линией горизонта, и если плыть в открытое море куда глаза глядят, то часа через полтора Доктор наверняка будет на месте.

Получив такие точные указания, Доктор решил, что ему, пожалуй, стоит проконсультироваться с какой-нибудь здешней птицей. Даб-Даб слетала на берег и вскоре вернулась с кроншнепом, который маялся от безделья на пляже. Он сказал, что отлично знает это место и почтет за честь быть проводником у Джона Дулитла. И тогда Доктор, Джип, Габ-Габ, Даб-Даб и белая мышка погрузились в каноэ и направились к Харматтанским Скалам.

Утро выдалось чудесное, и путешественники были в восторге от своей морской прогулки, хотя Габ-Габ несколько раз едва не опрокинул каноэ, наклоняясь через борт за проплывающими мимо водорослями. Он заметил, что их с аппетитом уплетает кроншнеп, и тоже захотел попробовать. Так что пришлось в целях безопасности уложить его на дно лодки.

Около одиннадцати часов, когда материк уже почти скрылся из виду, они заметили группу маленьких скалистых островков, про которые их проводник сказал, что это и есть те самые Харматтанские Скалы. И чем ближе Доктор и его спутники

подплывали к цели своего путешествия, тем больше попадалось им навстречу самых разнообразных морских птиц. Сотни чаек, крачков, бакланов, альбатросов, чистиков, буревестников, диких уток и даже диких гусей с любопытством кружили над каноэ, стараясь рассмотреть незнакомцев. А когда кроншнеп объяснил им, что этот маленький толстенный человек в каноэ — не кто иной, как сам великий Доктор Дулитл, то через несколько минут воздух над путешественниками уже кишел тысячами крыльев, блестящих на солнце. И тысячеголосое приветствие Доктору оказалось таким сердечным и громким, что ему пришлось заткнуть уши.

Можно было легко догадаться, почему именно это место выбрали морские птицы для своих гнездовий. Полузатопленные скалы, через которые с ревом и грохотом перекатывались огромные валы, надежно охраняли все подходы к островам. Ни один корабль не рискнул бы здесь приблизиться к берегу, и ничто не могло помешать спокойной жизни здешних обитателей. Даже на своем легком маленьком каноэ Доктор едва ли смог бы высадиться на берег, если бы гостеприимные птицы не направили его в обход самого большого острова, где была хотя и маленькая, но достаточно глубокая бухточка. Доктор также понял теперь, почему эти острова остались во владении вождя Ням-Ням — никто из его соседей просто не позарился на них. Кому были нужны эти пустынные, труднодоступные и открытые всем ветрам скалы, где практически не было плодородной земли? Поэтому на протяжении стольких лет эти острова и продолжали считаться собственностью вождя Ням-Ням и его народа, хотя ни он, ни большинство его подданных никогда в глаза их не видели и уж конечно не могли предпо-

лагать, что эти голые и неприветливые утесы окажутся в сотни раз дороже, чем все земли, утраченные ими в войнах с соседями.

— Мне кажется, что это очень нехорошее место, — сказал Габ-Габ, когда они выбрались из каноэ. — Здесь ничего нет, кроме волн и скал. Зачем вы сюда приехали, Доктор?

— Я бы хотел немного заняться добычей жемчуга, — ответил Джон Дулиттл. — Но сначала нужно отдать утка-широконоске ее заказную бандероль. Даб-Даб, не будешь ли так добра разыскать ее?

— Хорошо, — сказала Даб-Даб. — Но для этого потребуется довольно много времени. Здесь ведь несколько островов, и на каждом полным-полно уток-широконосок. Мне придется навести справки, чтобы узнать, которая из них послала вам жемчужины.

Даб-Даб отправилась выполнять поручение, а Доктор тем временем болтал о том, о сем с теми вожаками морских птиц, которые принимали участие в Великой Конференции на Земле-без-людей. Они один за другим подлетали к нему, радуясь возможности продемонстрировать перед всеми, что лично знакомы с великим человеком. В руках у Доктора снова был его знаменитый блокнот, куда заносились все подробности, касающиеся международной птичьей почты.

Но понемногу радость встречи улеглась, и птицы, которые сначала тысячами летали за Доктором по всему большому острову, вернулись к своим обычным делам. И когда прилетела Даб-Даб и сказала, что та утка-широконоска живет на одном из маленьких островов, Доктор снова сел в свое каноэ и направился туда.

Утка-широконоска ждала его у самого берега.

— Мне кажется, это очень плохое место, —
сказал Габ-Габ.

Она извинилась, что сама не прилетела поздороваться, но поблизости появились орланы, и она побоялась оставить своих птенцов. С ней были ее питомцы, два маленьких, неопятных птенца, которые еще не умели летать. Доктор развернул бандероль и отдал им их драгоценные игрушки. С восторженным визгом и кудахтаньем утята сразу же принялись играть этими огромными розовыми жемчужинами в шарик.

— Какие у вас очаровательные дети, — сказал Доктор мамаше-утке, которая с гордостью глядела на них. — Как хорошо, что они смогли получить назад свои игрушки. Было бы просто ужасно, если б они их лишились.

— Да, они очень привязались к этим камушкам, — сказала утка-широконоска. — А кстати, вы смогли узнать, что они из себя представляют? Я же вам писала, что нашла их внутри устричной раковины.

— Это жемчужины, — ответил Доктор. — Они стоят очень много денег. Женщины в городах носят их вокруг шеи.

— Интересно, — сказала птица. — А почему же их тогда не носят женщины в деревне?

— Трудно сказать, — ответил Доктор. — Наверное, потому что они очень дорогие. За любую из этих жемчужин можно купить хороший дом и участок земли с садом.

— Может быть, вам тогда лучше оставить их у себя? — спросила утка-широконоска. — А моим детям я найду какие-нибудь другие игрушки.

— Ну что вы, — сказал Доктор, — благодарю вас. У меня уже есть дом и участок земли с садом.

— Послушайте, Доктор, — вмешалась Даб-Даб, — но ведь вам совсем не обязательно покупать на

эти деньги второй дом. Они вполне бы могли пригодиться на что-нибудь еще.

— Они нравятся маленьким утятам, — сказал Джон Дулитл. — Зачем же я буду забирать их у них?

— С таким же успехом они могут играть шариками из розовой замазки, — фыркнула Даб-Даб.

— Замазка ядовита, — заметил Доктор. — А утятам нравится, что жемчужины такие красивые. И не будем больше об этом говорить. Но, — добавил он, обращаясь к мамаше-утке, — я был бы вам очень признателен, если бы вы могли рассказать мне, где можно найти еще немного таких жемчужин.

— Но я не знаю, — сказала утка. — Я даже понятия не имею, как они могли попасть в эту раковину.

— Жемчужины всегда находят только в раковинах, если вообще находят, — сказал Доктор. — Но такие раковины редки. Вот это меня как раз и интересует больше всего — как образуются жемчужины. Говорят, они формируются вокруг песчинки, которая случайно попадает в раковину моллюска. Я надеялся, что вы сможете дать мне какие-нибудь сведения об этом — ведь моллюски это ваша еда.

— Боюсь, что не смогу вам помочь, — проговорила утка-широконоска. — Сказать по правде, я нашла эти раковины здесь на скале. Какая-то другая птица оставила тут целую кучу. Она съела сколько смогла и улетела, а они до сих пор там лежат. Если хотите, можно пойти расколоть парочку. А вдруг в них тоже есть жемчужины.

Они перешли на другую сторону маленького островка и стали вскрывать раковины, разбросанные по камням. Но ни в одной из них не оказалось ничего похожего на жемчужины.

— А где здесь поблизости есть устричные отмели? — спросил Доктор.

— Между этим островом и следующим, — ответила утка. — Вообще-то я сама не собираю раковин, потому что не умею глубоко нырять. Но я видела, как другие птицы промышляют на этом месте — вон там, на полпути между нашим островом и тем маленьким.

— Отправляюсь-ка я туда, Доктор, — сказала Даб-Даб, — и поныряю немного. Я ведь могу довольно глубоко нырять, хотя я и не утка-нырок. Может быть, я сумею разыскать для вас несколько жемчужин.

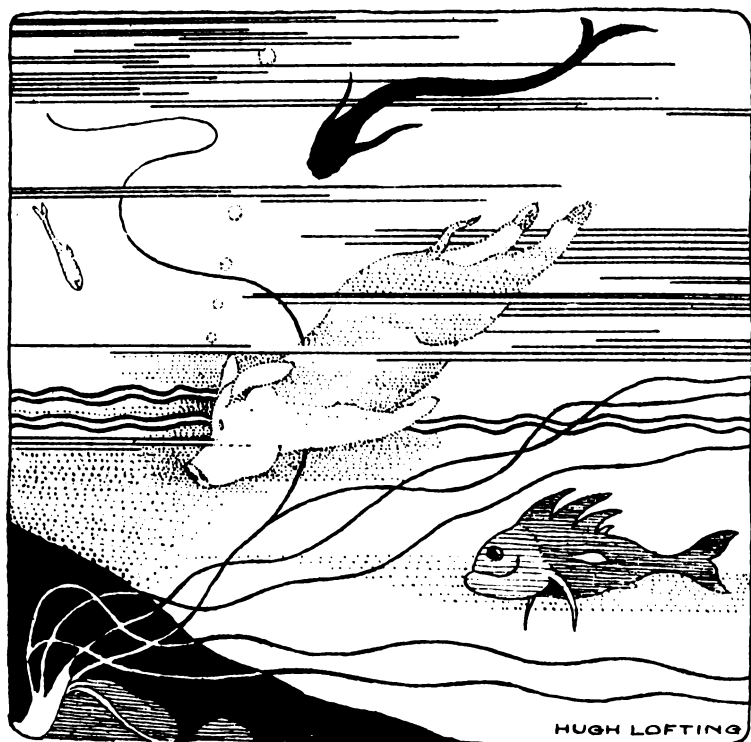
И Даб-Даб в сопровождении утки-широконоски отправилась на отмель.

Добрых полтора часа верная домоправительница ныряла за раковинами и приносила их Доктору на остров. Оказалось, что вскрывать раковины — весьма увлекательное занятие, ведь никогда не знаешь заранее, что там найдешь. Но, увы, в тех раковинах, которые приносила Даб-Даб, не удалось обнаружить ничего, кроме устриц различной степени упитанности.

— Попробую-ка я понырять сам, если там, конечно, не очень глубоко, — сказал Доктор. — Когда я был мальчишкой, у меня довольно неплохо получалось вылавливать шестипенсовики со дна бассейна.

Доктор со своими зверями погрузился в каноэ и погреб в направлении устричной отмели. Приплыв на место, он разделся и, недолго думая, нырнул в прозрачную зеленую воду, тогда как Джип и Габ-Габ наблюдали за ним с неподдельным интересом.

Но когда Доктор, отдуваясь и фыркая, как

Габ-Габ тоже плюхнулся в воду.

морж, выплыл на поверхность, оказалось, что вся его добыча — это полный рот морских водорослей.

— Посмотрим теперь, что получится у меня, — заявил Джип. И еще один ловец жемчуга отважно прыгнул за борт.

Тогда Габ-Габ вдруг заерзал на месте и, прежде чем кто-нибудь смог его остановить, тоже плюхнулся в воду. Поросенок, как топор, пошел на дно, тут же по уши зарылся пяточком в ил и остался торчать вверх ногами. Так что Доктору пришлось, еще толком не отдышавшись, нырять за ним и вытаскивать его обратно. Все звери в каное пришли в такое возбуждение, что даже белая мышка, и та уже собралась нырять, и только печальный опыт поросянка заставил ее изменить свое решение.

Впрочем, Джипу все-таки удалось вытащить на поверхность несколько маленьких раковин, но жемчужин в них, конечно, не оказалось.

— Неважные из нас получились охотники за жемчугом, — сказал Джон Дулитл. — Правда, может быть, никакого жемчуга здесь больше нет.

— Нельзя останавливаться на полдороге, — сказала Даб-Даб. — Я уверена, что там еще полно жемчужин — ведь отмель такая большая. Я думаю, надо спрашивать морских птиц и отыскать ту из них, которая принесла на островок эту кучу раковин. Уж она-то наверняка знает, как искать жемчуг.

Пока Доктор одевался, а Габ-Габ счищал ил с ушей, Даб-Даб отправилась наводить справки и уже через двадцать минут вернулась с какой-то черной птицей, очень похожей на утку. На голове у птицы был маленький хохолок.

— Доктор, — сказала Даб-Даб, — вот этот баклан принес на островок всю ту кучу раковин.

— Ну, наконец-то, — обрадовался Джон Дулитл.

— Может быть, сейчас мы сумеем что-то узнать. Не могли бы вы рассказать мне, — обратился он к баклану, — как вы добываете жемчужины?

— Жемчужины? А что это такое? — спросила птица.

Пришлось Даб-Даб полететь на островок и попросить на время у птенцов утки-широконоски их красивые игрушки.

— А-а, эти штуки, — разочарованно протянул баклан. — Они попадаютсЯ иногда в испорченных раковинах. Я такие раковины никогда не беру, а если какая-нибудь и попадетсЯ по ошибке, то я ее даже не вскрываю.

— А как вы отличаете такие раковины от других? — спросил Доктор.

— По запаху, — ответил баклан. — Те, в которых находятся эти штуки, всегда невкусно пахнут, а я очень разборчив в еде.

— Вы хотите сказать, что только по одному запаху можете прямо под водой определить, в каких раковинах есть жемчужины?

— Конечно. Любой баклан может это сделать.

— Вот оно в чем дело, Доктор, — воскликнула Даб-Даб. — Вот в чем вся хитрость! Теперь-то вы сможете добыть сколько угодно жемчуга.

— Но эта устричная отмель принадлежит не мне, — сказал Джон Дулитл.

— О, Господи! — вздохнула утка. — Никогда еще не встречала человека, который мог бы найти столько возражений, против того чтоб разбогатеть! А кому же она, по-вашему, принадлежит?

— Конечно же, вождю Ням-Ням и его народу. Это они владеют Харматтанскими Скалами. Не могли бы вы, — обратился Доктор к баклану, — принести мне несколько таких раковин на пробу?

— С огромным удовольствием, — ответил баклан. Он подлетел к устричной отмели и камнем упал в воду. А уже через минуту он вернулся с тремя раковинами — две он держал в лапах, а одну в клюве. Звери, затаив дыхание, столпились вокруг Доктора, и тот осторожно открыл раковины. В первой была маленькая серая жемчужинка, во второй — розовая жемчужина чуть побольше, а в третьей — две огромные черные жемчужины.

Г Л А В А 5

ВОССТАНИЕ ОБОМБО

В этот же день ближе к вечеру Доктор со всеми своими животными, к которым теперь добавился баклан, вернулись в селение вождя Ням-Ням.

Когда они подошли ближе к этой кучке соломенных хижин, они сразу заметили, что там творится что-то неладное. Все жители селения собрались вокруг хижины вождя, шумели, спорили, произносили речи — словом, были очень возбуждены. Старый вождь стоял в дверях и, когда он заметил своего друга Доктора, приближающегося к толпе, он сделал ему знак войти. Доктор зашел в хижину, а вождь закрыл за ним дверь и начал рассказывать, что случилось.

— О, белый человек! — сказал он. — Великие испытания выпали мне на старости лет. Пятьдесят лет я был вождем этого племени, и люди уважали, почитали и слушались меня. А теперь мой молодой зять Обомбо захотел стать вождем, и многие из них поддерживают его. У нас не осталось хлеба, и почти нет другой пищи. И Обомбо говорит, что это я во всем виноват и что он, если станет вождем, даст им довольство и изобилие. Я уже стар и не держусь за место вождя, но я знаю, что, заняв мое место, этот молодчик собирается втянуть мой народ в войну. А чего он добьется, ввязавшись в войну? Разве война накормит людей? Мы всегда проигрывали все войны. Наши соседи — могущественные племена, а мы — самый маленький народ во всей Западной Африке. И нас всегда грабили и разоряли. А сейчас матери со своими детьми приходят к моему порогу

Обомбо вскочил и начал убеждать людей не
верить старому вождю.

и требуют хлеба. Горе мне, что я дожил до этого дня!

Старый вождь опустился на стул и разразился рыданиями. Доктор подошел к нему и похлопал его по плечу.

— Послушайте, — сказал он, — сегодня мне, кажется, удалось сделать открытие, которое поможет вашему народу справиться с нищетой. Идите к своим людям и пообещайте им от моего имени — не забудьте, кстати, напомнить, что я прибыл с рекомендациями от короля Коко, — итак, пообещайте им от моего имени, что если они согласны потерпеть еще хотя бы неделю, то очень скоро земля вождя Ням-Ням станет богатой и процветающей, а ее жители ни в чем не будут иметь недостатка.

Старый вождь открыл дверь и вышел к негодующей толпе. Но едва он закончил говорить, как его зять Обомбо вскочил и начал убеждать людей не верить старому вождю и сейчас же прогнать его в джунгли. Однако уже в середине этой речи в толпе стали переговариваться:

— Не слушайте этого мальчишку — у него еще молоко на губах не обсохло! Он хочет втянуть нас в войну и разорить вконец. Раз белый человек говорит, значит надо потерпеть. Он не бросает слов на ветер. Разве не он победил амазонок с помощью своей волшебной мышки, которая живет у него в кармане? Наш старый добрый Ням-Ням знает, что делает, — не зря он правил нами так много лет! Долой Обомбо!

Ропот и недовольство в толпе постепенно усиливались. Люди стали швырять в Обомбо камнями и комьями грязи, так что вскоре ему пришлось, не закончив своей речи, самому спастись в джунглях от гнева своих соплеменников.

Когда страсти улеглись и обитатели селения мирно разошлись по домам, Доктор рассказал вождю про огромное богатство, которым тот, сам того не зная, владел и которое теперь поджидало его на устричной отмели у Харматтанских Скал.

И вот, всю следующую неделю Доктор и Ням-Ням дважды в день отправлялись туда. Баклан согласился оказать Джону Дулитлу услугу и подрядить нескольких своих родственников на добычу жемчуга для этих нищих и изголодавшихся людей. Работа закипела — бакланы вытаскивали со дна раковины, а Доктор сортировал жемчужины, клал их в маленькие коробочки и отправлял на продажу. Причем он строго предупредил старого вождя, что все дело нужно держать в секрете и доверять переноску жемчуга только самым надежным людям.

Буквально через несколько дней благодаря этому жемчужному промыслу в страну потекли деньги. А там, где дело процветает и появляются деньги, немедленно появляются и товары. Так что люди стали понемногу забывать о нищете и голоде.

Доктор сдержал свое слово. Уже к концу недели слух о богатстве страны вождя Ням-Ням разнесся по всему побережью западной Африки. И сейчас же маленькое селение, еще недавно всеми забытое и заброшенное, наводнили торговцы из соседних стран, покупая и продавая прямо на улицах все, что только можно купить или продать. И конечно же, все они хотели узнать, как эта нищая и маленькая страна смогла так внезапно разбогатеть. Разумеется, вождь Ням-Ням выполнил наказ Доктора и раскрыл секрет промысла только самым доверенным людям, но в таком маленьком селении трудно сохранить что-нибудь в тайне, тем более, что жители каждый день видели, как каноэ Доктора

усиленно курсирует между деревней и Харматтанскими Скалами.

Шпионы и лазутчики из соседних стран начали на своих каноэ тайком пробираться к устричной отмели и очень скоро докопались до истины. Секрет жемчужного промысла был раскрыт.

Тогда эмир Эллебубу, один из самых могущественных и коварных соседей вождя Ням-Ням, снарядил свои военные каноэ и отправил их захватить Харматтанские Скалы. А сам со своей армией напал на селение, изгнал из него всех жителей, а Доктора и старого вождя увел с собой в плен и бросил в тюрьму. Так племя вождя Ням-Ням потеряло свои последние владения.

Несчастные жители селенья прятались в джунглях, и там Обомбо снова начал нашептывать мятежные речи перепуганным подданным своего тестя. Он говорил, что они совершили ужасную глупость, доверившись сумасшедшему белому человеку и старому дураку Ням-Ням. А вот если бы они пошли за ним, за мудрым Обомбо, он бы сделал их великим народом.

Между тем, Доктор сидел в тюрьме совсем один. Эмир Эллебубу не разрешил его зверям оставаться с ним. Джип попытался протестовать и тяпнул эмира за ногу, но добился этим только того, что его посадили на цепь.

В камере, где сидел Доктор, не было даже окна, и это его ужасно удручало, потому что он, хотя ему и прежде случалось сидеть в африканских тюрьмах, так и не смог привыкнуть обходиться без свежего воздуха. К тому же его руки были крепко связаны за спиной толстой веревкой.

— Да, — с грустью думал он, сидя в темноте на

полу, — веселый у меня получается отпуск, ничего не скажешь!

Но тут он почувствовал, как у него в кармане что-то зашевелилось, и к его неопишуемой радости ему на колени выбежала белая мышка, которая все это время крепко спала и про которую он совершенно забыл.

— Вот это удача! — вскричал Джон Дулитл. — Ты-то мне как раз и нужна. Не будешь ли так любезна забежать мне за спину и перегрызть эту проклятую веревку? Она ужасно режет мне руки.

— Конечно, — ответила белая мышка, сразу принимаясь за работу. — А почему здесь так темно? Неужели я проспала до самой ночи?

— Нет, — сказал Доктор. — Сейчас, наверно, только полдень. Но мы взаперти. Этот кретин эмир Эллебубу захватил селение и посадил меня в тюрьму. Что за черт, почему я все время оказываюсь за решеткой? А самое скверное, что он не разрешил ни Джипу, ни Даб-Даб остаться со мной. Особенно жаль, что нет Даб-Даб. Как бы подать ей весточку?

— Подождите, я сейчас освобожу вам руки, — сказала белая мышка, — и тогда мы попробуем что-нибудь придумать. Ну вот! Я уже разгрызла один узел. Теперь пошевелите немного руками, и все будет в порядке.

Доктор сделал несколько сильных вращательных движений кистями, и руки его были свободны.

— Слава Богу, что ты оказалась у меня в кармане! — с облегчением сказал он. — Я был просто в ужасном положении. Хотел бы я знать, какая камера досталась старине Ням-Ням! Пожалуй, хуже, чем эта, мне еще ни разу не попадалась.

Тем временем эмир праздновал в своем дворце победу. Он издал указ о том, что с этого дня

Харматтанские Скалы являются его неотъемлемой частной собственностью, которую охраняет закон, и отныне должны называться Жемчужными Промыслами Эллебубу. Он послал шесть специально отобранных людей с приказом тщательно обыскать острова и доставить ему во дворец все жемчужины до одной.

Посланцы эмира прибыли на устричную отмель, и бакланы, которые, естественно, ничего не знали ни о военных действиях, развернувшихся на берегу, ни о печальной участи, постигшей Доктора, приняли этих людей за гонцов вождя Ням-Ням и отдали им всю дневную добычу. Но, к счастью, в этот день улов был неудачным — во всех раковинах оказались только очень маленькие и не слишком ценные жемчужины.

Между тем Джип и Даб-Даб безуспешно пытались найти какой-нибудь способ связаться с Доктором, а он беспокойно ходил взад-вперед по своей тюрьме и разминал затекшие кисти рук.

— Вы, кажется, хотели подать весточку Даб-Даб, — пропищала белая мышка из самого темного угла камеры.

— Да, — сказал Доктор — и притом как можно скорей. Но я совершенно не представляю себе, что здесь можно придумать. Стены из камня, а дверь, как я заметил при входе, ужасно толстая и прочная...

— Не беспокойтесь, Доктор, я знаю, как это сделать, — сказала мышка. — Я нашла здесь в углу старую крысиную нору. Она тянется под стеной и выходит наружу возле корней дерева на другой стороне дороги, напротив тюрьмы.

— Превосходно! — воскликнул Доктор.

— Говорите скорей, что передать Даб-Даб, —

сказала белая мышка, — и вы не успеете сосчитать до трех, как она услышит это. Ведь она сидит на том самом дереве.

— Передай ей, — сказал Доктор, — чтоб она сейчас же летела на Харматтанские Скалы и приказала бакланам немедленно прекратить добычу раковин.

— Хорошо, — пискнула мышка и тут же исчезла в крысиной норе.

Даб-Даб поспела на устричную отмель как раз вовремя. Люди эмира прибыли за следующей партией жемчужин, но бакланы успели быстро побросать все раковины обратно в море, так что посланцы, покрутившись некоторое время вокруг отмели, возвратились ни с чем и сказали эмиру, что никаких раковин на островах больше нет. Тот удивился и послал их еще раз, чтобы они поискали получше, но результат оказался тем же.

Эмир ужасно рассердился. Как это так? Какой-то голодранец Ням-Ням мог добывать жемчуг на Харматтенских Скалах, а он, великий эмир Эллебубу, не может? И тут один из его генералов сказал, что, должно быть, все дело в белом человеке, ведь это он нашел устричную отмель и сумел организовать промысел.

Тогда эмир приказал своим носильщикам отнести его в тюрьму, где сидел Доктор. Стражники отперли дверь, и эмир набросился на Доктора:

— Эй ты, бледнолицый негодяй, что это за дурацкую шутку ты выкинул на моих жемчужных промыслах?

— Это не твои жемчужные промыслы, черномазый разбойник, — ответил Доктор. — Ты украл их у несчастного старого Ням-Ням. Жемчуг добывали морские птицы. Но птицы — честный народ и

Эмир был просто взбешен.

помогают только честным людям. Почему в твоей тюрьме нет даже окон? Стыд и срам!

Эмир был просто взбешен.

— Как ты смеешь так говорить со мной? Я — великий эмир Эллебубу! — заорал он.

— Ты бесчестный наглец! — ответил Доктор. — Я не желаю больше с тобой разговаривать.

— Если ты не заставишь птиц работать на меня, я прикажу не давать тебе еды, — прорычал эмир.

— Ты подохнешь с голоду!

— Я уже сказал тебе, — спокойно ответил Доктор, — что не испытываю желания продолжать этот разговор. Ты не получишь ни единой жемчужины с Харматтанских промыслов.

— А ты не получишь ни единого куска хлеба! — завопил в ярости эмир.

Он повернулся к стражникам и громко приказал не кормить Доктора до новых распоряжений. Со зловещим лязгом захлопнулась тяжелая дверь, пропустив последний глоток свежего воздуха, и Доктор снова погрузился в темноту своей душной темницы.

Г Л А В А 6

ОСВОБОЖДЕНИЕ ДОКТОРА

ЭМИР Эллебубу вернулся в свой дворец в полной уверенности, что Джон Дулитл, поголовив несколько дней, выполнит все, что он ему прикажет. Он велел не давать пленнику даже воды, чтобы уж наверняка заставить его подчиниться.

Но едва эмир захлопнул за собой дверь тюремной камеры, как из крысиной норы в углу вылезла белая мышка.

Теперь у нее появилось много забот. Целыми днями она сновала в камеру и обратно, принося Доктору объедки, которые собирала в городских домах: хлебные крошки, кусочки сыра, ямса, картофеля и даже маленькие кусочки мяса. Все это она аккуратно складывала в шляпу Доктора, стоявшую в углу. И к концу каждого дня в ней собиралась вполне приличная порция. Правда, в шляпе вся еда перемешивалась, и Доктор говорил, что никак не может понять, что же именно он ест. Зато такая измельченная смесь прекрасно переваривалась и была очень сытной, так что Доктору не приходилось жаловаться на свой рацион.

А чтобы ее хозяин не умер от жажды, белая мышка придумала вот что: она брала орехи, прогрызала в них сверху маленькую дырочку и, размельчив содержимое ореха, вытряхивала его через эту дырочку наружу. В пустой орех она налиwała воды, а дырочку замазывала клейкой смолой. Наполненные водой орехи были немного тяжеловаты для нее, поэтому от реки до того места, где крысиная нора выходила на поверхность, орехи обычно доно-

сила Даб-Даб, а белая мышка только закатывала их в камеру Доктора.

С помощью окрестных мышей она могла изготовить сколько угодно таких орехов. И теперь, когда Доктор хотел пить, ему нужно было только положить орех в рот, разгрызть его, и после того, как прохладная вода выливалась ему в горло, выплюнуть разгрызенную скорлупу.

Белая мышка ухитрилась даже принести немного мыла, чтобы ее хозяин мог побриться, потому что Джон Дулитл, который всегда очень заботился о своем внешнем виде, и в тюрьме не мог позволить себе оставаться небритым.

И вот, по прошествии четырех дней эмир Эллебубу прислал в тюрьму посыльного справиться, согласен Доктор выполнять то, что ему прикажут, или нет. Но стражники, переговорив с Джоном Дулитлом, просили передать эмиру, что белый человек твердо стоит на своем и не собирается сдаваться.

— Ах так, — сказал эмир, топнув ногой, — тогда пусть он голодает дальше. Еще через десять дней он будет покойником, и я приду посмеяться над его трупом. И так будет с каждым, кто дерзнет противиться воле эмира Эллебубу!

Эмир сдержал свое слово и ровно через десять дней отправился в тюрьму, чтобы насладиться зрелищем ужасной смерти белого человека, причем многие министры и генералы захотели разделить с ним это удовольствие. Но когда тюремная дверь распахнулась, то вместо простертого на полу трупа, все они увидели улыбающегося, бодрого и чисто выбритого Доктора. Единственным изменением в его внешности было то, что от сидячей жизни в тюрьме, он немного поправился.

От удивления эмир потерял дар речи и молча смотрел на Джона Дулитла, широко разинув рот. Вдобавок буквально за день до этого он впервые услышал о том, как Доктор победил могучих амазонок. Эмир тогда отказался верить этой истории, но сейчас он начал понимать, что этот человек вполне способен совершить все то, что про него рассказывают.

— Смотрите, ваше величество, — прошептал ему на ухо один из министров, — этот колдун сумел даже побриться без воды и мыла. Это злой волшебник! Надо поскорей избавиться от него. Отпустите его на свободу, пока своим колдовством он не навлек на нас ужасные несчастья.

И насмерть перепуганный министр быстро спрятался за спины своих товарищей, чтобы дурной глаз Доктора случайно не упал на его лицо.

Эмир и сам был ни жив ни мертв от страха. Дрожащим голосом он приказал стражникам сейчас же выпустить Доктора из тюрьмы.

— Я никуда отсюда не уйду, — твердо заявил Джон Дулитл, встав в дверях, — до тех пор, пока в этой камере не будут проделаны окна. Нельзя держать людей в помещении без окон!

— Прорубить окна! — приказал эмир стражникам.

— А теперь, — сказал Доктор, — ты должен освободить вождя Ням-Ням, приказать своим солдатам покинуть его страну и Харматтанские Скалы и вернуть ему все плодородные земли, которые ты раньше у него отнял!

— Я сделаю это, — сквозь зубы процедил эмир. — Только уходи!

— Я ухожу, — сказал Доктор. — Но если ты еще

когда-нибудь будешь обижать своих соседей, я вернусь — и тогда берегись!

И Джон Дулитл вышел из дверей темницы на залитую солнцем улицу, причем когда он проходил через толпу эмирских вельмож, они в ужасе шаркались от него и, закрывая лица руками, шептали друг другу:

— Это колдун! Берегитесь его взгляда! Его глаза приносят несчастье!

А в кармане у Доктора белая мышка зажимала лапками рот, чтобы не захихикать вслух.

Доктор со всеми своими зверями и вождем Ням-Ням возвращались из плена. По дороге к ним выходили из джунглей испуганные подданные старого вождя, которые все еще боялись вернуться домой. Ням-Ням рассказывал им о победе над эмиром и о том, что их земля теперь свободна, и все они с радостью присоединились к маленькому отряду Доктора. Так что, когда вдали показалось селение старого вождя, Джон Дулитл уже был похож на генерала, который во главе победоносной армии возвращается в родные края.

Ночью в селении был большой праздник: весь народ чествовал Доктора как величайшего из людей, когда-либо посещавших эту землю. Впервые за много лет жители деревни могли наконец вздохнуть спокойно. Теперь им не надо было больше бояться двух самых могущественных врагов — эмир был связан своим обещанием, а у амазонок надолго пропала охота к набегам после их последней вылазки. Жемчужные промыслы снова принадлежали старому вождю, и страну ждало благоденствие и процветание.

На следующий день Доктор поехал на Харматанские Скалы повидаться с бакланами и поблаго-

дарить их за помощь. Старый вождь отправился вместе с ним и взял с собой четырех доверенных людей, которых Доктор, дабы избежать в будущем каких-либо недоразумений, представил бакланам и сказал, что только этим людям — и никому другому! — они должны отдавать раковины с жемчужинами.

Как раз в то время, когда Доктор и его спутники находились на устричной отмели, бакланы выловили раковину с необыкновенно большой и красивой жемчужиной. Она была гораздо больше и красивей, чем все те жемчужины, что удавалось выловить прежде. И тогда вождь Ням-Ням преподнес эту жемчужину Доктору, произнеся подобающую случаю торжественную речь, в которой отметил огромные заслуги Джона Дулитла перед самим вождем и перед всем его народом.

— Слава тебе, Господи! — прошептала Даб-Даб Джипу. — Ты не представляешь себе, что для нас значит эта жемчужина! Доктор потратил все свои деньги до последнего шиллинга — он нищ, как церковная крыса. Если б не этот подарок, нам бы скоро опять пришлось брать Тяни-Толкая и разъезжать с бродячим цирком. Я так рада! Что до меня, то я бы хотела остаться дома и немножко пожить спокойно в нашем Падлби-на-болоте, если только когда-нибудь мы туда вернемся.

— Ну, почему же, — сказал Габ-Габ. — Я обожаю цирк и люблю путешествия. Конечно, если это путешествия по Англии и вместе с цирком.

— В любом случае, — сказал Джип, — неплохо, что Доктор получил эту жемчужину. Тем более, если, по твоим словам, Даб-Даб, она может обеспечить человека на всю оставшуюся жизнь. А нашему Доктору, похоже, всегда будет не хватать денег.

Но пока Джон Дулитл благодарил старого вож-

— Ты не представляешь себе, что для нас
значит эта жемчужина, — прошептала
Даб-Даб Джипу.

для за необыкновенный подарок, откуда ни возьмись появился Квип Отважный Посланец с письмом для Доктора.

— На нем красными чернилами была сделана пометка «срочно», — сказала ласточка, — и Быстрей-Ветра подумал, что лучше будет доставить его вам со специальной оказией.

Джон Дулитл вскрыл конверт.

— От кого это, Доктор, — спросила Даб-Даб.

— Ай-яй-яй, — пробормотал Доктор, читая письмо. — Это от того фермера из Линкольншира, чьи побеги брюссельской капусты дрозды принесли для нашего Габ-Габа. Я забыл написать ему ответ — вы же помните, он спрашивал меня, не могу ли я объяснить ему, в чем дело. А я был так занят, что это совершенно вылетело у меня из головы. Боже мой, как нехорошо! Я же должен как-то заплатить этому бедняге. Как же мне... ага, ведь у меня теперь есть... я же могу послать ему жемчужину! Отличная мысль! Это с лихвой возместит все его убытки.

И к ужасу Даб-Даб Доктор оторвал от письма фермера чистый кусок бумаги, нацарапал на нем несколько слов, и, завернув в него жемчужину, отдал ласточке.

— Скажи Быстрей-Ветра, — сказал Джон Дулитл, — чтобы он немедленно отослал его — заказным. Завтра я возвращаюсь в Фантиппо. До свидания и спасибо за срочную доставку.

Квип Отважный Посланец исчез вдаль с бесценной жемчужиной в клюве, и Даб-Даб грустно сказала Джипу:

— Вот и улетело состояние Джона Дулитла. Просто удивительно, как деньги не держатся в руках у этого человека!

— О-хо-хо! — вздохнул Джип, — значит, опять выступать в цирке...

— Быстро досталось — легко потерялось, — проговорил Габ-Габ. — Не стоит огорчаться. И что хорошего в этом богатстве? Богатым людям всегда приходится вести себя так ненатурально.

ГЛАВА 7

ЗАГАДОЧНОЕ ПИСЬМО

ТЕПЕРЬ пришло время рассказать о совершенно необычном событии, которое, возможно, было самым невероятным среди всех любопытных происшествий, связанных с Ласточкиной почтой.

Итак, Доктор вернулся на плавучую почтовую станцию из своего короткого, но весьма богатого событиями отпуска. Его встречали Тяни-Толкай, Гу-Гу, Чипсайд и Быстрой-Ветра. Даже сам король Кoko лично приплыл поприветствовать своего белого друга, когда увидел его каноэ в театральный бинокль (ценой десять шиллингов и шесть пенсов), который он недавно получил посылкой из Лондона. Короля сопровождали на своих каноэ все видные фантиппские вельможи — они за время отсутствия Главного Почтмейстера ужасно соскучились по традиционному чаепитию и обмену сплетнями на веранде плавучей конторы.

Целых три часа — до самой темноты — Доктор только и делал, что пожимал руки и отвечал на вопросы о том, как он провел отпуск, где побывал и чем занимался. Этот теплый прием и сам вид уютного домика с веселенькими цветочками в оконных ящиках заставили Доктора, как он позже признавался Даб-Даб, почувствовать, что он действительно возвратился домой.

— Да, — сказала домоправительница, — но не забывайте, что у вас есть настоящий дом — в Падлби-на-болоте.

— Это правда, — согласился Доктор. — И, наверно, уже скоро нам придется вернуться в Анг-

лию. Но ведь фантиппцы и вправду были нам рады. В конце концов, Африка — замечательная страна!

— Да, — сказала Даб-Даб, — замечательная страна, чтобы недолго в ней пожить и долго о ней вспоминать.

Только после того, как ужин был подан и съеден, и Доктора заставили еще раз рассказать с самого начала всю историю жемчужных промыслов (теперь уже для узкого семейного круга), Джон Дулитл смог наконец заняться огромной кипой писем, которые скопились за время его отпуска. Как и всегда, там были письма со всех концов света и от всех мыслимых и немыслимых зверей и птиц, каких только можно себе представить. Несколько часов он без устали разбирал свою корреспонденцию, отвечая на письма в том порядке, в каком они прибыли. Быстрей-Ветра выступал в роли секретаря-машинистки и записывал на птичьем и зверином языках ответы, которые, как из пулемета, непрерывно диктовал Доктор. Иногда Джон Дулитл начинал диктовать так быстро, что бедному Быстрей-Ветра приходилось звать на помощь Гу-Гу (у которого, помимо математических способностей, была прекрасная память), чтобы случайно что-нибудь не пропустить.

Гора писем уже заметно уменьшилась, когда Доктору попался очень странный толстый конверт, весь покрытый грязью. В течение долгого времени все трое не только не могли разобрать ни единого слова из того, что было написано в самом письме, но и даже понять, от кого оно пришло. Доктор достал из сейфа все свои записные книжки и начал тщательно сличать, сравнивать, сопоставлять и анализировать. Ясно было одно: грязью пользовались вместо чернил. Но буквы были написаны так неук-

люже и коряво, что их можно было принять за все что угодно.

Наконец, после долгих мучительных поисков, догадок и предположений, Доктору удалось в общих чертах расшифровать это необыкновенное послание. И вот что в нем говорилось:

«Дорогой Доктор Дулитл!

Я услышала о Вашей почте и вот, с грехом пополам, пишу Вам это письмо — первый раз за всю мою жизнь. Мне рассказывали, что Вы открыли при своей почте бюро прогнозов погоды и что одноглазый альбатрос — Ваш главный предсказатель погоды. Я взялась за перо, чтобы сообщить Вам, что именно я являюсь старейшим предсказателем погоды на земле. В свое время я с точностью до одного дня и даже часа предсказала Потоп, и он, как Вам известно, состоялся. К сожалению, я очень медленно передвигаюсь, а то бы я обязательно навестила Вас и, может быть, Вы смогли бы как-нибудь управиться с моей подагрой, которая вконец измучила меня за последние несколько сотен лет. А если бы Вы сами выбрались ко мне, я бы рассказала Вам очень много интересного о прогнозах погоды. Кроме того, Вы могли бы из первых рук услышать о Потопе, который я видела своими собственными глазами с палубы Ноева ковчега.

Искренне Ваша,

Грязнуха.

P.S. Я — черепаха».

Прочитав это заляпанное грязью послание, Доктор пришел в небывалое волнение. Жажда деятельности охватила его настолько, что он готов был хоть завтра отправиться в путь.

Но, увы! Когда он заглянул на другую сторону

конверта, чтобы посмотреть, где живет эта замечательная черепаха, он не нашел даже намека на ее местонахождение! Таинственная корреспондентка, которая видела Потоп, Ноя и его ковчег, забыла написать свой обратный адрес!

— Послушай, Быстрей-Ветра, — сказал Джон Дулитл, — мы должны во что бы то ни стало выяснить, откуда пришел этот бесценный документ. Надо использовать малейшую возможность. Для начала необходимо опросить всех сотрудников почты и узнать, кто его доставил.

Не откладывая дела в долгий ящик, Доктор и Быстрей-Ветра подвергли перекрестному допросу всех по очереди: и Тяни-Толкая, и Чипсайда, и Гу-Гу, и Квипа Отважного Посланца, и других ласточек, и перелетных птиц, обитавших по соседству, и даже пару крыс, которые недавно поселились в плавучем домике.

Но, как нарочно, никто не видел, как было доставлено это письмо, никто не мог сказать в какой день или час это произошло, никто не имел даже малейшего представления о том, каким образом оно оказалось в той кипе писем для Доктора — словом, никто о нем ничего не знал. Это было одно из тех маленьких почтовых чудес, которые подчас случаются даже на самых лучших почтах мира.

Доктор был просто в отчаянье. Его, как зоолога, всегда чрезвычайно интересовало все, имеющее отношение к Потопу, и он считал, что Ной после своего исторического плаванья должен был стать великим натуралистом. И вот теперь, когда совершенно неожиданно появилась возможность услышать обо всем этом из уст очевидца и участника этого знаменитого путешествия, то из-за какого-то дурацкого недоразумения, нелепого недосмотра та-

кой прекрасный шанс невозможно было использовать!

Итак, все попытки выяснить, откуда прибыло письмо, не дали результата, и Доктор, после двух дней бесполезных поисков, махнул рукой и вернулся к своим обычным занятиям. Всю следующую неделю ему пришлось приводить в порядок тысячу всевозможных дел, скопившихся за время его отсутствия, так что в конце концов он совершенно забыл и про черепаху, и про ее загадочное письмо.

Но однажды ночью, когда Доктор по своему обыкновению допоздна засиделся за работой, он услышал, как кто-то осторожно стучится в окно плавучего домика. Доктор подошел к окну и открыл его. В то же мгновение в окно просунулась голова огромной змеи с толстым и очень грязным письмом в пасти.

— О, Господи! — воскликнул Доктор. — Как вы меня напугали! Заходите же скорей и почувствуйте себя, как дома.

Медленно и долго змея переваливалась через подоконник на пол плавучего домика, ярд за ярдом аккуратно сворачиваясь у ног Джона Дулитла, как нескончаемая бухта карabelьного каната.

— Простите, пожалуйста, но там снаружи еще много осталось? — спросил Доктор.

— Да, — сказала змея, — здесь сейчас примерно половина меня.

— Тогда я, пожалуй, открою дверь, — решил Доктор, — чтобы вы могли частично расположиться в коридоре. Эта комната немного тесновата для вас.

Когда наконец огромное пресмыкающееся целиком оказалось в домике, толстые кольца его тела

В окно просунулась голова огромной змеи с толстым и очень грязным письмом в пасти.

покрывали весь пол в кабинете доктора и еще значительная часть оставалась в коридоре.

— Ну, а теперь, — произнес Джон Дулитл, закрывая окно, — чем я могу быть вам полезен?

— Я принесла вам письмо от черепахи, — сказала змея. — Она удивляется, почему ей не пришел ответ на ее первое письмо.

— Но ведь она же не дала мне своего адреса, — сказал Доктор, взяв у змеи заляпанный грязью конверт. — Чего я только не делал, чтобы узнать, где она живет!

— А, так вот в чем дело! — сказала змея. — Что вы хотите от старой Грязнухи? Она же сроду писем не писала. Ей, наверно, и в голову не пришло, что нужно указывать обратный адрес.

— Вы не представляете, как я рад получить от нее второе письмо, — сказал Доктор. — Ведь я уже совсем потерял надежду увидеться с ней. Вы расскажете мне, как добраться до нее?

— Ну, конечно, — проговорила огромная змея. — Мы живем с ней в одном озере. Это озеро Джунганьика.

— Насколько я понимаю, вы — водяная змея, — сказал Доктор.

— Да.

— Вы, наверно, очень устали после долгого путешествия? Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Если можно, блюдечко молока, — попросила змея.

— У нас есть только молоко диких коз, — сказал Джон Дулитл. — Но оно совершенно свежее.

Он пошел на кухню и разбудил домоправительницу.

— Представляешь, Даб-Даб, — сказал он ей, задыхаясь от волнения, — я только что получил

второе письмо от черепахи, а ее посланник собирается отвести нас к ней!

Когда Даб-Даб с блюдечком молока вошла в кабинет начальника почты, он с интересом читал какое-то грязное письмо. Посмотрев на пол, утка даже крякнула от отвращения.

— Хорошо, что здесь нет Сары, — воскликнула она. — В каком состоянии ваш кабинет — здесь полным-полно змей!

СТРАНА МАНГРОВЫХ БОЛОТ

ПУТЕШЕСТВИЕ, которое совершил доктор из Фантиппо к озеру Джунганьика, оказалось длинным, но невероятно интересным. Как выяснилось, старая черепаха жила в глубине материка, в одной из самых диких и заросших джунглями частей Африки.

На этот раз Доктор решил оставить дома поросенка Габ-Габа и взял с собой только Джипа, Даб-Даб, Гу-Гу и Чипсайда, который заявил, что хочет немного отдохнуть и что его друзья воробьи и без него прекрасно справятся с доставкой почты по городу.

Руководимые водяной змеей, они сначала проплыли миль сорок или пятьдесят на юг вдоль побережья, а потом, войдя в устье реки, стали продвигаться вглубь континента. В своем нижнем течении река была достаточно полноводной, и путешествовать по ней на каноэ, да еще когда рядом плывет огромная водяная змея, доставляло только удовольствие. Но чем выше по реке поднимались путешественники, тем уже становилось ее русло, пока наконец, подобно многим другим рекам в тропических странах, она стала больше напоминать полузасохший ручеек или цепочку маленьких лужиц, разделенных длинными песчаными отмелями.

Густые джунгли нависали со всех сторон и образовывали над головами путешественников сплошной зеленый туннель, который в дневное время защищал от солнца лучше, чем любой зонтик. Особенно кстати это было на пересохших участках реки, где Доктору приходилось перетаскивать ка-

ное вручную или волочить его на самодельных катках.

Эта работа оказалось такой тяжелой, что уже в конце первого дня Джон Дулитл хотел было спрятать каноэ где-нибудь в укромном месте и продолжать путешествие пешком. Но змея сказала, что потом оно им очень пригодится, потому что скоро воды в реке будет больше, и, вдобавок, им придется пересекать много болот.

С каждой милей пути джунгли вокруг становились все гуще и непроходимей. Собственно, идти можно было только вдоль русла реки, как по аллее в парке, и хотя река постоянно петляла и меняла направление, путешественники продвигались довольно быстро.

Доктор открывал для себя совершенно новую страну — то и дело ему попадались деревья, которых он никогда раньше не встречал, орхидеи необычной окраски, бабочки, папоротники, птицы, редкие виды обезьян. Поэтому, стараясь не упустить возможности пополнить свое и без того прекрасное знание природы, он постоянно держал наготове записную книжку и буквально каждую минуту что-то записывал или зарисовывал.

Но на третий день путешествия по руслу реки местность вокруг внезапно изменилась. Если вы никогда не бывали на мангровых болотах, вам будет нелегко представить, как они выглядят. Зрелище, надо сказать, было довольно мрачным. Во всех направлениях на многие мили вокруг тянулась плоская болотистая равнина, испещренная озерками и мелкими потоками, поросшая кое-где клочковатой травой и водорослями, опутанная скрюченными корнями мангровых деревьев и колючими кустами. Она напомнила Доктору пейзаж после большого

наводнения. Здесь уже не росли высокие деревья, вроде тех, что они видели ниже по течению в джунглях. Только мангровые деревья поднимались на семь-восемь футов в высоту, и с их тонких веток, словно серые развевающиеся тряпки, свисали длинные лохмотья мха.

Живность вокруг была тоже совершенно другая. Веселых и ярко окрашенных лесных птиц не привлекала здешняя сырая местность, где не поймешь, чего больше — воды или суши. Вместо них из-за каждого куста путешественников с интересом разглядывали всевозможные большеносые и долговизы болотные птицы. Различные виды цапель, журавлей, ибисов, поганок, выпей и даже статные змеешейки, которые умеют летать под водой, бродили по болоту или сидели в гнездах на маленьких клочковатых островках. Среди изогнутых корней то появлялись, то исчезали в норках какие-то странные водяные существа — наполовину рыбы, наполовину ящерицы. Они ловко передвигались на своих коротеньких лапках и то и дело затевали потасовки с разноцветными крабами.

Несомненно, на многих людей страна мангровых болот произвела бы весьма тягостное и даже отталкивающее впечатление. Но Доктор, который любил и ценил природу во всех ее проявления, был в просто в восторге от открывшегося ему нового поля для исследований.

Только теперь Доктор и его друзья поняли, почему змея не советовала им оставлять каноэ в джунглях. Идти пешком здесь, где на каждом шагу можно было по пояс провалиться в трясины, представлялось совершенно невозможным. Особенно тяжело пришлось бы, конечно, Доктору и Джипу. Но даже на каноэ продвигаться вперед стало гораздо

труднее. Мангровые деревья раскинули во все стороны свои длинные, переплетающиеся корни-щупальца — они как будто охраняли от пришельцев тайны этой безмолвной мрачной земли, где не было места человеку.

Безусловно, если бы не водяная змея, для которой путешествовать по мангровым болотам было легче чем где-либо еще, Доктор и его звери не смогли бы продвинуться вперед ни на шаг. Их проводница, как правило, ползла на несколько сот ярдов впереди, отыскивая для каноэ глубокую воду и проходы в колючих зарослях. Большую часть времени ее голову не было даже видно, но зато хвост на самых трудных участках пути крепко держался за нос каноэ, и если оно застревало, змея одним мощным рывком выдергивала его из грязи, как привязанную на веревке консервную банку.

Впрочем, в каноэ обычно находились только Доктор и Джип (Даб-Даб, Гу-Гу и Чипсайд быстро догадались, что в этой местности гораздо приятней путешествовать перелетая с дерева на дерево), и после одного такого рывка, они оба остались сидеть в грязи, потому что каноэ было буквально выдернуто изпод них могучим живым канатом. Это так рассмешило грубоватого Чипсайда, который сидел на мангровом дереве у них над головами, что он внезапно прервал торжественную тишину болота громким и нахальным чириканьем:

— Бог свидетель, Доктор, как вы умеете попасть в дурацкую ситуацию! Кто бы мог подумать, что мне доведется увидеть, как Джона Дулитла, доктора медицины, знаменитого врача из Падлби-на-болоте будут вытаскивать из вонючей африканской грязи при помощи пары сотен ярдов жирного чер-

Каное было буквально выдернуто из-под них.

вяка! Вы даже не представляете, как смешно вы выглядите!

— Да помолчи ты, дурак! — огрызнулся Джип, забираясь обратно в каноэ, весь в липкой черной грязи с головы до кончиков лап. — Хорошо тебе болтать — ты-то можешь летать над всем этим месивом.

— Здесь можно было бы устроить славное футбольное поле, — не умолкал Чипсайд. — Удивляюсь, что африканцы сами до этого не дотумкали. Никогда не думал, что в одном месте может быть столько грязи — разве что на Хэмпстедской пустоши после дождя на Пасху. Интересно, когда же мы наконец дотащимся до места. И так уже забрались на самый край света — или, вернее, в самую его середину. Столько времени не видеть ни единого человеческого лица! А эта черепаха, небось, та еще штука! Лично я не удивлюсь, если где-нибудь тут мы наткнемся и на старика Ноя, сидящего на обломках своего ковчега. Мы запросто... эй, Джип, помоги-ка Доктору! У него подбородок за корень зацепился!

Змея, услышав трескотню Чипсайда, подумала, что сзади что-то не так, и ее голова, сделав петлю, вернулась посмотреть, что там произошло. Получилась небольшая остановка, во время которой Джон Дулитл и Джип немного почистились и выудили из грязи драгоценные записные книжки Доктора.

— А что, люди здесь совсем не живут? — спросил Доктор у змеи.

— Ни единого человека, — ответила проводница. — Мы давно прошли те места, где обитают люди. А здесь могут жить только болотные птицы, водяные пресмыкающиеся и змеи.

— Сколько нам еще идти? — спросил Доктор, полоская в чистой лужице свою шляпу.

— Остался еще день пути, — сказала змея. — Эти болота со всех сторон окружают Тайное озеро Джунганьика. Двигаться станет легче, когда мы выйдем на большую воду.

— Значит мы уже где-то недалеко от его берега?

— Да, — сказала змея. — Но, строго говоря, про Тайное озеро нельзя сказать, что у него есть берега, или, по крайней мере, такие берега, на которых мог бы стоять человек.

— А почему вы называете его Тайным озером? — спросил Доктор.

— Потому что ни один человек не бывал здесь со времен Ноя, — ответила гигантская рептилия. — Вы будете первым. Жители озера любят хвастать, что умываются водой, оставшейся от самого Потопа. Ведь этого озера не существовало до тех Сорока Дней, и даже теперь эта часть земли так и не просохла как следует.

— А что здесь было до Потопа? — спросил Доктор.

— Говорят, здесь была холмистая плодородная земля, росла кукуруза и светило яркое солнце, — ответила змея. — Так мне говорили — меня самой тогда еще не было на свете. Старая Грязнуха расскажет вам об этом лучше, чем я.

— Как интересно! — воскликнул Доктор. — Давайте-ка поторопимся! Мне так не терпится поскорей увидеть Грязнуху и Тайное озеро!

ГЛАВА 9

ТАЙНОЕ ОЗЕРО

В течение следующего дня, как и обещала водяная змея, местность понемногу становилась ровней и свободней. Все реже попадались островки и колючие кустарники, а заросли мангровых деревьев были уже не такими непроходимыми. В мрачном пейзаже постепенно начинала преобладать вода, а не суша. Продвигаться вперед стало теперь гораздо легче. Вода вокруг была уже достаточно глубокой, и Доктор мог грести несколько миль подряд, обходясь без помощи могучей проводницы. Существенной переменной оказалось и то, что теперь, посмотрев наверх, можно было иногда увидеть небо над головой вместо нескончаемых переплетений крон болотных деревьев, и путешественники время от времени видели стаи диких уток и гусей, летевших на восток.

— Значит, большая вода уже близко, — сказала Даб-Даб.

— Да, — согласилась змея. — Они летят на Джунганьку. Там кормятся огромные стаи диких гусей.

Около пяти часов вечера последний из грязных островков остался позади, и когда нос каноэ легко заскользил по совершенно чистой прозрачной воде, путники неожиданно увидели перед собой огромное внутреннее море.

Если пейзаж мангровых болот выглядел достаточно неприветливо, то Тайное озеро в этом отношении могло бы дать ему много очков вперед. Противоположного берега не было видно. Взгляд упирался в тонкую линию, где встречались небо и

вода. А впереди, на востоке, где было темнее всего, даже эту линию нельзя было разглядеть — угрюмая вода и хмурое ночное небо сливались там в чернильную тьму. И справа и слева тянулись нескончаемые чахлые леса, окружающие озеро со всех сторон, и исчезающие далеко на севере и на юге. По открытой воде катились огромные облака серого тумана, которые то разгонял, то сбивал в кучи пронзительный воющий ветер.

Даже Доктор был подавлен этим мрачным зрелищем.

— Вот это да! — пробормотал он тихим голосом. — Здесь и вправду можно подумать, что Великий Потоп еще продолжается!

— Веселенькое местечко, ничего не скажешь! — донесся с кормы нахальный голос Чипсайда. — Нет, по мне уж лучше Лондон, даже в самый большой туман. А здесь могут жить только какие-нибудь зачуханные угри да лягушки! Гляньте-ка на этот туман — ишь как его мотает по всему озеру. Как будто старина Ной со своим преподобным семейством водят хоровод в ночных рубашках — ну, прямо как живые!

— Здесь всегда туманы, — сказала змея, — и раньше были туманы. Первая радуга воссияла на них.

— А по мне, грош цена всем этим туманам и прочему хозяйству, — заявил воробей. — Сколько еще сотен миль этого чудного голубого простора нам нужно пропахать, чтобы добраться до нашей драгоценной миссис Грязнухи?

— Не так уж и много, — сказала змея. — Она живет на краю озера, в нескольких милях к северу. Нам лучше поторопиться и попасть туда до темноты.

И снова со своей могучей проводницей во главе путешественники двинулись вперед

С каждой минутой становилось темней, и слева из мангровых зарослей начали раздаваться крики каких-то ночных птиц. Гу-Гу сказал Доктору, что это кричат совы, но, судя по голосам, многие из них принадлежат к таким видам, каких он еще никогда не встречал.

— Ничего удивительного, — ответил Доктор. — Здесь наверняка полным-полно зверей и птиц, которых не встретишь больше нигде на свете.

Наконец, когда уже почти совсем стемнело, змея повернула влево и приблизилась к краю мангрового леса. Едва различая ее в наступившей темноте, Доктор направил каноэ в небольшую бухточку, и вдруг нос каноэ неожиданно наскочил на что-то твердое. Доктор уже было наклонился через борт, чтобы посмотреть, что это такое, когда из мрака совсем рядом с ним раздался низкий глубокий бас:

— Здравствуйте, Джон Дулитл! Добро пожаловать на озеро Джунганьика!

Подняв глаза, доктор увидел на небольшом круглом острове силуэт гигантской черепахи — не меньше двенадцати футов в поперечнике, — величественно вырисовывающийся на фоне черно-синего неба.

Долгое путешествие наконец подошло к концу.

Доктор Дулитл никогда не любил брать с собой в дорогу много багажа. Он и на этот раз отправился в путь, взяв с собой только свой маленький черный докторский саквояж и несколько самых необходимых вещей, завернутых в одеяло. К счастью, среди них все-таки нашлась пара свечей, и если бы не они, Доктор ни за что бы не смог в этой темноте безопасно высадиться из каноэ.

Впрочем, зажечь их при резком порывистом ветре, разгуливавшем по всему озеру, тоже было не так-то просто. Положение спас. Гу-Гу, который скрутил из тонких листьев что-то вроде фонариков. И хотя свет сквозь них пробивался бледным тускло-зеленым пятном, этого оказалось достаточно, чтобы немного оглядеться.

К своему удивлению, Доктор обнаружил, что холмик или, скорей, островок, на котором жила черепаха, был не из грязи, хотя повсюду на нем были видны грязные отпечатки лап. Он был сделан из камней — из камней, отесанных в квадраты с помощью резца!

Пока Доктор с любопытством разглядывал их, черепаха сказала:

— Это камни с развалин города. Когда я была моложе, я вполне могла жить и спать в грязи. Но с тех пор, как мне не дает покоя моя подагра, я решила, что мне следует найти для отдыха какое-то надежное и сухое место. Из этих камней когда-то был построен королевский дворец.

— Развалины города? — воскликнул Доктор, всматриваясь во влажную густую темноту, окружавшую маленький островок. — Но откуда они здесь взялись?

— Со дна озера, — сказала черепаха. — Вот там, — Грязнуха кивнула в сторону бескрайних черных вод, — там тысячи лет назад был прекрасный город Шалба. Мне ли этого не знать, если я сама жила в нем многие годы? Тогда это был самый большой и красивый город на земле, а король Машту из Шалбы был самым могущественным монархом в мире. А теперь я, черепаха Грязнуха, построила себе гнездо на болоте из развалин его дворца. Вот так!

— Вы говорите так, — сказал Доктор, — как будто король Машту чем-то обидел вас?

— Уж не без того, — проворчала Грязнуха. — Но все это было еще до Потопа. Вы долго ехали, и, наверно, устали и проголодались?

— Я бы с большим удовольствием послушал вашу историю, — ответил Доктор. — Она займет очень много времени?

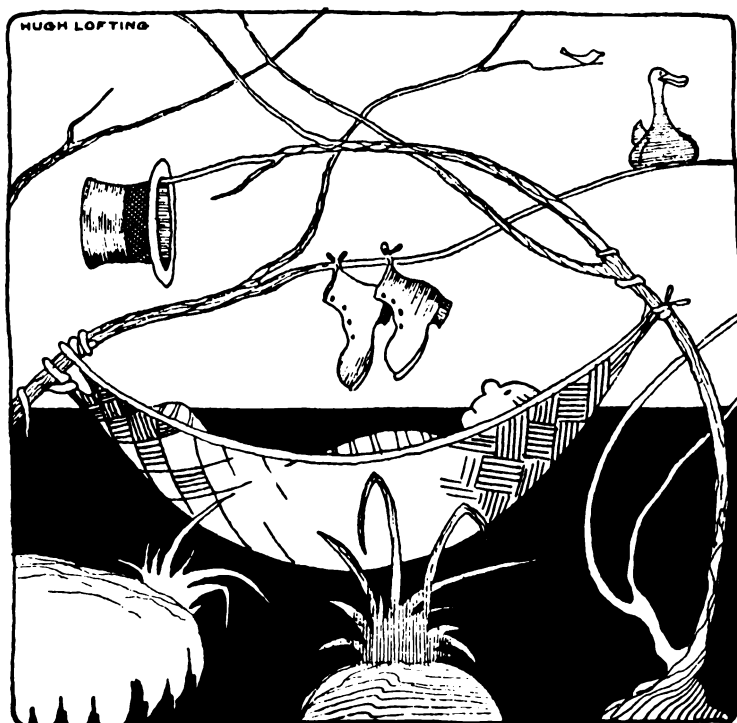
— Я думаю, не меньше трех недель, — прошептал Чипсайд. — Черепахи все делают медленно. Внутренний голос подсказывает мне, что это самая длинная история в мире. Давайте сперва немного перекусим и отдохнем. А история никуда не убежит — мы с таким же успехом сможем послушать ее и завтра.

Несмотря на нетерпение Джона Дулитла, историю было решено отложить до следующего дня. На ужин Даб-Даб приготовила вполне съедобное кушанье из пресноводных моллюсков, а Гу-Гу набрал болотных ягод, которые прекрасно подошли для десерта.

И тут перед Доктором во весь рост встала проблема, где лечь спать. Это был отнюдь не праздный вопрос, потому что на островке черепахи, хотя он и был сложен из камня, не оказалось ни единого сухого и чистого места. Доктор попробовал улечься в каноэ, но там было слишком тесно и, вдобавок, ничуть не менее сыро и грязно. Как видно, в этой местности главную бытовую трудность представляла борьба с грязью и сыростью.

— Когда Ной и его семья вылезли из ковчега, — сказала черепаха, — они первое время спали в маленьких кроватях, которые натягивали между стволами затопленных деревьев.

— Конечно — в гамаках! — радостно закричал Доктор. — Это как раз то, что нам надо!

Доктор соорудил очень удобный гамак из
ветвей ивы.

Буквально за несколько минут с помощью Джипа и Даб-Даб он соорудил очень удобный плетеный гамак из ветвей ивы и закрепил его между двумя большими отростками мангрового дерева. Там он и устроился, накрывшись сверху своим одеялом. И хотя деревья под его тяжестью склонились до самой воды, их гибкие и упругие стволы не ломались, а только поскрипывали, как хороший пружинный матрас.

Взошла луна, и фантастический пейзаж Джунганьики засветился зелеными отблесками и голубыми тенями. Едва только Доктор задул свои свечи и Джип свернулся калачиком у него в ногах, как черепаха вдруг низким басом запела какую-то мелодию, в такт покачивая своей тяжелой головой.

— Что это за мелодия? — спросил Доктор.

— Это марш слонов, — ответила черепаха. — Его всегда исполняли в королевском цирке Шалбы перед тем, как слоны выходили на помост.

— Будем надеяться, что в этой песенке не очень много куплетов, — сонно проворчал Чипсайд, засовывая голову под крыло.

Солнце еще не взошло над мрачными водами Джунганьики, когда Джип почувствовал, что Доктор зашевелился в гамаке, собираясь встать. Вскоре уже можно было слышать, как Даб-Даб возится в грязи у берега, самоотверженно пытаясь сообразить что-нибудь на завтрак в этих тяжелых походных условиях. Потом и Чипсайд, что-то недовольно прочирикав спросонок, высунул голову из-под крыла, с отвращением посмотрел вокруг и засунул ее обратно.

Но пытаться снова заснуть было уже бесполезно. Лагерь пробуждался. Джон Дулитл, весь в мыслях об истории, которую ему предстояло услышать,

Доктор умылся в озере.

выбрался из гамака и с шумом умывался в озере. Чипсайд расправил перышки, тщательно выругался на языке кокни и слетел со своего дерева к Доктору.

— Послушайте, Док, — прошептал он, — это очень нездоровое место. Меня всего крючит от этой проклятой сырости! Надо поскорей отсюда сматывать удочки, если вы не хотите, чтобы у вас через недельку-другую отросли перепонки между пальцами. И вот еще что: не очень-то развешивайте уши, когда эта старая Грязнуха заведет свою волюнку насчет Потопа и прочих дел. Знаете кого она мне напоминает? Лондонских ветеранов Индийской кампании. Эти, бывало, ударятся в ихние дурацкие воспоминания, и черта с два их потом остановишь. Скажите ей, чтоб это было покороче — пусть в общих чертах расскажет самое главное и баста! Поймите, чем быстрее мы отрясем здешнюю грязь со своих ног и вернемся в Фантиппо, тем лучше это будет для всех нас.

Когда с завтраком было покончено, Доктор заточил свой карандаш, приготовил блокнот и, наказав Гу-Гу внимательно слушать, на тот случай, если сам он что-нибудь пропустит, попросил черепаху начать свой рассказ о Великом Потопе.

Чипсайд был отчасти прав. Хотя этот рассказ и не занял трех недель, но целый день он занял. Медленно и плавно солнце поднялось на востоке, проплыло через весь небосвод и опустилось на западе, а Грязнуха все продолжала бормотать, рассказывая про те чудеса, которые она видела много лет назад, и карандаш Доктора без устали летал над страницами блокнота. Повествование прерывалось только тогда, когда черепаха наклонялась к воде смочить свою длинную шею или когда Доктор

останавливал ее, чтобы задать какой-нибудь вопрос по естественной истории до-Потопных времен.

Даб-Даб приготовила обед и ужин и постаралась подать их как можно тише и незаметней, чтобы не прерывать рассказа. Впрочем, Доктору было не до еды. Вскоре совсем стемнело, и Джон Дулитл делал свои записи при свете свечей, в то время, как все его питомцы, за исключением Гу-Гу, уже клевали носом или посапывали.

Наконец около половины одиннадцатого к большому облегчению Чипсайда черепаха торжественно произнесла заключительные слова:

— И это, уважаемый Джон Дулитл, конец истории Великого Потопа, рассказанной той, которая видела его своими собственными глазами.

Некоторое время после этого никто не признавал ни слова. Молчал даже непочтительный Чипсайд. Мелкие осколки звезд, оттененные ярким светом луны, весело подмигивали с огромного синего купола, нависшего над озером. Где-то вдалеке среди мангровых зарослей прокричала болотная сова, и Гу-Гу быстрым движением повернул голову и прислушался. Даб-Даб, как экономная хозяйка, видя, что Доктор закрывает блокнот и убирает карандаш, задула свечи. Наконец Доктор заговорил:

— Дорогая Грязнуха, за всю мою жизнь я никогда и нигде не слышал ничего более интересного. Я... я просто счастлив, что приехал сюда.

— Я тоже рада, Джон Дулитл. Ведь в наше время вы — единственный человек, который понимает язык животных. И если бы вы не приехали ко мне, то историю про Потоп никто бы уже не услышал. Я стала так стара и не могу уходить далеко от Джунганьки.

— Вас не очень затруднит, если я вас еще кое о

чем попрошу? — сказал Доктор. — Не могли бы вы принести мне что-нибудь на память из затопленного города?

— Это совсем не трудно, — сказала черепаха. — Я, пожалуй, сделаю это прямо сейчас.

Медленно и плавно, словно какое-то доисторическое чудовище, черепаха пересекла островок и без единого всплеска погрузила в воды озера свое огромное тело. Только небольшой водоворот обозначил то место, где она исчезла из виду.

На берегу стало тихо. Все звери ненадолго проснулись и с интересом ожидали возвращения черепахи. Доктору отчетливо представлялось, как она передвигается среди вековых отложений по дну озера, выискивая какой-нибудь памятный документ этой великой цивилизации, исчезнувшей вместе с Потопом — может быть, пергамент, каменную табличку с надписью или даже книгу. Но, когда Грязнуха, мокрая и блестящая в лунном свете, наконец появилась из воды, на спине у нее лежал большой каменный подоконник, весивший, должно быть, больше тонны.

— Господи, помилуй! — пробормотал Чипсайд. — Только подумать, какой бы из нее вышел прекрасный ломовой извочик! Второй Картер Паттерсон! Интересно, зачем она приволокла эту штуку? Она, наверно, думает, что Доктор привесит ее себе на цепочку для часов!

— Это было самое легкое из того, что я смогла найти, — сказала черепаха, с ужасным грохотом скинув подоконник со своей спины. — Я думала, что смогу подыскать для вас какую-нибудь вазу, или тарелку, или что-то еще, что вы могли бы унести с собой. Но все маленькие предметы остались под многометровым слоем ила и грязи — их невозможно

достать. А это я отломила от второго этажа королевского дворца — от окна спальни королевы. Я подумала, что, в любом случае, вам будет интересно посмотреть на эту штуку, даже если вы и не сможете забрать ее с собой. Здесь замечательная резьба. Подождите минутку, я только смою с него грязь.

Свечи были снова зажжены, и, после того как подоконник отмыли, Доктор очень тщательно его осмотрел и даже зарисовал кое-что в своем блокноте.

К тому времени все его спутники, за исключением Гу-Гу, давно и крепко спали. И только, внезапно услышав, как Джип сладко храпит в гамаке, Доктор понял, что уже очень поздно. Он задул свечи, в крошечной темноте забрался в гамак и натянул на себя одеяло.

ГЛАВА 10

ПОСЛЕДНИЙ ПРИКАЗ ГЛАВНОГО ПОЧТМЕЙСТЕРА

Когда Даб-Даб разбудила всех на следующее утро, солнце еще едва пробивалось сквозь густой туман над озером, пытаясь по мере сил оживить этот безрадостный пейзаж.

Бедная Грязнуха проснулась с жестоким приступом подагры. Этот тяжелый недуг почти не беспокоил ее со времени приезда Доктора, но сейчас каждое движение причиняло ей мучительную боль. Даб-Даб принесла ей завтрак в постель, если, конечно, так можно назвать то место на голых камнях, где она провела ночь.

Джон Дулитл был ужасно недоволен собой за то, что вчера вечером попросил ее отправиться на дно озера.

— Боюсь, что именно это и вызвало приступ, — сказал он, доставая из каноэ свой докторский саквояж и смешивая для черепахи несколько лекарств. — Но вам действительно нужно перебраться из этого влажного места куда-нибудь, где посуше. Я знаю, что обычно черепахи хорошо переносят влажный климат, но в вашем возрасте уже следует быть осторожней.

— Нет другого места, которое бы мне так нравилось, — сказала Грязнуха. — Разве найдешь в наше время уголок, где бы тебя никто не потревожил?

— Выпейте-ка вот это, — приказал Доктор, передавая ей чайную чашку какой-то коричневатой смеси. — Я уверен, что боли в ваших передних конечностях должны скоро пройти.

Доктор смешал для черепахи несколько
лекарств.

Черепеха опорожнила чашку, и уже через несколько минут заявила, что чувствует себя гораздо лучше и вполне может передвигаться без посторонней помощи.

— Какое замечательное лекарство! — сказала она. — Вы на самом деле великий доктор. А у вас найдется его еще немного?

— Я приготовлю для вас несколько бутылок этой микстуры и оставляю вам перед тем, как мы отправимся домой, — сказал Джон Дулитл. — Но вы действительно должны перебраться отсюда куда-нибудь на более высокое место. Этот маленький илистый пригорок совсем не самое подходящее место для больных подагрой. А нет ли на озере настоящего острова, где вы могли бы поселиться, — если уж вы ни за что не хотите покидать эти края?

— Здесь нет никаких островов, — ответила черепаха. — Только вода и ил на мили и мили вокруг. Мне раньше здесь очень нравилось — мне и сейчас здесь нравится. Я бы ни о чем лучшем не мечтала, если бы не моя проклятая подагра.

— Что ж, — сказал Доктор. — Если здесь нет острова, то мы его построим!

— Построите? — удивилась черепаха. — А как вы собираетесь это сделать?

— Очень скоро вы это увидите, — ответил Джон Дулитл.

Доктор вызвал к себе Чипсайда.

— Слетай, пожалуйста, в Фантиппо, — сказал он управляющему городским почтовым отделением, — и передай Быстрей-Ветра, все что я тебе сейчас скажу. Кроме того, попроси его довести это до сведения всех начальников наших филиалов. Запоминай: Ласточкина почта в скором времени должна быть закрыта. Мне сейчас необходимо

вернуться в Падлби-на-болоте, а оттуда я уже не смогу руководить почтой в том виде, в котором она существует теперь. Я хочу передать мою искреннюю благодарность всем птицам: почтмейстерам, клеркам и разносчикам писем, которые так самоотверженно помогали мне в этой работе. И я хочу их попросить еще об одном большом одолжении и надеюсь, что они согласятся помочь мне. Мне нужно, чтобы они построили остров посередине озера Джунганьика. На этом острове будет жить черепаха Грязнуха, самое старое животное на свете, которая в давние времена, когда наша земля переживала один из самых тяжелых периодов своей истории, оказала огромную услугу людям и животным — словом, всему живому на земле. Попроси Быстрей-Ветра связаться с вожаками стай по всему миру. Скажи ему, что я бы хотел, чтобы как можно больше птиц и как можно скорее приняло участие в строительстве острова, где это достойное животное могло бы спокойно окончить свои дни. Это будет моим последним приказом служащим почты, и я надеюсь, что они приложат все свои силы к тому, чтобы его выполнить.

Чипсайд сказал, что такое длинное послание он ни за что не сможет запомнить наизусть и попросил Доктора продиктовать все послание с самого начала, чтобы он мог записать его на птичьем языке.

Это послание, это последнее обращение великого Главного Почтмейстера к сотрудникам Ласточкиной почты Чипсайд бережно хранил долгие годы. Он держал его в своем неопрятном гнезде в левом ухе Святого Эдмунда на южной стороне алтаря собора Святого Павла и все надеялся, что голуби, которые обитали над главным входом Британского Музея, когда-нибудь смогут протащить его внутрь.

Но в одно ужасное утро, когда рабочие чистили фасад собора, ветер выдул бумажку из уха Святого Эдмунда, и, прежде чем Чипсайд смог подхватить ее, она пролетела над крышами домов, упала в реку и утонула.

Воробей вернулся из своей командировки уже ближе к вечеру. Он отрапортовал, что Быстрей-Ветра сейчас же по получении послания Доктора разослал его почтмейстерам всех почтовых отделений с приказом передать его вожакам птичьих стай. Можно было ожидать прибытия первых птиц уже завтра утром.

На рассвете следующего дня Доктора разбудил сам Быстрей-Ветра. Во время завтрака он подробно рассказал Джону Дулитлу, какие им были сделаны приготовления.

Вся работа, по расчетам Быстрей-Ветра, должна была занять три дня. Каждой птице было приказано захватить с собой по пути камень, или немного гальки, или щепотку песка с берега моря и принести их на место. Более крупные птицы, которые могут нести большие камни, должны были прибыть первыми, за ними — птицы средних размеров, а потом — уже совсем маленькие — с песком.

Завтрак еще не был окончен, когда небо над озером стало наполняться кружащимися стаями скоп, цапель и альбатросов. Быстрей-Ветра оставил Доктора и присоединился к ним. Он занял позицию прямо над серединой озера, где неподвижно завис, выполняя роль живого указателя для прибывающих птиц. И работа закипела.

Весь день нескончаемый поток больших птиц, по двенадцать в ряд, тянулся со стороны моря и пересекал озеро Джунганьика. Их строй смотрелся со стороны как сплошная черная линия, в которой

птицы шли вплотную одна к другой, так что клюв задней птицы едва не упирался в хвост передней. И когда каждая дюжина птиц достигала того места, где завис Быстрей-Ветра, двенадцать камней со свистом летели в воду. Вся эта операция происходила настолько слажено и четко, что казалось, с неба сыплется каменный дождь, и непрерывный грохот падающих камней был слышен, наверное, на целую милю.

В середине озера было довольно глубоким. И, конечно, нужны были многие и многие тонны камней, чтобы новый остров мог подняться над поверхностью воды. Впрочем, на этот раз и птиц собралось гораздо больше, чем когда Доктор произносил свою знаменитую речь в долине Земли-безлюдей. Это было самое грандиозное собрание птиц, какое только можно себе представить. Ведь теперь по призыву Доктора прибыли не только вожаки стай, но и тысячи и тысячи их подчиненных. Глядя на это великолепное зрелище, Джон Дулитл был настолько потрясен, что зачем-то прыгнул в свое каноэ и начал энергично грести, направляясь к месту работ. Но в это время Быстрей-Ветра, видя, что верхушка каменной насыпи все еще не показывается над водой, а птиц со всех концов света прибывает на подмогу все больше и больше, потерял терпение и снова приказал удвоить ряды. После этого тысячи камней уже обрушивались в воду практически каждую долю секунды, и на озере поднялось такое большое волнение, что Доктору пришлось повернуть обратно к острову черепахи, потому что разгулявшиеся волны грозили вот-вот опрокинуть его каноэ.

Эта бомбардировка продолжалась весь день, всю ночь и половину следующего дня. Наконец около

полудня грохот, который издавали падающие камни, стал немного другим. Звуки всплесков сменились ударами камней друг о друга. Исчезла и огромная вздыбленная масса кипящей белой воды, фонтанировавшая в центре озера, и на ее месте появилось небольшое черное пятно. Это была верхушка нового острова.

— Так стали проглядывать первые горы, когда Потоп начал сходить на нет, — проговорила Грязнуха Доктору.

А тем временем Быстрой-Ветра отдал приказ приступить к работе птицам среднего размера, и характер шума снова изменился, когда тонны и тонны мелкой гальки и гравия присоединились в камнепаду.

Прошел еще день и еще ночь, а на рассвете доблестный Быстрой-Ветра уже мог наконец опуститься на землю и дать отдых своим усталым крыльям. Теперь птицам уже не нужно было никакого указателя — посреди озера возвышался приличных размеров остров, на который они продолжали сбрасывать свою ношу.

Рукотворный остров рос на глазах, и вскоре новое владение Грязнухи уже было площадью не меньше акра. Быстрой-Ветра отдал новый приказ, и звук падения гальки сменился на тихий шелест. Небо просто почернело от миллионов маленьких птиц, и над озером разразился настоящий песчаный ливень. А самые последние птицы принесли всевозможные семена трав и цветов, желуди и пальмовые орехи, чтобы новый остров со временем превратился в пышный дикий парк с мягким дерном и тенистыми лужайками, где можно укрыться от жаркого африканского солнца.

Когда Быстрой-Ветра подлетел к Доктору и до-

ложил, что работа закончена, Грязнуха задумчиво посмотрела на озеро и пробормотала:

— Ну, вот. Теперь великий город Шалба действительно погребен навсегда, и памятником ему — этот остров! Вы мне устроили замечательное жилище, Джон Дулитл! Исчез великий город Шалба. Нет больше гордого короля Машту. А черепаха Грязнуха — живет себе!

ГЛАВА 11

ПРОЩАНИЕ С ФАНТИППО

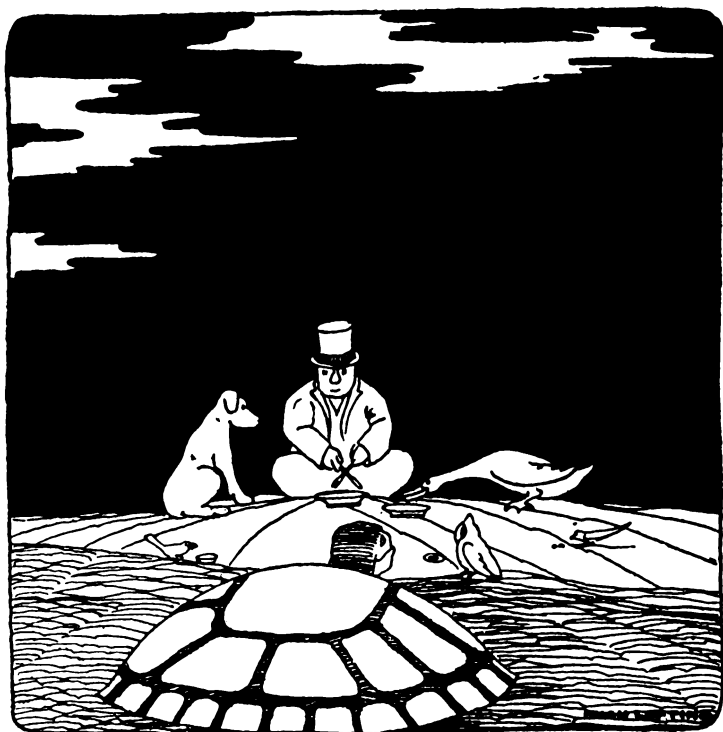
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ Грязнухи на новый остров было целым событием. Она медленно погружилась в воду и, не торопясь, поплыла в направлении острова. Доктор греб в каноэ рядом с ней. Пока они не ступили на берег острова, Джон Дулитл и сам как следует не представлял его действительных размеров. Остров был округлым по форме и больше четверти мили в поперечнике. Плоская вершина на добрую сотню футов возвышалась над уровнем озера.

Грязнуха была ужасно довольна. С трудом взобравшись на плато в центре острова, откуда открывался прекрасный обзор окрестных равнинных берегов, она удовлетворенно заявила, что на этом сухом месте ее здоровье обязательно пойдет на поправку.

Даб-Даб приготовила праздничное угощение — лучшее из того, что она смогла здесь достать, — чтобы, как она выразилась, отметить новоселье. Все весело уселись вокруг еды, и Доктора попросили сказать торжественную речь в честь новоселья черепахи.

Чипсайд очень опасался, что Грязнуха расчувствуется и произнесет ответную речь, которая вполне может затянуться до завтрашнего дня. Но к его облегчению Доктор сейчас же по окончании своей речи начал собираться в обратный путь.

Он приготовил шесть бутылей микстуры от подагры и вручил их Грязнухе с подробными указаниями, как и когда эту микстуру следует принимать. Кроме того, он объяснил ей, что хотя его почта и

Даб-Даб приготовила праздничное угощение.

прекращает регулярную работу, но черепаха всегда сможет послать ему весточку в Падлби-на-болоте. Он попросит перелетных птиц иногда заглядывать к ней, и если подагра усилится, то он хотел бы, чтоб Грязнуха дала ему знать об этом.

Старая черепаха без устали благодарила его, и расставание получилось очень долгим и трогательным. Но наконец все прощальные слова были сказаны. Доктор со своими друзьями забрался в каноэ, и они отправились в дорогу.

Достигнув устья реки у южной оконечности озера, Доктор ненадолго остановился и оглянулся назад. Вдалеке он разглядел силуэт старой черепахи, стоящей на вершине своего острова и смотрящей им вслед. Путешественники помахали ей на прощанье, и каноэ двинулось вглубь мангровых болот.

— Она сейчас выглядит точно так же, как и в ту ночь, когда мы приехали, — сказала Даб-Даб. — Помните? Словно огромная статуя на фоне неба!

— Бедная старуха! — пробормотал Доктор. — Надеюсь, теперь у нее будет немного лучше со здоровьем... Какую замечательную жизнь она прожила! Какую прекрасную историю она рассказала!

— Я ведь предупреждал вас, Док, — сказал Чипсайд, — что эта история будет длинной, как я не знаю что. Шутка сказать, непрерывно болтать целый день и еще полночи!

— Но ведь, кроме нее, эту историю не мог бы рассказать никто на всем белом свете, — сказал Джон Дулитл.

— И слава Богу! — проворчал воробей. — Представляю, что было бы с нашим миром, если бы каждый начал по суткам рассказывать свои дурацкие истории. Хотя лично я не поверил ни единому слову из всей этой басни. Я так думаю, она все это просто

выдумала. Делать ей нечего — сиди себе в этой грязи сотнями лет и сочиняй всякую ерунду!

Путешествие через джунгли закончилось без особых приключений. Но когда Доктор и его друзья вышли к океану и повернули каноэ на запад, они увидели совершенно необычайное зрелище. В побережье зияла огромная дыра — как будто гигантский кусок берега был вырван отсюда чьй-то могучей рукой. Быстрей-Ветра сказал Доктору, что это здесь птицы брали камни и песок по пути к Джунганьике. Они буквально перенесли целые акры морского берега почти на тысячу миль вглубь континента. Впрочем, уже через несколько месяцев океанский прибой сделал свое дело, и это место уже ничем не отличалось от остального побережья.

Поэтому, когда много лет спустя группа ученых-геологов посетила озеро Джунганьика, они в один голос утверждали, что наличие морской гальки на острове посреди озера неопровержимо доказывает, что раньше здесь было море. И это действительно было так, но только во времена Потопа. Один лишь Доктор среди всех ученых на земле, знал, что остров Грязнухи имел совсем иное происхождение.

На веранде плавучей конторы Доктора, как всегда, встречал король Коко в окружении своих придворных. Сейчас же был подан традиционный чай, и его величество был в таком восторге от возобновления этой приятной традиции, что у Джона Дулитла просто язык не поворачивался сказать ему о своем намерении закрыть почтовую контору и вернуться в Англию. Но тут во время чаепития в бухту вошли несколько больших парусных кораблей. Это были суда фантипского торгового флота, которые совершали регулярные рейсы вдоль побережья, торгуя с другими странами Африки. Доктор ненавяз-

чиво указал королю на то, что теперь международная почта может доставляться этими кораблями в крупные порты побережья, куда суда из Европы заходят каждую неделю.

И развивая эту тему, Доктор стал говорить королю, что хотя он очень полюбил за это время страну Фантиппо, его народ и лично великого короля Коко, но у него накопилось много дел в Англии и ему, к его глубокому сожалению, необходимо съездить домой. А поскольку никто из туземцев не умеет говорить на птичьем языке, то Ласточкину почту придется теперь заменить обычной почтовой службой.

Впрочем Доктор скоро понял, что его велчество гораздо больше удручен перспективой разлуки со своим белым другом и утраты послеобеденного чая в плавучем домике, чем какими бы то ни было переменами в почтовых делах. Но в конце концов ему удалось убедить короля Коко в том, что ему действительно надо ехать, и проливая потоки слезы в свою чашку с чаем, его величество милостиво дал разрешение Главному Почтмейстеру Фантиппо оставить свой ответственный пост.

Велика же была радость питомцев Доктора и терпеливых ласточек, когда они узнали, что Джон Дулитл наконец-то в самом деле возвращается домой! Габ-Габ и Джип не могли дождаться, пока закончатся последние церемонии по поводу закрытия плавучей почты и переводу отдела международной почты в городскую контору. Даб-Даб весело суежилась с утра до вечера, а Чипсайд не переставал чирикать о прелестях лондонской жизни, о достижениях городской цивилизации и о всех тех полезных и приятных вещах, которые он немед-

ленно сделает, как только вернется обратно в родные места.

Прощальные приемы, которые король Коко и его придворные устраивали в честь отбывающего Доктора, шли бесконечной чередой. Целыми днями перед его отплытием многочисленные каноэ сновали между городом и плавучим домиком, перевозя подарки благодарных фантиппцев. А Доктор, принужденный все время улыбаться, становился все печальней и печальней при мысли о расставании с добрыми друзьями. Но вот наконец якорь был поднят, и корабль Джона Дулитла вышел в открытое море.

С тех пор во всех хрониках, посвященных истории королевства Фантиппо, несколько глав непременно посвящались загадочному белому человеку, который за короткое время произвел огромные улучшения в почтовом обслуживании, связи, кораблевождении, торговле, образовании и вообще чрезвычайно способствовал процветанию страны. И действительно, благодаря неприметной с виду деятельности Джона Дулитла царствование короля Коко вошло в историю как Золотой век государства Фантиппо. И в память об этом на рыночной площади до сих пор стоит большая деревянная статуя Доктора.

Почтовая служба в Фантиппо продолжала безупречно работать и после отъезда Доктора. Марки с портретами короля Коко были все так же красивы и выпускались в таких же огромных количествах. По случаю первого годового смотра торгового флота Фантиппо была выпущена очень красивая памятная двухшиллингвая марка, на которой был изображен его величество, осматривающий свои новые корабли через монокль из леденца. Сам король стал завзятым коллекционером марок, правда, его

На рыночной площади до сих пор стоит
большая деревянная статуя Доктора.

альбом больше напоминал альбом семейных фотографий, поскольку в нем преобладали его собственные изображения. Впрочем, в связи с почтовой службой в Фантиппо едва не произошла одна крупная неприятность. Какие-то чересчур горячие собиратели марок организовали заговор с целью убийства короля Коко. Они рассчитывали, что после этого марки с его изображением не будут больше печататься и станут большой редкостью. Но к счастью, заговор удалось раскрыть до того, как его величеству был причинен хоть какой-нибудь ущерб.

И еще много лет птицы, прилетающие в Падлби-на-болоте, рассказывали Доктору, что по королевскому указу за его цветами в оконных ящиках старого плавучего домика тщательно ухаживают и поливают их каждый день. А его величество, говорили они, по-прежнему не расстается с надеждой, что когда-нибудь его белый друг вернется в Фантиппо, и они снова будут вместе пить чай на веранде почтовой конторы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

История Доктора Дулиттла

Глава 1. Падлби-на-болоте	9
Глава 2. Язык зверей	13
Глава 3. Новые, денежные затруднения	21
Глава 4. Послание из Африки	28
Глава 5. Великое путешествие	34
Глава 6. Полинезия и Король	41
Глава 7. Обезьяний мост	47
Глава 8. Предводитель Львов	55
Глава 9. Совещание	61
Глава 10. Самый редкий зверь	65
Глава 11. Черный Принц	71
Глава 12. Медицина и волшебство	77
Глава 13. Красные паруса и синие крылья	85
Глава 14. Крысиное предупреждение	89
Глава 15. Барбарийский Дракон	94
Глава 16. Гу-Гу прислушивается	100
Глава 17. Океанские сплетники	105
Глава 18. Запахи	110
Глава 19. Скала	117
Глава 20. Рыбацкий городок	122
Глава последняя. Снова дома	127

Почтовая служба Доктора Дулиттла

ПРОЛОГ	133
---------------	------------

ЧАСТЬ I

Глава 1.	Зузана	134
Глава 2.	На борту военного корабля	141
Глава 3.	Лучший канонир	150
Глава 4.	Королевская почта Фантиппо	158
Глава 5.	Возвращение откладывается	166
Глава 6.	Земля-без-людей	173
Глава 7.	Рай-для-животных	183
Глава 8.	Самая быстрая почта в мире	191

ЧАСТЬ II

Глава 1.	Необыкновенная почтовая контора	203
Глава 2.	Чипсайд	214
Глава 3.	Про птиц, которые помогли Колумбу	225
Глава 4.	Маяк на мысе Стивена	234
Глава 5.	Чайки и корабли	245
Глава 6.	Бюро предсказания погоды	257
Глава 7.	Уроки по почте	265

ЧАСТЬ III

Глава 1.	Журнал для животных	269
Глава 2.	История, которую рассказал Доктор	275
Глава 3.	История, которую рассказал Габ-Габ	280
Глава 4.	История, которую рассказала Даб-Даб	288
Глава 5.	История, которую рассказала белая мышка	293
Глава 6.	История, которую рассказал Джип	305
Глава 7.	История, которую рассказал Гу-Гу	317
Глава 8.	История, которую рассказал Тяни-Толкай	327

ЧАСТЬ IV

Глава 1.	Отделение приема и отправки посылок	339
Глава 2.	Великое почтовое ограбление	351
Глава 3.	Жемчужины и брюссельская капуста	359
Глава 4.	Охотники за жемчугом	365
Глава 5.	Восстание Обомбо	376
Глава 6.	Освобождение Доктора	386
Глава 7.	Загадочное письмо	394
Глава 8.	Страна Мангровых Болот	402
Глава 9.	Тайное озеро	409
Глава 10.	Последний приказ Главного Почмейстера	421
Глава 11.	Прощание с Фантиппо	429

Хью Лофтинг
ИСТОРИЯ ДОКТОРА ДУЛИТЛА

Перевод с английского
Ю.В.Муравьевой, Т.П.Филаткиной, М.И.Фрейдкина

Для младшего и среднего возраста

Ответственные за выпуск
Т.В.Громова, О.В.Ермолаева
Художник *И.К.Борисова*
Технический редактор *Т.Х.Гусаева*
Корректор *Т.М.Новикова*
Оригинал макет подготовлен *С.Ю.Кузнецовым*

Сдано в набор 15.05.92. Подписано к печати 14.08.92.
Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Академическая.
Печать офсет. Усл.-печ. л. 27,5. Усл. кр.-отт. 28,0. Уч.-изд. л.
17,8 + 2,04 илл. Тираж 150 000 экз. Заказ № 1054.

Издательство «Рудомино»
Всероссийской государственной библиотеки
иностранный литературы
имени М.И.Рудомино.
109189, Москва, Ульяновская ул. 1.

Ярославский полиграфкомбинат Министерства печати
и информации Российской Федерации.
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

